

**Уильям Пирс
(Эндрю Макдональд)**

Дневники Тернера

Издательство: Ультра. Культура
Твердый переплет, 346 стр.
ISBN 5-98042-014-2
Тираж: 5000 экз.
Издана: 31.07.2003 г.
Формат: 84x108/32

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ФБР назвали "Дневники Тернера" «Библией правых расистов». Если в США когда-нибудь решат составить список книг, рекомендованных к запрету, то эта книга будет в верхней части такого списка. "Дневники Тернера" является на сегодня одной из наиболее спорных книг в Америке. Дело в том, что она издана в 1978 году, а в последующие годы многие описанные в ней события произошли в реальном мире. Она переведена на 18 языков мира.

Приятного прочтения.

Bruder

<http://cagal.clan.su>

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	2
глава I	3
глава II	9
глава III.....	14
глава IV	20
глава V	27
глава VI	34
глава VII	40
глава VIII.....	45
глава IX	49
глава X	54
глава XI	59
глава XII	62
глава XIII.....	68
Глава XIV	73
глава XV.....	78
глава XVI	83
глава XVII	87

глава XVIII	92
глава XIX	97
глава XX.....	102
глава XXI	107
глава XXII	113
глава XXIII	118
глава XXIV	124
глава XXV.....	130
глава XXVI	135
глава XXVII	141
глава XXVIII	147
ЭПИЛОГ	149

Вступление

Существует большой свод литературы о Великой Революции, включая воспоминания почти всех лидеров, доживших до Новой Эры, так что еще одна книга о социальном катаклизме и возрождении может показаться лишней. Однако "Дневники Тернера" предоставляют уникальную возможность узнать подоплеку событий, что имеет важное значение по двум причинам:

1) Это довольно подробные записи о годах борьбы, предшествовавшей Революционному взрыву, которые автор делал постоянно, изо дня в день. Поэтому здесь нет неточностей, часто сопровождающих мемуарные сочинения. Другие участники великих событий тоже публиковали свои дневниковые записи, но далеко не столь полные и подробные.

2) Записи сделаны рядовым членом Организации, и хотя они отчасти страдают близорукостью, это, вне всяких сомнений, правдивый документ эпохи. В отличие от некоторых лидеров Революции, автор этого дневника писал, не задумываясь, о том, каким будет его место в истории. "Дневники Тернера" лучше, чем другие источники, помогают нам понять истинные мысли и чувства тех мужчин и женщин, чьи борьба и жертвенность спасли наш народ во времена величайшей опасности и подарили нам Новую Эру.

Эрл Тернер, автор дневников, родился в 43 г. ДНЭ (До Новой Эры) в Лос-Анджелесе, как называли во времена Старой Эры довольно большой район метрополии на западном берегу Североамериканского континента, где теперь располагаются общины Эскартсвил, Весселтон и много деревень. Он вырос в Лос-Анджелесе и выучился на инженера-электрика.

Получив образование, Эрл Тернер поселился недалеко от города Вашингтон, который был столицей Соединенных Штатов Америки, и нашел работу в одной из исследовательских фирм, занимавшихся электроникой.

Активным членом Организации он стал в 12 г. ДНЭ. Первые записи в "Дневниках" относятся к 8 г. ДНЭ (1991 году согласно старому летоисчислению), когда Тернеру уже исполнилось тридцать пять лет, но он еще не имел подруги.

Дневниковые записи рассказывают всего о двух годах жизни Эрла Тернера, но позволяют нам близко познакомиться с одним из тех людей, чьи имена занесены в

революционный Мартиролог. Хотя бы по одной этой причине его записи имеют особое значение для всех нас, получавших в школьные годы задание выучить наизусть имена всех Мучеников из священного Мартиролога, завещанного нам предками.

Рукописные дневники Тернера состоят из пяти полностью заполненных тетрадей в тканевом переплете и нескольких страниц в начале шестой тетради. Во всех тетрадях много вклеек и отдельных листков с заметками, очевидно, относящихся к тем дням, когда Тернер отсутствовал на базе, и разложенных им на соответствующих местах.

Тетради вместе с множеством других материалов, ценных с исторической точки зрения, были найдены в прошлом году той самой командой из Исторического института под руководством профессора Чарльза Андерсона, которая, исследуя вашингтонские руины, обнаружила Восточный Командный Центр Революции. Примечательно, что "Дневники" становятся достоянием широкой публики именно теперь, в сотую годовщину Великой Революции.

Эндрю Макдональд, Новая Балтимора 100 г., апрель

глава I

16 СЕНТЯБРЯ 1991 г.

Сегодня наконец-то началось! На нашем счету первое дело после стольких лет болтовни - и ничего другого, кроме болтовни. Мы объявили войну Системе, и это уже не словесная война.

Не могу заснуть, поэтому попробую записать мысли, не дающие мне покоя.

Разговаривать здесь небезопасно. Стены тонкие, и соседи могут заинтересоваться ночной беседой. Кроме того, Джордж и Кэтрин уже спят. Бодрствуем только мы с Генри, но он устал и в потолок и молчит. А я взвинчен. Нервы до того расхотелись, что едва могу усидеть на месте. Да и вымотан - дальше некуда. На ногах с половины шестого утра, когда позвонил Джордж и предупредил о начавшихся арестах, а сейчас уже за полночь. Весь день на нервах и в беготне.

И все же у меня прекрасное настроение. Наконец-то мы начали действовать! Никто не знает, сколько времени мы сможем сопротивляться Системе. Не исключено, что все закончится завтра утром, но об этом нельзя думать. Начало положено, значит надо идти дальше в соответствии с планом, над которым мы постоянно работали с тех пор, как два года назад начались Ружейные Рейды.

Ну и удар это был для нас! Стыд и позор! Столько патриотической болтовни: "Правительству никогда не отнять у меня мое оружие" - а на поверку, все молча покорялись.

С другой стороны, расстраиваться тоже не стоит, ведь многие из нас и тогда были вооружены, хотя прошло уже почти полтора года после принятия Закона Коэна, сделавшего преступниками всех граждан Соединенных Штатов, которые

имеют огнестрельное оружие. Только потому, что многие из нас не подчинились и припрятали свои ружья и пистолеты, вместо того чтобы их сдать, правительство не смогло доказать всю свою жестокость во время Ружейных Рейдов.

Никогда не забуду тот отвратительный день: девятое ноября 1989 года. В пять утрах нам постучали. Ничего не подозревая, я встал с постели.

Когда я открыл дверь, четверо негров ворвались в комнату, прежде чем я успел им помешать. У одного в руках была бейсбольная бита, у двоих за поясами торчали длинные кухонные ножи. Тот, с битой, затолкал меня в угол и сторожил, держа ее наизготовку, пока остальные трое переворачивали все вверх дном.

Первой моей мыслью было, что меня грабят. Слишком часто после принятия Закона Коэна банды негров стали врывать в дома Белых, грабить и насиловать, зная, что жертвы, даже если у них есть оружие, не посмеют им воспользоваться.

Потом тот, который стерег меня, на секунду сунул мне в глаза какую-то карточку и заявил, что он и его бандиты называются "специальными представителями" Совета Гуманитарных Связей Северной Виргинии. Они искали оружие - по крайней мере, так он сказал.

Я не поверил. Такого просто не могло быть. А потом разглядел зелёные повязки у них на левых руках. Выбрасывая все из ящиков на пол, опустошая шкаф, они не обращали внимания на вещи, мимо которых не прошли бы грабители: ни на новенькую электрическую бритву, ни на золотые карманные часы, ни на молочную бутылку с десятицентовиками. Они искали оружие! Сразу, как был принят Закон Коэна, все члены нашей Организации спрятали оружие и патроны подальше от чужих глаз. В моей ячейке все хорошенько смазали винтовки и пистолеты, упаковали в ящик" и в один из скучных выходных мы закопали их на глубине в восемь футов за двести миль от дома в лесу Западной Пенсильвании.

И все-таки один револьвер я оставил себе. В дверной раме между кухней и комнатой ждет своего часа магнум 357 с полусотней патронов. В случае нужды, вытащив два гвоздя и одну доску, могу достать револьвер буквально за две минуты. Я проверял.

Но полицейским его ни за что не найти. И Черномазым олухам он не достанется, ищи они хоть миллион лет.

После того как трое, занимавшиеся обыском, облазали все, что можно, они принялись резать матрас и подушки на диване. Я заорал на них и даже подумал было не сбежать ли.

Как раз в это время зашумели в коридоре. В комнате молодой пары нашли под кроватью винтовку. На обоих сразу же надели наручники и силой потащили к лестнице. И мужчина, и женщина были в одном нижнем белье, и женщина громко рыдала из-за оставшегося без присмотра младенца. Пришел еще один мужчина - смуглый кавказец. У него тоже была зеленая повязка, а в руках он нес портфель-атташе и дощечку с зажимом.

Негры почтительно приветствовали его и доложили о безрезультатном обыске: "Оружия нет, мистер Теппер".

Теппер пробежал пальцем по списку фамилий и квартирных номеров, прикрепленному к дощечке, и нашел мою фамилию. Он нахмурился. "Этот из худших - сказал он. - Замечен в расизме. Дважды упомянут в списках Совета. За ним числятся восемь штук несданного огнестрельного оружия".

Теппер открыл портфель и достал что-то черное размером с пачку сигарет, присоединенное к электронной системе в портфеле. Широкими движениями он принялся водить этим предметом по стенам, а из портфеля донеслось глухое урчанье. Урчанье извращалось в писк, когда прибор приближался к выключателям, но Теппер был убежден, что это изменение тембра показывает наличие в стене металлической коробки с оружием. И он продолжал искать.

Когда он провел прибором над левой стороной двери в кухню урчанье сменилась пронзительным воем. Теппер довольно хмыкнул, а один из негров вышел в коридор и почти тотчас вернулся с кувалдой и рычагом. Этому негру и двух минут не потребовалось, чтобы достать мой револьвер.

Без лишних разговоров меня заковали в наручники и вывели в коридор. Всего в нашем доме арестовали четверых. К паре из соседней квартиры прибавили пожилого мужчину с четвертого этажа. Оружия у него не нашли, зато в шкафу на полке обнаружили четыре пулеметных ленты. Это тоже считалось противозаконным.

Мистеру Тепперу и его "представителям" надо было произвести еще несколько обысков, и с нами на улице оставили трех огромных негров с бейсбольными битами и ножами.

Нас заставили просидеть на холодном тротуаре, хотя все мы были почти голыми, больше часа до появления полицейского фургона.

Когда остальные жильцы нашего дома выходили, чтобы ехать на работу, они не сводили с нас любопытных взглядов. Все мы заметно дрожали, а молодая женщина с моего этажа непрерывно рыдала.

Один из жильцов остановился и спросил, что произошло. На это страж порядка ответил, что мы все арестованы за незаконное хранение оружия. Уставясь на нас, мужчина неодобрительно покачал головой.

Потом негр показал на меня со словами: "А этот еще и расист". Все еще качая головой, мужчина отправился дальше.

Герб Джонс, который был членом Организации и до принятия Закона Коэна одним из самых хвастливых "им - не - найти - мою - пушку", торопливо прошел мимо нас, пряча глаза. Его квартиру тоже обыскали, но Герб был чист. Он практически одним из первых в городе отнес оружие в полицейский участок, испугавшись того пункта в Законе Коэна, по которому его могли приговорить к десяти годам заключения в федеральной тюрьме.

Именно это должно было ждать нас четверых, сидевших на тротуаре. Однако получилось иначе. И причиной стало то, что в результате проведенных по всей стране рейдов в сеть попало куда больше рыбы, чем рассчитывала Система: всего было арестовано более 800 000 человек.

Поначалу средства массовой информации не жалели сил, чтобы науськать на нас общественное мнение и продолжать рейды. Отсутствие достаточного количества тюрем по всей стране не должно было стать помехой, потому что газеты предлагали держать нас за колючей проволокой и без крыши над головой, пока не построят дополнительных помещений. Это в мороз-то!

До сих пор помню заголовок в "Washington Post", вышедшей на другой день: "Фашистско-расистские организации уничтожены, незаконные оружейные склады ликвидированы". Но даже американская публика, как ей ни промывали мозги, не поверила, что почти миллион сограждан могли состоять в тайных вооруженных организациях.

Выяснялись все новые и новые подробности, и недоверие людей крепло. Больше всего беспокоил население тот факт, что рейды, как правило, не затронули районы, где жило много негров. Сначала это объясняли тем, что в хранении оружия в первую очередь подозревались "расисты", поэтому не было необходимости обыскивать дома негров.

Заявления, основанные на этой странной логике, не выдержали критики, когда стало известно, что рейдеры арестовали довольно много людей, которые едва ли могли считаться "расистами" или "фашистами". Среди них были два журналиста из солидной либеральной газеты, в первых рядах ратовавшие за поход против оружия, четыре Черных Конгрессмена (они жили в Белом окружении) и поразительно большое количество правительственных чиновников.

Список людей, которых предполагалось обыскать, как потом выяснилось, составляли на основании документов о продаже оружия, которые торговцы обязаны были сохранить. Если покупатель сдавал оружие после принятия Закона Коэна, его фамилия вычеркивалась. Если нет, фамилия оставалась, и девятого ноября он был подвергнут обыску - конечно, не в Черном районе.

Кроме того, в список проверяемых попали определенные категории людей, независимо от того, покупали они оружие или нет. Попали в него и все члены Организации.

Правительственный список подозреваемых был столь велик, что пришлось задействовать в рейде представителей "надежных" гражданских объединений. Полагаю, планировавшие эту акцию думали, что большинство в их списке или продало свое оружие в обход магазинов еще до принятия Закона Коэна, или избавилось от него каким-то другим образом. Скорее всего, ожидалось, что будет взята под стражу примерно четверть от реального числа арестованных.

Как бы то ни было, власти вскоре пришли в замешательство и, не в силах справиться с ситуацией, в течение недели многих освободили. Ту группу, в которую попал я, примерно человек 600, три дня продержали в школьном гимнастическом зале в Александрии, прежде чем отпустить. В эти три дня нас кормили всего лишь четыре раза и мы почти совсем не спали.

Но полицейские, тем не менее, всех до одного сфотографировали, у всех взяли отпечатки пальцев и всех допросили. Отпуская, они предупредили нас, что мы практически остаемся под арестом, и в любую минуту нам может быть предъявлено обвинение.

Какое-то время средства массовой информации еще громко требовали возмездия, но постепенно все сошло на нет. Система не справилась с задуманным.

Несколько дней нас обуревали лишь два чувства - страх и радость свободы. Очень многие именно тогда вышли из Организации, не желая вновь попасть в руки полиции.

Другие остались, но под предлогом оружейных Рейдов не проявляли активности. Они говорили, что в то время, когда патриотическая часть народа разоружена и все мы отданы на милость Системы, надо соблюдать максимальную осторожность. Они требовали, чтобы мы прекратили вербовочную деятельность, и "ушли в подполье".

Как вскоре выяснилось, они хотели, чтобы Организация свела свою деятельность до "безопасных" акций, то есть до оплакивания, желательно шепотом, ужасного состояния общества.

С другой стороны, более воинственные члены Организации настаивали на том, чтобы немедленно выкопать оружие и начать реализацию террористической программы против Системы, казнь судей, редакторов газет, законодателей и других ее представителей. Им казалось, что пришло время подобных действий, на фоне Ружейных Рейдов мы могли бы таким походом против тирании завоевать симпатии населения.

Сейчас трудно сказать, были они правы или нет. Лично мне кажется, что нет - хотя в то время я был одним из них. Вне всяких сомнений, мы могли убить многих, ответственных за беды Америки, но на длинной дистанции наверняка проиграли бы.

Во-первых, об этом говорит хотя бы отсутствие достаточной дисциплины, необходимой для проведения кампании террора против Системы. В Организации хватало трусов и пустозвонов. Информаторы, идиоты, слабаки, безответственные ничтожества привели бы нас к гибели.

Во-вторых, и теперь я в этом уверен, мы слишком оптимистично судили о настроениях американцев. За всеобщее возмущение Ружейными Рейдами, которые нарушают права граждан, мы принимали пассивную неловкость из-за волнений, неизбежных при массовых арестах.

Как только средства массовой информации убедили американцев, что им ничего не грозит, что правительство преследует только не желающих расставаться с незаконным оружием "расистов, фашистов и другие антисоциальные элементы", общество успокоилось и вернулось к своим телевизорам и страничкам юмора в газетах.

Увидев это, мы были, как никогда, обескуражены. В основу наших планов - на самом деле, и Организации тоже - была заложена твердая уверенность в том, что американцы внутренне против тирании, и когда Система перегнет палку, их будет легко повести на ее свержение. Мы глубоко заблуждались, недооценивая, насколько материализм разъяел души наших сограждан и насколько средства массовой информации могут манипулировать их чувствами.

Пока правительство держит на плаву экономику, как бы она ни задышалась и ни хрипела, народ принимает любой произвол. Несмотря на постоянную инфляцию и

постепенное снижение уровня жизни, большинство американцев еще в состоянии набить живот, и мы не должны отворачиваться от того факта, что это для них главное.

Несмотря на разочарование и сомнения, мы все же начали строить планы на будущее. Первым делом было решено не отказываться от программы вербовки новых членов. Более того, мы бросили на нее дополнительные силы и намеренно сделали ее максимально вызывающей. Нашей целью было не только привлечь новых боеспособных членов, но также избавить Организацию от трусов и случайных людей - "болтунов".

Еще мы занялись дисциплиной. Исключали пропустивших два собрания подряд. Исключали не выполнивших задание. Исключали нарушивших запрет болтать об Организации.

Мы решили создать Организацию, которая в следующий раз была бы готова воспользоваться шансом. Нас безжалостно мучил позор из-за нашего провала в 1989 году, нет, нашей неспособности действовать. Возможно, это был самый важный фактор, который закалил нас в стремлении сделать Организацию боеспособной, несмотря ни на какие препятствия.

Помогло еще и то - во всяком случае, мне - что нас в любую минуту могли опять арестовать и бросить за решетку. Даже если бы мне захотелось все бросить и присоединиться к толпе телезрителей и читателей юмористических страничек, я не смог бы. Какие там планы на "нормальное", цивильное будущее, если понятия не имеешь, что Закон Козна готовит тебе на завтра? (Конституционную гарантию быстрого правосудия, естественно, "переинтерпретировали" в судах, пока она не стала столь же бессмысленной, как конституционная гарантия права покупать и иметь при себе оружие.)

Итак, я и, насколько мне известно, Джордж, Кэтрин, Генри без остатка отдались работе на благо Организации и строили только те планы на будущее, что были с ней связаны. Никакой личной жизни.

Насколько Организация в самом деле "готова", думаю, скоро станет ясно. Пока все хорошо. Наш план, как избежать массовой облавы, подобной той, что была в 1989 году, вроде бы сработал.

В начале прошлого года мы начали внедрять наших новых членов, неизвестных политической полиции, и в полицию, и в различные полуофициальные организации типа совета гуманитарных связей. Это была наша осведомительная сеть, которая информировала нас о планах Системы.

Нас самих удивило, с какой легкостью удалось создать сеть и оперировать ею. С ней нам не грозило вернуться во времена Дж. Эдгара Гувера.

По иронии судьбы получилось так, что Организация долгое время внушала американцам, как опасна расовая интеграция в нашей полиции, и эта самая интеграция обернулась нашим благословением в деле маскировки. Мальчики, получившие "равные возможности", поработали на славу, разрушая ФБР и другие подобные учреждения и сводя на нет их эффективность. Все же нам не стоит быть очень уж самоуверенными или беззаботными.

Бог ты мой! Уже четыре часа. Надо немного поспать!

глава II

18 СЕНТЯБРЯ 1991 ГОДА.

Последние два дня сплошная комедия ошибок, а сегодня эта комедия едва не стала трагедией. Когда меня в конце концов разбудили, мы стали все вместе соображать, что делать дальше. Первым делом было решено вооружиться, а потом поискать укрытие получше.

Наша ячейка - четыре человека - примерно полгода назад сняла эту квартиру по подложным документам, чтобы иметь укрытие на случай нужды. (Мы отразили атаку нового закона, требующего от домовладельца ставить в известность полицию о номере социального обеспечения каждого нового жильца, как если бы он или она хотели открыть счет в банке.) Так как мы тут до сих пор не появлялись, то, уверен, политическая полиция не связывает нас с этим адресом.

Однако квартирка слишком тесная, чтобы мы все могли жить тут долго, да и легко попасться на глаза соседям. Нам слишком хотелось сэкономить деньги, когда мы снимали ее. Сейчас главная проблема - деньги. Мы позаботились о еде. лекарствах, оружии, одежде, картах - даже о велосипеде - и забыли о наличных деньгах. А два дня назад, когда нам сообщили, что опять грядут аресты, у нас не было возможности взять деньги в банке - сообщение пришло на рассвете. Теперь наши счета, наверняка, заморожены.

Мы остались с тем, что было у нас в карманах на тот момент: на всех немного больше семидесяти долларов

(Справка для читателя: доллар - главная денежная единица Старой Эры в Соединенных Штатах. В 1991 году на два доллара можно было купить полукилограммовую буханку хлеба или примерно четверть кило сахара.)

И никаких средств передвижения, кроме велосипеда. Согласно разработанному плану, мы все бросили свои машины, так как полицейские должны были искать их. Даже если бы мы оставили себе автомобиль, у нас возникли бы проблемы с горючим. Поскольку карточки на бензин имеют магнитный код с номером социального страхования, то, сунув их в компьютер на заправочной станции, мы бы узнали, что наши расчеты заблокированы, а на центральный компьютер федералов мгновенно поступила бы информация о нашем местонахождении.

Вчера Джордж, поддерживающий связь между нами и Ячейкой 9, взял велосипед и отправился потолковать с ними. У них получше с деньгами, но ненамного. На шестерых примерно 400\$, зато все теснятся в дыре, еще менее пригодной для жилья, чем наша, судя по словам Джорджа.

Правда, у них четыре автомобиля и довольно много бензина" Карл Смит, который состоит в Ячейке 9, сделал вполне убедительные документы для своих товарищей. Наверно, и нам надо было бы поступить так же, но теперь поздно об этом думать.

Ребята предложили Джорджу один автомобиль и 50\$, которые он с благодарностью принял. А вот бензином они делиться не захотели, разве что отдали машину с полным баком.

Все равно у нас нет денег на другое жилье, не говоря уж о поездке в Пенсильванию за припрятанным оружием и обратно. У нас нет денег даже подкупить продукты на неделю, когда наши запасы подойдут к концу, а это случится дня через четыре.

Сеть заработает через десять дней, а до тех пор надо продержаться. И не только продержаться, потому что, пока мы не присоединились к сети, нам необходимо решить наши проблемы со снабжением и быть готовыми к совместным действиям с другими ячейками.

Будь у нас больше денег, не было бы проблем, включая проблему с бензином. На черном рынке есть все, естественно и бензин, который стоит 10\$ за галлон, то есть почти в два раза дороже.

До сегодняшнего дня мы только и делали, что обсуждали наше положение. Больше нельзя терять времени, поэтому решили покинуть квартиру и достать деньги. Это ложится на меня и Генри, потому что мы не можем допустить арест Джорджа. Он единственный знает код связи.

Но сначала Кэтрин немало потрудились над нашим гримом. Она играет в любительском театре, поэтому умеет по-настоящему менять внешность.

Я предлагал зайти в первый же винный магазин, стукнуть продавца кирпичом по голове и взять деньги из кассы.

Но Генри это не нравится. Он сказал, что мы не должны использовать методы, противоречащие нашим целям. Если мы начнем грабить людей ради собственной выгоды, на нас будут смотреть как на банду обычных уголовников вне зависимости от того, насколько возвышенны наши идеалы. Но самое плохое то, что и мы вскоре станем думать о себе то же самое.

Генри рассматривает все с точки зрения нашей идеологии. Если что-то не укладывается в нее, значит надо об этом забыть.

Конечно, это может показаться непрактичным, но, я думаю, наверно, он прав. Лишь день за днем претворяя наши идеалы в жизнь, мы обретем моральную силу, которая поможет нам одолеть все препятствия и трудности, ожидающие нас впереди.

Как бы то ни было, Генри убедил меня, что если мы собираемся грабить винные магазины, то должны делать это как социально сознательные люди. Если уж бить кого-то кирпичом по голове, то заслуживших это негодяев.

Сравнив список винных магазинов в телефонном справочнике со списком вспомогательного состава Совета Гуманитарных Связей Северной Виргинии, который нам достала девушка, посланная нами в эту организацию, мы остановили свой выбор на Соле и Бермане, хозяине магазина "Вино и виски Бермана".

Поскольку кирпичей под руками не оказалось, мы вооружились дубинками из нескольких больших кусков мыла "Слоновая кость", вложенных в длинные и плотные носки. Генри засунул за пояс нож в ножнах.

Мы припарковались за полтора квартала от магазина Бермана, за углом. Когда мы вошли, покупателей не было. За кассой сидел негр.

Генри попросил у него бутылку водки, стоявшую на верхней полке позади прилавка. Когда негр отвернулся, я ударил его по голове моей "Особой слоновой костью". Негр произнес ни звука, он упал и больше не шевелился.

С завидным спокойствием Генри опустошил кассу и сигарный ящик под прилавком, где лежали крупные купюры. Выйдя из магазина, мы направились к автомобилю. В карманах у нас было больше 800\$. Все получилось на удивление просто.

Когда мы миновали три магазина. Генри вдруг остановился и показал на надпись над дверью "Дели Бермана". Ни секунды не раздумывая, он толкнул дверь и вошел внутрь. Подчиняясь неожиданному безрассудному порыву, я последовал за ним, даже не попытавшись его остановить.

За прилавком был сам Берман. Генри вынудил его выйти из-за прилавка, спросив цену вина, стоявшего возле входной двери, Берман не мог рассмотреть цену издалека.

Когда он проходил мимо меня, я изо всех сил ударил его сзади по голове и почувствовал, как раскололся кусок мыла.

Берман упал, крича, что было мочи. Потом он быстро пополз назад, продолжая кричать так, что проснулся бы и мертвый. От страха у меня ноги как будто примерзли к полу.

Зато Генри не подвел. Он прыгнул Берману на спину, схватил его за волосы и одним быстрым движением перерезал ему горло от уха до уха.

На мгновение стало тихо. А потом толстая уродливая старуха лет шестидесяти - наверно, жена Бермана - прибежала из смежной комнаты, размахивая мясницким ножом и пронзительно вопя.

Генри запустил в нее большим кувшином с кошерными маринованными огурцами и попал. Она упала - вся в огурцах и битом стекле.

Тем временем Генри очистил кассу, поискал под прилавком коробку из-под сигар, нашел и вытащил из нее купюры. Тут я очнулся от транса и бросился следом за Генри на улицу, а старуха опять завопила. Генри пришлось положить руку мне на плечо, чтобы я не бежал.

Пятнадцать секунд - и мы были возле автомобиля, но мне они показались пятнадцатью минутами. Я не мог прийти в себя от страха. Мне потребовалось больше часа, чтобы унять дрожь и не стучать зубами. Вот тебе и террорист!

Всего мы взяли 1426\$ - достаточно, чтобы купить бакалейных товаров для всех четверых больше, чем на два месяца. Тогда же было решено следующее:

если придется грабить магазины, это будет делать Генри. У меня кишка тонка - хотя я считал, что все делал правильно, пока Берман не начал орать.

19 СЕНТЯБРЯ.

Я перечитал свои записи, и мне трудно поверить, что все это было на самом деле. До Ружейных Рейдов два года назад моя жизнь мало чем отличалась от жизни всех остальных людей в те времена.

Даже после того, как меня арестовали, и я потерял работу в лаборатории, я мог бы жить подобно всем остальным, консультируя и выполняя специальные заказы для пары фирм, занимающихся электроникой в наших местах. Единственное, что выделяло меня из общей массы, - работа для Организации.

Теперь в моей жизни никакого порядка и никакой стабильности. Когда я думаю о будущем, на меня нападает депрессия. Что меня ждет? Одно я знаю наверняка. Мне никогда не вернуться к спокойной упорядоченной жизни, оставшейся в прошлом.

Похоже на то, что я только начинаю мой дневник. Наверно, мне нужна его помощь, чтобы изо дня в день записывать и происходящее, и свои мысли. Не исключено, он поможет мне сфокусироваться на каких-то вещах, приведет мои мысли в порядок, с ним мне будет легче держать себя в руках и приспособливаться к новой жизни.

Смешно, но я уже не чувствую? страха, который одолел меня в мою первую ночь здесь. Сейчас мною владеют лишь мрачные предчувствия но, возможно, перемена пейзажа завтра улучшит мне настроение. Генри и я поедем в Пенсильванию за нашим оружием, а Джордж и Кэтрин постараются за это время подыскать для нас более приличное жилье.

Сегодня мы готовились к путешествию. Первоначально мы собирались добираться общественным транспортом до маленького городка Беллефонте, а потом идти пешком шесть миль по лесу до нашего тайника. Но теперь у нас есть автомобиль, и мы воспользуемся им.

Мы подсчитали, что нам нужно пять галлонов бензина, не считая бака в машине, чтобы доехать до места и вернуться обратно. Ради безопасности мы купили две пятигаллоновые канистры в александрийском таксомоторном парке у механика, который издавна приторговывал краденым бензином.

Так как в последние годы распределение захватывало все новые отрасли, то расцвела всякого рода коррупция. Подозреваю, что крупные поборы членов правительства, ставшие известными несколько лет назад благодаря Уотергейту, в конце концов не могли не привести к повсеместному взяточничеству. Когда люди осознали продажность больших политиков, они начали и сами понемножку надувать Систему. А нововведенный бюрократизм, связанный с ограничениями покупок, стал

катализатором - так же, как увеличение процента не белых во всех бюрократических учреждениях

Организация была одним из главных критиков коррумпированного общества, но теперь я понимаю, что как раз коррупция очень облегчает нам существование. Если бы все подчинялись закону и вели себя в согласии с уголовным кодексом, у подпольной группы не было бы шансов выжить.

Мы не только не смогли бы купить бензин, для нас стала бы неодолимой тысяча других бюрократических препятствий, которыми Система постоянно осложняет жизнь своих граждан. А так, взятка местному чиновнику или несколько тайных долларов клерку или секретарю позволяли нам обходить многие правительственные запреты, на которых иначе мы споткнулись бы.

Чем ближе общественная мораль в Америке к морали "банановой республики", тем легче нам существовать. Правда, когда все тянут руки за взяткой, надо иметь много денег.

Если посмотреть на это философски, нельзя не прийти к выводу, что коррупция, а не тирания ведет к свержению правительства. Сильное жизнеспособное государство, каким бы деспотичным оно ни было, не должно бояться революции. Зато в коррумпированном, нежизнеспособном, слабеющем обществе - даже если там правит любовь к ближнему - только и жди взрыва. Система, с которой боролись мы, была коррумпированной и деспотической, и нам стоит поблагодарить Бога за ее коррумпированность.

Нас беспокоило отсутствие в газетах шумихи по нашему поводу. В заметке о Берманах, естественно, ни слова о нас, но им посвятили лишь один абзац в сегодняшней "Post". Грабежи такого рода - даже с убийствами - стали привычными в наши дни и привлекают не больше внимания, чем автомобильные аварии.

Однако и о том, что в прошлую среду правительство предприняло массированную атаку на известных членов Организации и почти все мы, больше двух тысяч человек, сумели выскользнуть из его рук и скрыться, тоже ничего не было в газетах - почему? Новостные средства массовой информации, понятное дело, тесно сотрудничают с политической полицией, так что же там задумали?

Лишь в одной вчерашней статье "Associated Press", да и то на последней странице, есть упоминание об аресте в среду девяти "расистов" в Чикаго и четырех в Нью-Анджелесе. Там говорится, что все тринадцать арестованных принадлежат к одной организации - нашей, естественно, - и больше ничего. Интересно!

Или они молчат о провале операции, чтобы не смущать правительство? Не похоже на них.

Наверно, у них крыша поехала от того, с какой легкостью мы обманули облаву. Не исключено, они испугались, что люди симпатизируют и помогают нам, и не хотят поощрять их симпатии.

Но мы должны быть внимательны, чтобы лживое представление всего происшедшего как "обычного дела" не усыпило нашу бдительность. Мы должны быть уверены, что политическая полиция с треском провалилась, рассчитывая заполучить

нас. Поскорей бы заработала сеть и мы опять начали получать регулярные донесения наших информаторов о намерениях мошенников.

Тем временем наша безопасность зависит в первую очередь от грима и фальшивых документов. Мы уже изменили прически и перекрасились. У меня новые очки в массивной оправе вместо прежних, без оправы, и Кэтрин тоже стала носить очки вместо линз. Генри поступил самым решительным образом: он сбрил усы и волосы на голове. К тому же у нас неплохие водительские права, хотя они не выдержат настоящей проверки.

Если кому-то из нас приходится покинуть квартиру, чтобы, например, ограбить магазин, как на прошлой неделе, Кэтрин умеет быстро гримировать и на время кардинально менять нашу внешность. Для этого у нее есть парики и резиновые приспособления, которые лепятся в носу или во рту, изменяя черты лица - и даже голос. Это не очень удобно, но можно потерпеть пару часиков, обхожусь же я без очков в случае необходимости.

Завтра будет длинный, тяжелый день.

глава III

21 СЕНТЯБРЯ 1991 ГОДА.

У меня болит все тело. Вчера мы десять часов шли, копали и тащили по лесу груды оружия. Сегодня вечером мы перевезли все из старой квартиры в новую.

Вчера незадолго до полудня мы подъехали к Беллефонту и свернули на проселочную дорогу. Хотели поставить машину как можно ближе к тайнику, однако дорога, по которой мы ехали три года назад, оказалась заваленной примерно за милю до того места, где мы намеревались остановиться. Обвалился высокий берег, и без бульдозера ничего нельзя было сделать.

(Справка для читателя: в своем дневнике Тернер использует "английские единицы" мер, которые в последние годы Старой Эры все еще были в ходу в Северной Америке. Для читателя, который не знаком с ними, миля - 1,6 километров, галлон - 3,8 литра, фут - 0,30 метра, ярд - 0,91 метра, дюйм - 2,5 сантиметра и фунт - 0,45 килограмма, все приблизительно.)

Соответственно надо было прошагать примерно две мили туда и обратно, вместо полмили, а то и меньше. К тому же ходить пришлось, чтобы перетащить все. Мы захватили с собой лопаты, веревку и пару больших почтовых мешков (спасибо Почтовой службе Соединенных Штатов Америки), однако, как оказалось, они не подошли по размеру.

После долгого сидения в машине первая прогулка с лопатой на плече была поистине освежающей. День стоял приятно-прохладный, осенний лес был красив, и идти по старой, хоть и заросшей дороге по большей части было легко.

Даже копать, пока мы не наткнулись на промасленный ящик с оружием (пятидесятигаллоновое вместилище для химикатов со съемной крышкой), было не

так уж трудно. Земля оказалась довольно мягкой, и меньше, чем за час, мы вырыли пятифутовую яму, после чего привязали веревку к ручкам на крышке ящика.

Вот тут-то и начались наши беды. Сколько мы двое ни тянули за веревку, ящик не сдвигался ни на дюйм. Его как будто замуровали.

Хотя ящик весил почти 400 фунтов, опустить его в яму три года назад не составило большого труда. Правда, в то время яма со всех сторон была на несколько дюймов больше ящика. За три года земля осела и зажала его.

Оставив мысль вытащить ящик, мы решили открыть его на месте. Пришлось копать еще около часа, расширяя яму и освобождая от земли крышку, чтобы снять защитный обруч. Для этого мне пришлось лезть вниз головой в яму, а Генри - держать меня за ноги.

Хотя снаружи ящик был покрыт асфальтом для защиты от ржавчины, обруч все-таки проржавел, и я сломал единственную отвертку, пока мы пытались его взломать. В конце концов, как следует поколотив, я сумел его сдвинуть с помощью лопаты. Но крышка все равно оставалась на месте, по-видимому, приклеенная асфальтом.

Работать в узкой дыре вниз головой было, мало сказать, утомительно. У нас не было подходящих инструментов, чтобы подцепить крышку. Наконец, почти отчаявшись, я опять привязал веревку к одной из ручек на крышке. Мы с Генри потянули, что было сил, и крышка поддалась!

Потом пришлось опять спускаться вниз головой, упираясь одной рукой в стенку ящика, и осторожно поднимать завернутое оружие повыше, чтобы Генри мог подхватить его. Связки побольше - включая шесть жестянок с боеприпасами - оказались слишком тяжелыми, и их пришлось поднимать на веревке.

Не стоит даже говорить, что к тому времени, как ящик опустил, я совсем выдохся. Руки болели, ноги подгибались, одежда пропотела. И все же нам еще надо было протаскать больше трехсот фунтов груза полмили по дикому лесу, потом вверх по дороге, а потом еще больше мили обратно к машине.

Если бы можно было как следует упаковать оружие, то, водрузив его на спину, мы управились бы за один раз. Чтобы не особенно напрягаться, нам хватило бы двух ходок. Но у нас были лишь дурацкие почтовые мешки, которые надо нести в руках, и нам пришлось трижды повторить мучительный путь.

Каждую сотню ярдов мы останавливались и на минутку клали наш груз на землю, а две последние ходки мы и вовсе проделали в полной темноте. Не сомневаясь я том, что управимся засветло, мы не захватили фонарика. Если мы не научимся в будущем лучше планировать свои операции, нас ждут тяжелые времена!

На обратном пути в Вашингтон мы остановились возле маленького придорожного кафе недалеко от Хегерстауна, чтобы перекусить сэндвичами с кофе.

В кафе было не больше дюжины посетителей, когда мы вошли и по телевизору за стойкой начались одиннадцатичасовые новости. Этого мне до конца жизни не забыть.

Главной новостью дня стала так называемая акция Организации в Чикаго. По-видимому, представители Системы убили одного из наших людей, а мы в ответ убили троих и потом вступили в эффектную - и успешную - перестрелку. Почти вся передача была посвящена этому.

Мы уже знали из газет, что на прошлой неделе в Чикаго были арестованы девять наших товарищей, и, очевидно, им нелегко пришлось в окружной тюрьме Кука, где один из них и скончался. Из сообщения диктора невозможно было понять, что там произошло, но, скорее всего, Система сработала, как всегда, и тюремные начальники по обыкновению бросили наших ребят по одному в камеры к неграм, а потом закрыли глаза и заткнули уши.

Долгое время Система пользовалась этим особо законным способом наказания наших людей, когда они не "вешали" на себя то, с чем можно "загреть" под суд. Это куда отвратительнее и чудовищнее того, что происходило в средневековых пыточных камерах или в застенках КГБ. И все было шито-крыто, потому что средства массовой информации обычно молчали об этом. В конце концов, если стараешься убедить народ в том, что нет расового неравенства, как же можно признать, что лучше быть запертым в камере с Белыми, чем в камере с Черными? И что бы там ни было, но на следующий день после убийства нашего товарища.

В новостях сообщили, что его звали Карл Ходжис, но я никогда о нем не слышал - чикагское отделение Организации выполнило обещание, данное больше года назад, когда одного из наших товарищей чуть не отправили на тот свет в чикагской тюрьме. Кукского шерифа подстерегли дома и из пулемета снесли ему голову. На трупе оставили записку: "За Карла Ходжиса".

Случилось это в субботу вечером. А в воскресенье власти поставили всех под ружье. Шериф был политической шишкой, одним из первых шаббиз гоев, вот и пошло-поехало.

Хотя воскресные новости с этим сообщением вышли только по чикагской программе, несколько столпов общества предприняли, попытки опровергнуть убийство и очернить Организацию в специальных телевизионных выпусках. Один из выступавших был "важным консерватором", другой - главой чикагской еврейской общины. Для них Организация была не чем иным, как "бандой расистов-фанатиков", и они призывали "всех законопослушных чикагцев прийти на помощь политической полиции в поисках "расистов", которые убили шерифа".

Ну а на другое утро важный консерватор потерял обе ноги и получил еще несколько тяжелых ранений, когда взорвалась бомба в его автомобиле. Еврею повезло еще меньше. Когда он ждал лифта на первом этаже дома, в котором был его офис, кто-то подошел к нему, вытащил резак из-под полы пальто и разрубил умную еврейскую голову от макушки до плеч, а потом испарился в обычной для этого часа толпе. Организация без промедления взяла на себя ответственность за оба акта.

После этого началось. Губернатор Иллинойса приказал Национальной Гвардии отправиться в Чикаго и помочь местной полиции и агентам ФБР в охоте на членов Организации. Сегодня на улицах Чикаго останавливали тысячи людей и требовали у них документы. Безумие Системы налицо.

Днем трое мужчин были заперты в мебелированной квартирке в Сисеро. Войска окружили весь квартал, пока пойманные в ловушку люди перестреливались с полицейскими. Повсюду были телевизионщики, боявшиеся упустить убийство.

Очевидно, у одного из мужчин в квартирке была снайперская винтовка, потому что два Черных копа, находившиеся за квартал от того дома, были сражены, прежде чем стало ясно, что стреляют только в негров. Однако о неприкосновенности Белых, очевидно, политическая полиция не догадалась, потому что агент ФБР был застрелен из автомата, когда попытался бросить в окно гранату со слезоточивым газом.

Затаив дыхание, мы наблюдали по телевизору за происходившим, но настоящая кульминация наступила, когда квартирка была взята, но оказалась пустой. Немедленный обыск во всем доме тоже ничего не дал.

В голосе тележурналиста слышалось разочарование, однако мужчина, сидевший за стойкой с противоположной от нас стороны, засвистел и захопал, когда он объявил, что "расистам" удалось бежать. При этих словах улыбнулась официантка, и нам стало ясно, что если в Чикаго и не было единодушного одобрения действий Организации, то единодушного осуждения тоже не было.

Словно в предвидении такой реакции на события, на экране возник Вашингтон, где министр юстиции Соединенных Штатов Америки созвал специальную пресс-конференцию" Министр, юстиции объявил народу, что Федеральное правительство направляет все силы полиции на уничтожение Организации. Он назвал нас "отвратительными преступными расистами", которые действуют исключительно из ненависти и хотят "помешать продвижению к истинному равноправию", в чем Система добилась прогресса за последние годы.

Всем гражданам было сделано предупреждение, чтобы они не теряли бдительности и помогали правительству в борьбе с "расистским заговором". Каждый, заметивший что-то подозрительное, особенно со стороны чужака, должен немедленно сообщить об этом в ближайшее отделение ФБР или Совета Гуманитарных Связей.

Потом министр юстиции неосторожно добавил кое-что еще, выдав, насколько серьезны опасения Системы. Он сказал, что любой гражданин, уличенный в сокрытии информации о нас или предоставлении нам приюта и помощи, будет наказан "по всей строгости закона". Это были его собственные слова -такое неудивительно услышать в Советском Союзе, но для американских ушей прозвучало слишком грубо, несмотря на все усилия прессы оправдать несдержанность министра.

Рискованные действия наших товарищей в Чикаго были более чем вознаграждены психологическим просчетом министра юстиции. К тому же они доказали важное значение неожиданных вылазок для раскачивания Системы. Если бы Система сохраняла спокойствие и тщательнее продумала ответ на чикагские события, она не только избежала бы просчета, который приведет к нам сотни добровольцев, но и, возможно, нашла бы способ завоевать поддержку широких слоев населения в борьбе с нами.

Новости закончились сообщением о том, что часовой "специальный" выпуск, посвященный "расистскому заговору", можно будет увидеть во вторник вечером (то есть сегодня). Мы только что посмотрели его. Ну и топорная работа - сплошные ошибки, отсебятина, причем не очень убедительная, - это мнение всех. Но одно

очевидно: с замалчиванием покончено. Благодаря Чикаго наша Организация завоевала статус знаменитости, и теперь мы №1 в разговорах людей по всей стране.

Наконец вечерние новости закончились, и мы с Генри, дожидая очередную еду, поплелись прочь. Я чуть не лопался от переполнявших меня чувств: возбуждения, бурной радости из-за успеха наших товарищей в Чикаго, опасений из-за объявленной по всей стране охоты и на меня тоже и досады оттого, что ни одна из Вашингтонских ячеек не додумалась до того, до чего додумались в Чикаго.

Мне не терпелось что-то совершить, и первое, до чего я додумался, это установить контакт с парнем из кафе, который как будто сочувствовал нам. Почему бы не взять листовки в машине и не сунуть по одной за дворники всех автомобилей на стоянке?

Но Генри, никогда не терявший головы, немедленно отменил мою идею. Когда мы уже сидели в машине, он объяснил мне, что было бы сущей глупостью привлекать к себе внимание, пока мы не выполнили возложенную на нас миссию и не доставили оружие в целостности и сохранности на место. К тому же, напомнил он, для члена действующей в подполье ячейки было бы нарушением дисциплины вести агитационную работу, разве что в самых минимальных дозах.

Это функция "легальных ячеек".

Подпольные ячейки состоят из людей, известных властям и внесенных в списки разыскиваемых. Им надлежит прямым воздействием разрушать Систему.

В "легальных" же ячейках - неизвестные властям члены Организации. (В самом деле, было бы непросто доказать их членство. Это мы взяли из коммунистической книжки.) Их роль - снабжать нас информацией, деньгами, легальной защитой и так далее.

Если "нелегалу" попадается возможный новобранец, он должен передать сведения о нем "легалу", который познакомится с этим человеком и прощупает его. Легалы также ведут пропагандистскую работу, не связанную с большим риском, например, печатают и распространяют листовки. Строго говоря, при нас вообще не должно было быть листовок.

Мы подождали, пока парень, аплодировавший нашим ускользнувшим от чикагской полиции ребятам, вышел из кафе и сел в пикап. Проследив за ним и записав номер его машины, мы выехали со стоянки. Когда сеть заработает, информация уйдет, куда надо, для дальнейшей работы.

Дома нас ждали не менее взволнованные Джордж и Кэтрин. Они тоже смотрели телевизор. Несмотря на утомительный день, нам с Генри было не до сна, так что мы все перебрались в машину (Джордж и Кэтрин сели на заднее сидение, где лежала часть промасленного оружия) и отправились на всю ночь кататься. В машине, по крайней мере, можно было свободно говорить, не боясь соседей, и мы говорили и говорили - до самого утра.

Перво-наперво было решено перебраться на квартиру, подысканную накануне Джорджем и Кэтрин. Прежняя квартира нас не устраивала. Из-за тонких стен нам приходилось перешептываться, чтобы не услышали соседи. И я не сомневался, что наш необычный образ жизни рее вызвал любопытство на счет того, каким образом

мы зарабатываем себе на хлеб. Так как Система требовала от своих граждан доносить обо всех подозрительных личностях, оставаться на прежнем месте становилось опасным.

Новое жилье во всех отношениях подходило нам больше прежнего, за исключением цены. В нашем распоряжении оказался целый дом. Это было блочное строение нежилого типа. На первом этаже располагалось нечто вроде гаража, где продавали машины, а на втором - офисы и склад.

Магазин был обречен из-за своего местоположения, так как находился в стороне, где предполагалось проложить новую дорогу с выездом на магистраль, но эта дорога уже четыре года переходила из плана в план. Подобно всем правительственным проектам, этот тоже оставался лишь на бумаге - наверно, так и останется. Хотя сотни тысяч людей получают деньги, за строительство новых дорог, на самом деле никто ничего не строит. За последние пять лет многие дороги пришли в негодность, и хотя то тут, то там можно видеть ремонтные бригады, от этого ничего не меняется.

Правительство пока еще даже не купило землю под новую дорогу, оставив местных бизнесменов с носом. Официально владелец дома не имел права сдавать его, но он, по-видимому, договорился с кем-то из городских чиновников. А нам было даже на руку то, что дом не числился в аренде - не надо было предоставлять номера социального страхования в полицейский участок, не надо было ждать инспекторов из стройнадзора или пожарников. Раз в месяц 600\$ наличными хозяину - и все.

Джордж считает, что владелец, старый морщинистый армянин, говоривший с сильным акцентом, убежден в том, будто мы собираемся использовать его дом или для производства наркотиков, или для хранения краденых вещей, и не желает лезть в наши дела. Пожалуй, это неплохо, потому что он не будет шнырять вокруг.

Дом, в самом деле, стоит на отшибе. С трех сторон его окружает провисшая и проржавевшая железная сетка. На земле повсюду валяются разобранные радиаторы, моторы, ржавеющие детали всех видов. Залитая бетоном стоянка перед домом вся потрескалась и почернела из-за вытекшего когда-то из картеров бензина.

На фасаде огромная надпись, которая чудом не обваливается с одного конца. Надпись гласит: "Сварные работы. Д.Т. Смит и сыновья". Половина окон на первом этаже без стекол, однако, они забиты изнутри.

По соседству грязный мелкий бизнес. В непосредственной близости небольшой гараж с грузовыми машинами и склад. Грузовики уезжают и приезжают всю ночь, и это значит, что у копов не возникнут подозрения, если они увидят нашу машину разъезжающей в неурочные часы.

Итак, решив перебраться, мы не стали откладывать это в долгий ящик. Поскольку на новом месте не было ни электричества, ни воды, ни газа, то мне пришлось заниматься этим, пока остальные перевозили вещи.

Восстановить подачу воды оказалось делом нетрудным, поскольку всего-то и надо было, что найти трубу и повернуть кран. После этого я натащил всякого хлама и забросал им кран на тот маловероятный случай, если кто-нибудь придет с проверкой.

Электрическая проблема оказалась куда более трудноразрешимой. Проводка, правда, сохранилась, но счетчик на внешней стене дома оказался отключенным. Пришлось аккуратно долбить дыру позади счетчика и заново подсоединить провода. Это заняло большую часть дня.

Остальное время я тщательно заделывал щели в досках на окнах нижнего этажа и навешивал тяжелый картон на окна наверху, чтобы ни один луч света не проник вечером или ночью наружу.

Оставалась проблема газа и кухонного оборудования, если не считать электрической плитки, которую мы привезли с собой. Но, по крайней мере, уже работал сортир, и наши жилые комнаты были довольно чистыми, разве что пустыми. Некоторое время мы могли пользоваться спальными мешками и спать на полу, но в ближайшие дни необходимо было купить пару обогревателей и кое-какое другое оборудование.

глава IV

30 СЕНТЯБРЯ 1991 ГОДА.

В последнюю неделю было столько работы, что не хватало времени на дневник. Наш план по установлению сети был прост и прямолинеен, но в реальности потребовал от меня адского напряжения сил. Мне пришлось одолеть трудности, которые в очередной раз подтвердили, что самый лучший план может стать смертельно опасным, если тщательно не продумать решения возможных проблем.

В первую очередь, все ячейки Организации соединяет связь двух видов: курьеры и радиопередачи (на определенной частоте и в определенное время). Я отвечал не только за наши приемники, но и за приемники еще одиннадцати ячеек в Вашингтоне, а также за передатчики Вашингтонского Полевого Штаба и Ячейки 9. Все бы ничего, если бы не принятое в последнюю минуту решение ВПШ снабдить передатчиком Ячейку 9. Мне надо было обеспечить их оборудованием. Несмотря на радиосвязь, все, что требовало обсуждения, анализа, могло затянуться, сообщалось устно и во время личной встречи, в наши дни, когда телефонная компания с помощью компьютеров фиксирует не только местные звонки, а политическая полиция прослушивает телефонные разговоры, мы исключили телефоны из нашей жизни и пользуемся ими только в чрезвычайных случаях.

А Bbf стандартные короткие послания, которые легко зашифровать, обычно передавались по радио. Организации пришлось всерьез поработать над "словарем", включающим почти 800 стандартизированных посланий из трехзначных чисел.

Таким образом, скажем, число "2006" можно перевести как: "Операция Ячейки 6 откладывается до следующих указаний". В каждой ячейке должен быть человек, который помнит весь словарь наизусть и знает вносимые в него изменения. В нашей ячейке таким человеком был Джордж.

На самом деле все не так уж трудно. Словарь имеет строгий порядок, и если запомнить основу, то нетрудно запомнить и все остальное. Цифры менялись раз в несколько дней, но это не значит, что Джорджу приходилось запоминать все заново.

Он должен был усвоить новый порядок цифр в одном послании и по нему изменить все остальные.

Шифр обеспечивает нам надежную радиосвязь, для которой требуется очень простое и транспортабельное оборудование. А так как выход в эфир длится не более секунды и случается не часто, то политической полиции пока не удалось ни засечь передатчик, ни расшифровать хотя бы одно сообщение.

Приемники у нас еще проще передатчиков, что-то среднее между "карманным транзистором и карманным калькулятором. Они постоянно включены, и если появляется цифровой сигнал на нужной волне, его тотчас отлавливают и прочитывают вне зависимости от того, есть кто-нибудь рядом или нет.

Как раз разработка этой техники была моим главным вкладом в дело Организации и, признаюсь, мне есть, чем гордиться.

Первая серия посланий ВПШ всем ячейкам Вашингтона пришлось на воскресенье. Мы получили приказ прислать по одному человеку в определенное место, чтобы получить инструкции и отчитаться о положении ячейки.

Вернувшись с воскресного инструктажа, Джордж тотчас выложил нам новости. Суть заключалась в том, что, несмотря на относительное спокойствие в Вашингтоне, ВПШ обеспокоен сообщениями информаторов из политической полиции.

Система намерена сделать все, чтобы заполучить нас. Сотни людей, подозреваемых в симпатии к Организации или отдаленных связях с нами, были арестованы и допрошены. Среди них оказалось несколько наших "легалов", однако, по всей видимости, властям было нечего предъявить им и допросы ничего не дали. Все же реакция Системы на события в Чикаго неделю назад, очевидно, была более энергичной и всеобъемлющей" чем нам казалось.

Прежде всего, власти взялись за компьютеризированную, универсальную внутреннюю паспортную систему. Каждому человеку двенадцати лет и старше будет вручен паспорт, который под страхом жестокого наказания он должен будет постоянно иметь при себе. И дело не ограничивалось тем, что полицейский агент мог остановить любого прохожего и потребовать паспорт, так как в ближайшем будущем паспорт должен был стать необходимым документом в ежедневной жизни: для покупки билета на самолет, на автобус, на поезд, для регистрации в мотеле или отеле, для получения медицинской помощи в больнице и поликлинике.

Все агентства по продаже билетов, мотели, больницы и т.д. будут оборудованы компьютерами, соединенными с национальным банком данных и компьютерным центром. Закодированный паспортный номер американца автоматически попадет в компьютер при покупке билета, оплате счета, регистрации в отеле. Если возникнут сомнения, загорится предупредительная лампочка в ближайшем полицейском участке, показывая, где произошел сбой и находится несчастный.

Несколько лет власти вынашивали эту систему и продумали все до мелочей. Единственная причина, почему ее до сих пор не внедрили, - протесты либералов, увидевших в этом гигантский шаг в сторону полицейского государства, в чем они были совершенно правы. Но теперь Система сочла, что сможет одолеть сопротивление сторонников предоставления широких гражданских прав, используя нас в качестве жупела. Все допустимо в борьбе против "расизма"!

Потребуется, по крайней мере, три месяца, чтобы установить оборудование и запустить систему, но они уже торопятся с нею, намереваясь объявить о ней как о *fait accompli* (Совершившийся факт (фр.)) при полной поддержке прессы и телевидения. Позднее границы системы будут постепенно расширяться, и компьютеры станут неотъемлемой частью любого учреждения до последней лавки. Нельзя будет пообедать в ресторане, постирать белье в прачечной или купить продукты, не зафиксировав паспортный код в компьютере рядом с кассой.

Когда дойдет до этого, Система будет крепко держать в руках своих граждан. С современными компьютерами в ее распоряжении политическая полиция сможет проследить в любое время за любым человеком и точно знать, где он был и что делал. Нам надо крепко подумать, как обмануть паспортную систему.

Из того, что нам известно от информаторов, совсем не просто сделать фальшивый паспорт или подделать номер. Если центральный компьютер уловит подделку, в ближайший полицейский участок тотчас поступит сигнал тревоги. То же самое случится, если Джон Джонс, который живет в спокойствие и использует свой паспорт для покупки продуктов, а вдруг начнет покупать продукты и в Далласе тоже. И в том случае, если компьютер показал, что Билл Смит преспокойным образом занимается боулингом на Мейн-стрит и одновременно он же пришел в химчистку на другой улице.

Все это не внушало радости - конечно, мы давно подозревали о чем-то таком, но нам в голову не могло прийти, что Система все-таки посмеет сделать решительный шаг.

Кроме того, Джордж сообщил, что мне надо немедленно побывать в Ячейке 2, чтобы решить возникшую техническую проблему. Естественно, в обычных обстоятельствах ни Джордж, ни я не должны были знать, где прячется Ячейка 2, и в случае нужды мы встречались на нейтральной территории. Однако теперь мне предстояло побывать у ребят, и Джордж дал точный адрес.

Они жили в Мэриленде за тридцать миль от нас, и так как я должен был прихватить инструменты, то поехал на машине.

Устроились они неплохо, в большом фермерском доме с несколькими дополнительными постройками на сорока акрах лугов и лесов. В ячейке восемь человек, больше, чем в других, и ни один из них не отличает вольт от ампера и не знает, с какой стороны братья за отвертку. Это как-то необычно, потому что, когда организовывались ячейки, в общем-то, старались разумно распределять людей.

Ячейка 2 располагалась довольно близко к двум другим ячейкам, но слишком далеко от девяти других в вашингтонском регионе - особенно от Ячейки 9, у которой, единственной, был передатчик для контактов с ВПШ. Именно по этой причине ВПШ решил предоставить Ячейке 2 передатчик, а они не смогли его наладить.

Мне сразу "гало все ясно, как только меня привели в кухню. Там на столе я увидел передатчик, автомобильный аккумулятор и куски проволоки. Несмотря на точные инструкции, которые я сам писал к каждому передатчику, несмотря на четкие знаки на клеммах, они умудрились неправильно подсоединить аккумулятор.

Вздыхнув, я отправился с парой из их ребят за инструментами, которые привез с собой. Потом проверил аккумулятор и обнаружил, что он почти совсем разряжен. Тогда я попросил подкачать аккумулятор, пока сам буду заниматься передатчиком. Подкачать? Как это подкачать? Даже такую ерунду они не знали!

Из-за нестабильной подачи электричества в наши дни, все наше оборудование, от которого зависит связь, питается от аккумуляторных батареек, а те подзаряжаются от другого аккумулятора. В этом случае мы не зависим от скачков напряжения и даже отключений, которые теперь происходят каждую неделю, если не каждый день.

Как в большинстве других отраслей в нашей стране, чем выше плата, тем хуже обслуживание. В августе, например, Вашингтон вообще четыре дня оставался без электричества, а четырнадцать дней вольтаж был ниже более чем на 15%.

Правительство старается сдерживать слухи, предпринимает расследования и делает сообщения, однако, если что и меняется, то в худшую сторону. Ни один политик не желает видеть истинные причины, одна из которых заключается в губительных последствиях про-израильской внешней политики Вашингтона за последние два десятка лет, сказавшихся на зарубежных поставках нефти.

Я показал товарищам, как подключать аккумулятор к автомобилю, и занялся передатчиком. Источник подзарядки для их батарей еще предстояло найти.

Самая уязвимая часть передатчика, то есть кодирующее устройство, которое генерирует цифровой сигнал от клавиатуры карманного калькулятора, оказалась в порядке. Ее защищал диод от возможных электрических сбоев. Но в самом передатчике вышли из строя три транзистора.

Я почти не сомневался в том, что ВПШ хранит про запас хотя бы один передатчик, однако, чтобы выяснить это наверняка, мне надо было послать сообщение. Это означало, что курьер встретится с представителем Ячейки 9, передаст просьбу, а потом кто-нибудь от ВПШ доставит передатчик. Мне не очень хотелось лишний раз связываться с ВПШ, особенно если учесть, что мы старались свести обратную связь, полевая ячейка - ВПШ, до минимума, до не терпящих отлагательства сообщений.

Поскольку Ячейке 2 все равно нужно было подзарядное устройство, я решил купить в магазине и его, и транзисторы и своими руками все установить. Купить, однако, оказалось труднее, чем я ожидал, и обратно до фермерского дома я добрался уже после шести.

На показателе уровня бензина был "0", когда я въехал на подъездную аллею. Не рискуя использовать карточку на бензин на заправочной станции, и не зная, где искать черный рынок, я был вынужден попросить членов Ячейки 2 дать мне несколько галлонов, чтобы я мог доехать до дома. Так вот, господа, мало того, что в их грузовике не было ни одного галлона топлива, так они еще и не знали, где брать левый бензин.

Оставалось только дивиться, как такая неподготовленная группа собиралась выжить в условиях подполья. Похоже, в ней были собраны люди, которых

Организация сочла неспособными к партизанской войне и соединила в отдельную ячейку. Четверо из них были писателями из издательского отделения Организации, и они занимались на ферме своим делом, сочиняя пропагандистские листовки и брошюры. Еще четверо им помогали, доставали еду, делали домашнюю работу.

Поскольку никому из них не требовалось никуда ездить, то они и не волновались насчет бензина. В конце концов, один из них вызвался поехать попозже и купить бензин на соседней ферме. Как раз в это время опять отключили электричество, и я не мог работать паяльником. Пришлось все отложить на другой день.

Почти весь следующий день и часть вечера я возился с передатчиком, пока не наладил его, к сожалению, не предусмотрев сразу кое-каких поломок. Закончил я с ним около полуночи и предложил перенести его в более подходящее, нежели кухня, место, например, на чердак или хотя бы на второй этаж.

Подыскав удобное место, мы перетасили все наверх, а тем временем я умудрился уронить аккумулятор себе на ногу. Поначалу мне показалось, что нога сломана. Я не мог ступить на нее.

В результате пришлось остаться еще на одну ночь в фермерском доме. Какие бы у меня ни были претензии к ребятам, они были по-настоящему добры ко мне и благодарны за все мои усилия.

Как они обещали, краденого бензина я получил вполне достаточно для возвращения домой. Более того, они едва ли не против моей воли загрузили машину большим количеством консервов, которых у них как будто имелось без счета. Я спросил, где они берут их, но в ответ они лишь заулыбались и сказали, что достанут еще, когда им потребуется. Возможно, они более приспособленные, чем мне показалось сначала.

В десять часов утра я вернулся домой. Джорджа и Генри не было, зато Кэтрин, открывая мне гаражную дверь, помахала рукой. Она спросила, не хочу ли я позавтракать.

Я ответил, что ел с товарищами из Ячейки 2 и не голоден, но меня беспокоит левая нога, она очень болит, противно пульсирует, и распухла, чуть ли не вдвое. Кэтрин помогла мне подняться по лестнице в мою комнату и принесла большой таз с холодной водой.

Пульсация почти сразу прошла, и я с благодарностью откинулся на подушки, которые Кэтрин подложила мне под спину. Сначала я рассказал, как повредил ногу, а потом мы обменялись рассказами о прошедших двух днях.

Вчера все трое целый день занимались прибиванием полок, мелким ремонтом и закончили с уборкой и покраской, отнявшими у нас больше недели. Когда расставили кое-какую мебель, купленную нами заранее, дом стал выглядеть более или менее жилым. Теперь он совсем не походил на пустой, холодный, грязный автомагазин, в который мы въехали.

Накануне вечером, как сказала Кэтрин, Джорджа вызвали по радио на встречу с представителем ВПШ.

И сегодня пораньше с утра он и Генри уехали вместе, предупредив, что их не будет до вечера.

Наверно, я задремал на пару минут, потопау что, когда очнулся, был один, и моя ванночка согрелась. Однако и боли сильной не было, и опухоль заметно уменьшилась. Я решил принять душ.

У нас был самодельный душ, только холодный, который еще неделю назад устроили мы с Генри в большой уборной. Подвесили распылитель, провели свет, а Кэтрин обклеила стены и пол водонепроницаемой пленкой. В душ можно пройти из комнаты, в которой спим Джордж, Генри и я. Наверху есть еще две комнаты, в одной, что поменьше, спит Кэтрин, другая - общая, она же - кухня и столовая.

Я разделся, взял полотенце и открыл дверь в душ. А там Кэтрин, мокрая, голая, красивая, стоит на свету и вытирается. Она смотрела на меня, не выражая удивления и ничего не говоря.

Я тоже как будто прирос к полу, а потом, вместо того чтобы извиниться и закрыть дверь, неожиданно для самого себя протянул к ней руки. Нерешительно она подалась ко мне. Природа брала свое.

Потом мы долго лежали в постели и разговаривали. В первый раз я по-настоящему разговаривал с Кэтрин. А она чувствительная, любящая и очень женственная за своей холодной профессиональной маской члена Организации.

Четыре года назад, до Ружейных Рейдов, она была секретарем у Конгрессмена. Жила в Вашингтоне и снимала квартиру вместе с девушкой, служившей на Капитолийском холме. Однажды вечером, вернувшись с работы, она обнаружила свою подружку на полу в луже крови. Ее изнасиловал и убил какой-то негр.

В результате Кэтрин купила пистолет и не сдала его даже после принятия Закона Коэна. В 1989 году вместе с миллионом других людей она была арестована во время Ружейного Рейда. Прежде у нее не было контактов с Организацией, но там, куда ее привезли и где какое-то время держали, она познакомилась с Джорджем.

Кэтрин не интересовалась политикой. Если бы, когда она работала на правительство или раньше, когда училась в колледже, ее спросили о политических взглядах, она, скорее всего, сказала бы, что считает себя "либералкой". Однако ее либерализм был неосознанным, как у большинства. Не думая и даже не пытаясь анализировать, она поверхностно воспринимала противоестественную идеологию, которую насаждали средства массовой информации при поддержке правительства. Она не была фанатичкой, не чувствовала себя виноватой и не ненавидела себя, чтобы стать настоящей либералкой.

Когда полицейские освободили их, Джордж принес ей книжки о расах, истории и заодно несколько брошюр, опубликованных Организацией. В первый раз в своей жизни Кэтрин всерьез задумалась о расовых, социальных и политических причинах, лежащих в основе сегодняшних проблем.

Она узнала правду об обманчивом "равноправии", предлагаемом Системой. Осознала уникальную роль евреев как элемента, способствующего распаду народов и цивилизаций. Но важнее другое: она начала ощущать свою расовую

принадлежность, преодолевая многолетнее промывание мозгов, из-за которого она ощущала себя изолированным человеческим атомом в космополитском хаосе.

Естественно, после ареста она потеряла работу в Конгрессе, а еще через два месяца стала работать на Организацию машинисткой в издательстве. Кэтрин - умница и работяга, так что вскоре корректором, а потом и редактором. Она написала несколько статей для Организации, в основном, о роли женщин в политическом движении и в обществе вообще, а в прошлом месяце она стала редактором нового ежеквартальника Организации, который рассчитан на женскую аудиторию.

К сожалению, с редакторской карьерой покончено, во всяком случае, временно, и самое полезное, что она может делать теперь, это потрясающим образом менять нашу внешность, чему она научилась в любительском театре еще студенткой.

Хотя Катрин познакомилась сначала с Джорджем, она не увлеклась им. К тому же в те времена Джордж еще был женат. Позднее, когда жена Джорджа, не одобрявшая его работу на Организацию, бросила его, а Кэтрин стала членом Организации, они оба были слишком заняты работой в разных отделах" чтобы иметь время на свидания. Собственно, Джордж, в задачу которого входило добывание денег и организация переездов, редко засиживался в Вашингтоне.

Чистая случайность, что Джордж и Кэтрин попали в одну ячейку, однако Джордж явно относится к Кэтрин по-хозяйски. Ни разу Кэтрин не сказала и не сделала ничего такого, чтобы подтвердить мои предположения, и до сегодняшнего утра я принимал на веру, видя отношение Джорджа к ней, что между ними что-то все-таки есть.

Поскольку Джордж числится у нас главным, то я не позволял себе показывать, что Кэтрин мне нравится. И теперь, боюсь, положение несколько осложнится. Если Джордж не справится с собой, мы не сможем жить под одной крышей, и нашу ячейку придется расформировать.

Однако пока у нас куда более важные проблемы, еще какие важные! Когда Джордж и Генри в конце концов добрались вечером до дома, мы узнали, чем они весь день занимались: думали, как взорвать главное национальное управление ФБР. Нашей ячейке поручено снести его с лица земли!

Приказ был отдан Революционным Штабом, и из Восточного Командного Центра был послан представитель в ВПШ, куда вызвали в воскресенье и Джорджа, чтобы провести смотр лидерам ячеек и выбрать одного для выполнения задания.

Очевидно, что Революционный Штаб решил нанести удар по политической полиции, прежде чем опять начнутся аресты среди наших "легалов" или завершится компания паспортизации населения.

После собеседования в ВПШ вторая встреча была назначена Джорджу на вчерашний день. Лидер Ячейки 8 тоже присутствовал. Его люди будут нам помогать.

План в общих чертах таков: Ячейка 8 должна достать много взрывчатки - от пяти до десяти тонн. Наша ячейка угоняет грузовик, который может законным образом въезжать на территорию управления ФБР, потом мы встречаемся в некоем месте, где Ячейка 8 будет ждать нас с взрывчаткой, и берем груз. После этого едем на стоянку грузового транспорта ФБР, поджигаем фитиль и уходим.

Пока Ячейка 8 решает проблему с взрывчаткой, мы должны продумать детали, включая местоположение стоянки и время прибытия и отбытия транспорта. На все про все у нас было десять дней.

В мою задачу входило разработать и сконструировать механизм самой бомбы.

глава V

3 ОКТЯБРЯ 1991 ГОДА.

Работу над планом взрыва ФБР я прерывал на обустройство нашего жилища. Вчера вечером я закончил с охранной системой по всему периметру участка, а сегодня занимался тяжелой и грязной расчисткой туннеля на случай крайней необходимости.

Вдоль боковых и задней стен здания я проложил чувствительный к давлению материал, который проводами подсоединил к электрической и сигнальной системе внутри дома. Нечто подобное обычно кладут в магазинах у входа, чтобы узнавать о покупателе. Это металлические полоски длиной в два фута, проложенные эластичным непромокаемым материалом. Если сверху положить на дюйм земли, то обнаружить их невозможно, однако стоит наступить на них, и сигнал работает.

Перед нашим домом такое сделать нельзя, потому что почти все пространство забетонировано, так как здесь въезжали и выезжали грузовики и была стоянка.

Подумав, я отказался от ультразвукового детектора и остановился на фотоэлектрическом луче между двумя металлическими столбами по обе стороны бетонки.

Чтобы спрятать источник света и фотоэлемент, необходимо было поместить их внутрь столба на одной стороне, а очень маленький и безобидный с виду отражатель - на другой. Пришлось просверлить несколько дырок на столбе и немного попаять, причем все надо было сделать очень аккуратно.

Мне очень помогла Кэтрин. Она держала отражатель, пока я налаживал свет и фотоэлемент. И это была ее идея изменить сигнальную систему внутри дома так, чтобы она не только тотчас сообщала нам о человеке, ступившем на защитную полосу или попавшем под световой луч, но и передавала эту информацию на электрические часы в гараже. Таким образом, даже если нас всех не будет дома, мы все равно узнаем, не приходил ли кто к нам - и узнаем, в котором часу это было.

Избавляясь от вонючей коллекции пустых канистр из-под бензина, сгнивших половиков и всякого прочего барахла, скопившегося в ремонтной яме, которая использовалась для смены масла и ремонтных работ, мы обнаружили в цементном полу выход в коллектор, закрытый железной решеткой.

Когда решетка была поднята, внизу оказалась труба четырех футов в диаметре, по которой можно было доползти до водосборника. Через четыреста ярдов была большая дренажная яма. Параллельно нашей трубе шла примерно дюжина труб поменьше, которые забирали воду из уличных водостоков. С другой стороны над

коллектором - зацементированная решетка из железных прутьев в полдюйма диаметром.

Сегодня я взял ножовку и перепилил все, кроме двух, железные прутья. Внешне с решеткой как будто ничего не случилось, однако, приложив усилие, стало возможным отогнуть прутья и влезть внутрь.

Я влез и огляделся. По одну сторону подземной ямы была чуть ли не гора мусора, за ней легко спрятаться от людей на ближайшей дороге, с которой не виден ни наш дом, ни другие дома на нашей улице из-за расположенных между дорогой и нами строений. Вернувшись в коллектор, я, чертыхаясь, с большим трудом вернул прутья в изначальное положение.

К сожалению, люди, работавшие в гараже и державшие магазин, прежде чем мы переехали сюда, в течение многих лет сливали ненужное масло в водоприемник, и труба ближе к нашей яме была дюйма на четыре покрыта плотным черным слоем масла. Когда я полз обратно, то весь вымазался.

Генри и Джорджа не было дома, и Кэтрин заставила меня раздеться, а потом долго поливала из шланга прямо в ремонтной яме, прежде чем разрешила подняться наверх и принять душ. Она объявила, что ботинки и одежда теперь никуда не годятся, и выкинула их.

Каждый раз, принимая ледяной душ, я горько сожалел, что мы с Генри не позаботились о горячей воде.

6 ОКТЯБРЯ.

Сегодня я сделал детонатор для бомбы, предназначенной управлению ФБР. Спусковой механизм довольно простой, однако мне пришлось ждать, потому что только вчера стало известно, что за взрывчатка.

Товарищи из Ячейки В предполагали ограбить склад в одном из районов, куда доходит вашингтонская подземка, но до вчерашнего дня им не везло - да и потом тоже не очень повезло. Удалось выкрасть два ящика желатинированного динамита, к тому же один ящик оказался неполным: Всего меньше 100 фунтов.

Однако моя проблема была наконец-то решена. Желатинированный динамит - достаточно чувствительное вещество, для которого достаточно моего самодельного детонатора, а ста фунтов хватит, чтобы сдетонировала любая другая взрывчатка, если товарищам из Ячейки 8 повезет ее достать.

Упаковав около четырех фунтов желатинированного динамита в ящик из-под яблочного сока, я положил сверху батарейки и таймер и соединил с включателем в конце двадцатифутового запального шнура. Когда мы загрузим грузовик взрывчаткой, эта упаковка будет сзади на двух ящиках желатин и ворованного динамита. Нам надо было еще проделать дырки в стенах трейлера и кабины, чтобы вывести запальный шнур и включатель в кабину.

Или Джордж, или Генри (наверно, Генри) поведут грузовик на стоянку на территории ФБР, и, прежде чем покинуть его, им надо будет включить детонатор и

таймер. Через десять минут произойдет взрыв. Если нам повезет, от здания ничего не останется - и от новенького компьютерного комплекса, предназначенного для паспортизации населения и обошедшегося в три миллиарда долларов, тоже.

Шесть-семь лет назад, когда власти впервые запустили "пробный шар", чтобы узнать реакцию населения на новую паспортную систему, было сказано, что ее основная цель - выявление нелегальных эмигрантов для дальнейшей их депортации.

Хотя были люди, которые с недоверием отнеслись к затее правительства, большинство проглотило официальную версию необходимости паспортной системы. Например, многие члены профсоюзов, которые видели в нелегальных эмигрантах угрозу своему существованию во времена высокой безработицы, восприняли идею с энтузиазмом, а вот либералы воспротивились ей как "расистской" - почти все нелегальные эмигранты были не-Белыми. Позднее, когда правительство подарило гражданство всем, кто сумел проскочить через мексиканскую границу и прожить в стране два года, либеральная оппозиция сдалась - кроме небольшой части крепких сторонников гражданских свобод, которые все еще подозревали обман.

В общем, Система с отвратительной легкостью обманывала американский народ и манипулировала им - будь то относительно наивные консерваторы или испорченные и якобы мудрые "либералы". Даже защитники гражданских свобод, изначально враждебные правительству, рано или поздно зашагают в ногу с остальными, когда Большой Брат объявит, что новая паспортная система необходима для выявления и изоляции "расистов" - то есть нас.

Если бы свобода американцев была единственной ставкой, вряд ли можно было бы оправдать существование Организации. Американцы потеряли право на свободу. Рабство достойно и справедливо для народа, ставшего расслабленным, эгоистичным, беззаботным, легковверным, одурманенным.

Мы уже рабы. Мы позволили дьявольски умному, чужеродному меньшинству заковать в цепи наши души и наши мозги. И эти невидимые цепи - более очевидный символ рабства, чем будущие железные цепи.

Почему мы не восстали тридцать пять лет назад, когда они отобрали у нас наши школы и превратили их в расово смешанные притоны? Почему мы не выкинули их из нашей страны пятьдесят лет назад, вместо того чтобы позволить им сделать из нас пушечное мясо в их войне за покорение Европы?

Или совсем недавно, почему мы не восстали, когда они начали забирать у нас оружие? Почему мы не восстали в праведном гневе и не вытащили самонадеянных чужаков на улицы, не перерезали им горло? Почему не поджарили их на кострах, устроив их на всех перекрестках Америки? Почему не истребили всех до одного представителей этого противного и извечно напористого рода, эту чуму из восточных отстойников, а покорно позволили разоружить себя?

Ответ простой. Мы бы обязательно взбунтовались, если бы все, происходившее в последние пятьдесят лет, случилось одновременно. Но так как цепи затягивались постепенно, звено за звеном, то мы смирились.

Прибавление по одному новому звену к цепи не было достаточным поводом, чтобы всерьез возмутиться. Всегда казалось легче - и безопаснее - делать вид, будто

ничего не происходит. И чем дольше это продолжалось, тем становилось легче притворяться.

Насчет одного историкам предстоит подумать - если кто-нибудь из нашей расы выживет, чтобы написать историю своего времени, - это относительно важности промедления и недосмотра в превращении нас из свободных граждан своей страны в стадо человеческого скота.

Я о том, можем ли мы, если по совести, винить за то, что произошло с нами исключительно по нашему добровольному подчинению, коварную пропаганду подконтрольных средств массовой информации, школу, церковь, правительство? Или придется возложить немалую часть вины на наше упадничество - на духовную слабость, которую позволили себе люди Запада в двадцатом столетии?

Наверно, и то, и другое взаимосвязано, и нельзя называть только одну причину. Промывание мозгов сделало декаданс более приемлемым для нас, а декаданс сделал нас менее устойчивыми к промыванию мозгов. Как бы то ни было, пока еще мы слишком близко к деревьям, чтобы увидеть за ними лес.

Но одно ясно. На карту поставлено намного больше, чем наша свобода. Если Организация не выполнит сейчас свою задачу, все потеряно: наша история, наше наследие, кровь, жертвы и борьба бесчисленных тысяч лет. Враг, с которым мы сражаемся, намерен разрушить расовый базис нашего существования.

Извиняться за наше поражение будет бессмысленно, потому что внимать этим извинениям будет лишь безмозглая орда безразличных цветных зомби. Не будет Белых людей, чтобы помнить нас - обвинять нас в слабости или прощать за глупость,

Если у нас ничего не выйдет, великий Эксперимент Бога закончится, и эта планета еще раз, как это было миллионы лет назад, будет лететь в космосе, не иная на себе настоящих людей.

11 ОКТЯБРЯ.

Завтра великий день! Несмотря на то, что Ячейка 8 не сумела обеспечить нас большим количеством взрывчатки, мы начинаем операцию против ФБР.

Окончательное решение было принято сегодня на совещании, проходившем в доме Ячейки 8. Там были мы с Генри и представитель Революционного Штаба, что подтверждало срочность операции с точки зрения наших лидеров.

Обычно представители Революционного Штаба не участвуют в разработке операций, проводимых ячейками. Мы получаем приказы из ВПШ и отправляем туда отчеты, а вот представители Восточного Командного Центра иногда приезжают, когда надо решить вопросы особой важности. До сих пор мне всего лишь два раза пришлось участвовать в совещаниях, на которых присутствовали представители Революционного Штаба, и оба раза на них принимались важные решения, касавшиеся средств связи, которые я разрабатывал для Организации. И это было еще до того, как мы ушли в подполье.

Признаюсь, присутствие майора Уильямса (думаю, это псевдоним) на нашем совещании произвело большое впечатление на всех нас. Меня пригласили, потому что я отвечал за бомбу. А Генри должен был доставить ее на место.

Причиной совещания стала неспособность Ячейки 8 достать, как считаем я и Эд Сэндерс, минимальное количество взрывчатки для требуемой работы. Эд - эксперт по взрывам в Ячейке 8 и, что самое интересное, бывший специальный агент ФБР, который знаком с планировкой здания.

Насколько возможно тщательно, мы все просчитали и пришли к выводу, что нам понадобятся как минимум 10 000 фунтов тротила или соответствующей ему другой взрывчатки, чтобы всерьез повредить или даже уничтожить новый компьютерный центр в подвале. Решив действовать наверняка, мы запросили 20 000 фунтов. А вместо этого получили 5 000, да и то в основном селитру, которая гораздо менее эффективна, чем тротил.

Не считая первых двух ящиков с желатинированным динамитом. Ячейке 8 удалось достать 400 фунтов динамита на складе метро. Однако у нас не было никакой надежды добыть там необходимое количество взрывчатки. Хотя на строительстве метро каждый день используют много взрывчатки, хранят ее небольшими порциями, доступ к которым крайне затруднен. Забирая динамит, два товарища из Ячейки 8 едва не попались.

В прошлый четверг, когда мы почти отчаялись выйти из тупика, трое товарищей из Ячейки 8 совершили ночной налет на сельскохозяйственный склад, который находится недалеко от Фредериксберга и примерно в пятидесяти милях от нас. Взрывчатки как таковой там не оказалось, однако немного селитры нашлось: сорок четыре стофунтовых емкости.

В соединении с керосином она довольно эффективна в ограниченных работах с землей и камнем. Перед нами же стояла задача сделать такую бомбу, которая смогла бы пробить два укрепленных, с бетонированными полами подземных этажа и одновременно взрывной волной смести фасад массивного и устойчивого здания.

В итоге два дня назад Ячейка 8 решила на то, что должна была предпринять сразу. Те же три товарища, которые достали селитру, отправились на своем грузовике в Мэриленд, где находится военный склад. Из слов Эда Сэндерса я понял, что там у нас есть легал, который окажет им содействие.

Тем не менее, до сих пор от них нет никаких известий, а Революционный Штаб требует немедленных действий. Ничего не остается, как проанализировать все за и против намеченной операции.

Система продолжает наносить нам ощутимые удары, арестовывая легалов, от которых в первую очередь зависит финансирование Организации. Если этот финансовый поток будет окончательно перекрыт, нелегалам ничего не останется, как грабить, чтобы прокормиться.

Таким образом, Революционный Штаб считает необходимым немедленно нанести такой удар Системе, который не только остановит охоту ФБР за нашими легалами, хотя бы временно, но также поднимет моральный дух членов Организации, сумевшей потрясти Систему и продемонстрировавшей свою способность действовать.

Из сказанного Уильямсом я понял, что именно это стало главным, отодвинув на второй план первоначальную цель - уничтожение компьютерного банка данных.

С другой стороны, если нанести удар, который окажется не очень чувствительным для тайной полиции, мы не только не достигнем ни старых, ни новых целей, но и, дав знать врагу о своих намерениях и тактических предпочтениях, очень сильно осложним себе следующую попытку уничтожить компьютерную сеть. Это была точка зрения Генри, который был отмечен великим даром в любых обстоятельствах сохранять холодную голову и не забывать о будущей цели из-за внезапно возникающих трудностей. Но, помимо этого, он хороший солдат и готов идти до конца в завтрашней операции, хотя и считает, что надо ее отложить, пока мы не подготовим все как следует для настоящей работы.

Думаю, товарищи из Революционного Штаба тоже понимают опасность излишней торопливости. Однако, в отличие от нас, им приходится принимать во внимание много факторов. Уильямс твердо убежден в том, что необходимо немедленно выступить против ФБР, иначе от нас мокрого места не останется. Таким образом, мы в этот день обсуждали в основном практический вопрос: насколько серьезными будут разрушения от имеющейся у нас взрывчатки.

Если, в соответствии с первоначальным планом, нам удастся въехать на территорию через главные ворота и устроить взрыв на стоянке грузовых машин, то это произойдет на большом центральном дворе, окруженном массивными стенами и открытым лишь небу. Нам с Эдом не надо было объяснять, что в этих условиях и с имеющейся у нас взрывчаткой мы не сможем причинить сколько-нибудь серьезный урон зданию.

Устроить бедлам в кабинетах, окна которых выходят во двор, нам по силам, но смешно даже думать о том, что нам удастся снести стену или проникнуть в подвал с компьютерами. Погибнет несколько сотен человек, но машина наверняка не остановится.

Сэндерс просил хотя бы день-два отсрочки, чтобы члены его ячейки могли раздобыть еще взрывчатки, однако это не было принято во внимание из-за провала его людей, которым не хватило двенадцати дней. Когда каждый день арестовывают чуть ли не по сотне наших легалов, мы не имеем права ждать еще два дня, сказал Уильямс, если не уверены, что через два дня получим необходимое.

В конце концов было решено, что мы попытаемся доставить нашу бомбу на верхний подземный этаж со въездом с Десятой улицы, где тоже принимали грузовики, - по соседству с главными воротами. Если мы взорвем бомбу в подвале под центральным двором, результат будет намного более впечатляющим. Наверняка обрушится пол верхнего уровня и погребет под собой компьютеры, стоящие этажом ниже. К тому же будут повреждены почти все, если не все, коммуникации, а также прекратится подача электричества, поскольку все оборудование находится в подвале. Однако мы не имели ни малейшего понятия, работают или не работают в намеченное нами время в подвалах люди. Не имея плана здания, не зная ни архитекторов, ни инженеров, мы не могли ответить на этот вопрос.

Помешать нам могло то, что в подвале разгружалось сравнительно мало грузовиков и въезд был обычно закрыт. Но Генри готов идти напролом, если потребуется.

<http://cagal.clan.su/>

Вот так. Завтра вечером мы будем знать намного больше, чем знаем сегодня.

<http://cagal.clan.su/>

глава VI

13 ОКТЯБРЯ 1991 ГОДА. Вчера в 9.15 утра наша бомба отправилась в путь. Все наши опасения насчет относительно малого размера бомбы оказались беспочвенными - разрушения огромные. Нам удалось остановить почти всю работу главного управления ФБР, по крайней мере, на несколько недель, и, похоже, мы достигли нашей главной цели и уничтожили новый компьютерный комплекс.

Моя вчерашняя работа началась незадолго до пяти утра, когда в гараже Ячейки 8 я взялся помогать Эду Сэндерсу смешивать кухонный керосин с селитрой. Мы подтаскивали поближе один за другим стофунтовые мешки, отверткой проделывали сверху маленькую дырочку, но достаточную, чтобы просунуть внутрь запальный шнур. Я держал мешок и шнур, а Эд наливал внутрь галлон керосина.

Потом мы закрывали дырку клейкой лентой, и я переворачивал мешок, чтобы перемешать содержимое, а Эд в это время перезаполнял канистру из трубы, проведенной к плите. Нам потребовалось на все про все три часа, и я жутко устал за это время.

Тем временем Джордж и Генри пытались украсть грузовик. Имея всего лишь две с половиной тонны взрывчатки, мы могли обойтись чем-нибудь небольшим и решили, что нам подойдет фургон фирмы, развозящий офисное оборудование. Они следовали в нашей машине за понравившимся им фургоном, пока он не "остановился, чтобы выгрузить товар. Когда водитель - негр - открыл заднюю дверь и вошел внутрь, Генри прыгнул за ним и быстро и тихо расправился с ним с помощью своего ножа.

Потом Джордж ехал на нашем автомобиле, а Генри в фургоне - в наш гараж. Они появились, когда мы с Эдом заканчивали с взрывчаткой. У них не было ни малейших сомнений в том, что прохожие ничего не заметят.

Еще полчаса ушло ни то, чтобы выгрузить из фургона около тонны бумаги и всякой офисной мелочи, а потом аккуратно поставить ящики с динамитом и мешки с нашей заготовкой. Потом я вывел шнур и включатель через щель в кабину. Труп шофера мы оставили в фургоне.

Мы с Джорджем ехали в легковушке, а Генри следовал за нами в грузовике. Нам предстояло остановиться недалеко от ворот на Десятой улице и ждать, когда они откроются для очередной машины. В двух кварталах от нас Генри сидел в "нашем" грузовике, прислушиваясь к переносной радиации, с помощью которой он должен был получить от нас сигнал к действию.

Проезжая вдоль здания, мы заметили, что ворота открыты и рядом нет ни одного человека, поэтому тотчас просигналили Генри, а сами продолжили движение еще кварталов семь-восемь, пока не отыскали удобное место для парковки. Потом мы медленно пошли назад поглядывая на часы.

Нам оставалось идти еще два квартала, когда под нашими ногами закачался тротуар. И мгновением позже нас ударила взрывная волна - оглушительное "кавумп", за которым последовал немолчаливый грохот разрушения, сопровождаемый звоном бьющегося кругом нас стекла.

Зеркальные витрины в магазине рядом с нами и дюжины других, которые мы могли видеть, повывлетали из рам. Блестящий смертельный дождь из стеклянных осколков несколько секунд падал с верхних этажей ближайших домов, а впереди в небо поднималась колонна черного дыма.

Мы бегом одолели последние два квартала и в ужасе устали на это что, судя по всему, было никак не поврежденными офисами ФБР, естественно, не считая окон. Тогда мы бросились дальше к воротам на Десятой улице, мимо которых проехали всего несколько минут назад. Вытекая из фургона, густой едкий дым заполнял подвал, и у нас не было ни малейшей возможности войти внутрь.

Десятки людей сновали туда-сюда по центральному двору, направляясь к въезду и выходя из него. Многие обливались кровью, вытекавшей из порезов, и у всех на лицах были страх или изумление. Набрав полную грудь воздуха, мы с Джорджем шагнули во двор. Однако никто не задал нам ни одного вопроса, даже не взглянул на нас.

Внутри картина была совсем другая. Все крыло здания, располагавшееся на Пенсильвания-авеню, насколько нам было видно, рухнуло, частично внутрь, во двор, частично на Пенсильвания-авеню. Здесь же, во дворе, рядом с грудой обломков, зияла огромная дыра, и из нее-то как раз и поднимался черный дым.

Повсюду были перевернутые грузовики и легковушки, разбитая офисная мебель, кучи кирпичей и щебня и немыслимое множество тел. А над всем этим стоял черный дым, разъедавший глаза и легкие и превращавший солнечное утро в сумерки.

Мы сделали несколько шагов во двор, чтобы получше оценить разрушения, и по поясу утонули в бумажном море, которое излилось из груды каталожных ящиков справа от нас, их было не меньше тысячи. Похоже, каталожные шкафы выпали en masse во двор с одного из верхних этажей разрушенного крыла и теперь, разбитые, покореженные, представляли собой бесформенную кучу 20 футов в высоту и от 80 до 100 футов в длину, из которой сыпались карточки, заполонившие собой почти весь двор.

Пока мы в ужасе и восторге глядели на дело своих рук, неподалеку вдруг появилась голова Генри, который пытался выкарабкаться из трещины в горе разгромленного каталога. Это было для нас полной неожиданностью, так как предполагалось, что Генри припаркует грузовик и, немедленно исчезнув, будет ждать нас в условленном месте.

Генри тотчас сообщил, что на стоянке все прошло очень гладко, поэтому ему захотелось подождать взрыва. Таймер он включил, когда въезжал в здание, чтобы никакие обстоятельства не помешали ему исполнить свой долг. Однако ничего такого не случилось. Никто ему не помешал, разве что Черный охранник махнул рукой, когда Генри въезжал в подвал. Два грузовика разгружались недалеко от ворот, но Генри проехал мимо них и постарался поставить фургон поближе к центру того крыла здания, которое, по его расчетам, находилось на Пенсильвания-авеню.

У него было с собой вполне достаточно документов, чтобы предъявить любому, кто их потребует, но никто не потребовал. Миновав безразличного Черного охранника, Генри вернулся к воротам вышел на улицу.

Подождав возле телефонной будки за квартал от ворот, пока до взрыва осталась одна минута. Генри позвонил в отдел новостей "Washington Post" и сделал краткое заявление: "Три недели назад вы убили Карла Ходжиса в Чикаго. Сейчас парни из тайной полиции заплатят нам за это. А потом придет ваша очередь, и других предателей тоже. Белая Америка будет жить!"

Это наверняка потрясет их клетку, и они выдадут хотя бы несколько приличных заголовков и первоисточников материалов.

Оказавшись возле здания ФБР меньше, чем одну минуту, раньше нас, Генри и эту минуту провел не без пользы для дела. Показав на серые колечки дыма, поднимающиеся от каталожных ящиков, из кучи которых он появился, Генри с еле уловимой улыбкой опустил в карман зажигалку. Он один стоит целой армии.

Когда мы уже двинулись в обратный путь, я услышал стон и увидел девушку лет двадцати, прижатую к земле железной дверью и кирпичами. У нее было симпатичное личико, все в синяках и царапинах она как будто не совсем сознавала, где она и что с ней. Я убрал дверь и мне бросилось в глаза, что одна нога у нее подогнута и видно, сломана, а из раны на бедре вовсю течет кровь.

Не раздумывая, я стащил с ее талии ремешок и использовал его как жгут. Крови стало меньше, но не намного. Тогда пришлось оторвать кусок от ее платья, который я сложил и прижимал к ране, пока Джордж вытаскивал шнурки и закреплял тряпку. С максимальной осторожностью мы с Джорджем подняли девушку, чтобы отнести ее на тротуар. Едва сломанная нога разогнулась, девушка громко застонала. Никаких других серьезных повреждений не было, и я подумал, что девушка обязательно поправится, увы, в отличие от многих других. Когда я начал перевязывать ей ногу, то в первый раз услышал стоны и крики раненых, которых во дворе было несколько десятков. Меньше, чем в двадцати футах от нас, еще одна женщина лежала, не двигаясь, с залитым кровью лицом и зияющей раной в голове - жуткое, зрелище, которое до сих пор мерещится мне, стоит закрыть глаза.

Согласно более поздним подсчетам, было убито взрывом и погребено под обломками около 700 человек, включая находившихся в подвале 150 человек, чьи тела не были подняты наверх.

Потребовалось больше двух недель, чтобы расчистить завалы и подобраться к подвальной части здания, как сообщил телерепортер в новостях. Судя по вчерашним и сегодняшним репортажам, очевидно, что компьютеры с их базой данных были уничтожены или очень сильно повреждены.

Весь вчерашний день и большую часть сегодняшнего мы смотрели по телевизору, как спасательные команды выносят из здания мертвых и раненых. Тяжело сознавать свою ответственность, ведь в основном жертвы были всего лишь заложниками, не больше причастными к извращенной философии и расистской политике Системы, чем мы сами.

Но никто еще не придумал способа разрушить Систему так, чтобы не пострадали тысячи невинных людей - нет такого способа. Рак слишком глубоко поразил нашу плоть. И если мы не уничтожим Систему, прежде чем она уничтожит нас, если не обезвредим живое тело, вся наша раса до единого человека сгинет.

Мы уже проходили через это и твердо убеждены, что наши действия оправданны, тем не менее тяжело видеть, как люди страдают по нашей вине. Из-за того, что американцы много лет не желали принимать неприятные решения, теперь мы вынуждены принимать решения, но уже не просто неприятные, а жестокие.

Разве не в этом ключ к проблеме? Еврейско-либерально-равноправно-демократическая чума привела к явному разложению в нашем народе, что с очевидностью и в первую очередь проявляет себя в нашей мягкотелости, в нашем нежелании признавать реальную жизнь.

Либерализм, в сущности, женский, подчиненный взгляд на мир, наверно, лучше сказать не женский, а инфантильный. Это мировоззрение людей, которым не хватает этической принципиальности и духовной силы, чтобы сразиться с жизнью, которые не желают признать, что настоящий мир - не большая розово-голубая детская, где львы мирно возлежат рядом с овцами и все счастливы.

Да и душевно здоровые представители нашей расы не хотят, чтобы мир был таким, даже если это возможно. Для нас это чуждый, по сути, восточный взгляд на жизнь, который отличает рабов от свободных людей Западного мира.

Но он проник в наше общество. Даже те, кто якобы не принял либеральные доктрины, на самом деле развращены ими. Десятилетие за десятилетием расовая проблема в Америке становилась все более острой. Однако большинство тех, кто жаждал ее разрешения, кто хотел сохранить Белую Америку, не находило в себе сил на единственно возможное решение.

Либералам и евреям только и надо было делать, что кричать о "не гуманности", или "несправедливости", или "геноциде", а почти все, кто так или иначе говорил о решении, вдруг встали на задние лапки и притихли, как испуганные кролики. Так как нет такого решения расовой проблемы, которое было бы "приемлемо для всех" или, скажем, которое могло бы быть принято всеми без лишнего шума, без особого недовольства, то с ним продолжали тянуть, надеясь на авось. То же самое происходило и с еврейской проблемой, и с проблемой иммигрантов, и с проблемой перенаселения, и с проблемой евгеники, и с тысячами сходных проблем.

Да, неспособность смотреть прямо в лицо реальности и принимать трудные решения есть главный симптом либеральной болезни. Вечное желание избежать малых неприятностей сегодня, которое приводит к тому, что в будущем неотвратимыми становятся большие неприятности, а также вечное отодвигание ответственных решений на потом - вот так ведут себя либералы.

И все-таки каждый раз, когда телевизионная камера показывает не разрушения, а жалкий, изуродованный труп какой-нибудь несчастной девчонки - даже труп агента ФБР, - у меня сжимается все внутри и я не могу дышать. Ужасная, ужасная задача стоит перед нами.

И совершенно очевидно, что подконтрольные средства массовой информации стараются убедить всех, будто совершенное нами ужасно. Они нарочно останавливают внимание на причиненных нами страданиях, перемежая залитые кровью трупы душераздирающими интервью, взятыми у родственников пострадавших.

Репортеры задают одни и те же вопросы типа:

"Как вы думаете, что за бесчеловечные звери совершили подобное с вашей дочерью?" Вне всяких сомнений, они решили представить взрыв здания ФБР как самое жестокое преступление века.

Но это и вправду беспрецедентная акция. Ни в какое сравнение с ней не идут прочие взрывы, пожары, резня, совершенные Левыми в этой стране.

Правда, отношение прессы теперь совсем другое! Я еще помню серию террористических актов, предпринятых марксистами двадцать лет назад, во время Вьетнамской войны. Тогда были взорваны некоторые правительственные здания, и погибло несколько прохожих, однако пресса писала об идеалистических актах "протеста".

А банда революционно настроенных и вооруженных негров, которые называли себя "Черными пантерами"! После каждой перестрелки с полицией газетчики и телевизионщики публиковали и показывали душераздирающие интервью с родственниками убитых членов Черной банды - не с вдовами полицейских. А когда негритянка, член Коммунистической партии, помогла спланировать беспорядки в зале суда и даже достала оружие, из которого был убит судья, пресса встала за нее горой и даже попыталась сделать из нее народную героиню.

Что ж, Генри ведь вчера предупредил "Washington Post" о нашем намерении свести счеты. Когда-нибудь в этой стране будет настоящая Американская пресса, но сначала придется перерезать глотки многим редакторам.

16 ОКТЯБРЯ.

Опять я со старыми товарищами из Ячейки 2. Эти слова написаны с фонариком в сарае на сеновале, который отдан в полное распоряжение нам с Кэтрин. Здесь немного прохладно и нет никаких удобств, зато мы совершенно одни. В первый раз у нас есть возможность провести вдвоем целую ночь.

Естественно, приехали мы сюда не ради своих радостей, а чтобы забрать боеприпасы. Товарищам из Ячейки 8, которых на прошлой неделе послали сюда за взрывчаткой для нашей акции против ФБР, все-таки немного повезло: им не удалось достать много взрывчатки, к тому же они опоздали с нею и едва избежали смерти - и тем не менее они добыли для Организации артиллерийские снаряды.

Всех деталей я не знаю, но им удалось въехать на 2,5-тонном грузовике на Абердинский испытательный полигон, примерно в двадцати пяти милях отсюда загрузить машину снарядами и покинуть полигон - с помощью одного из наших товарищей, работающего там. К несчастью, их застали за загрузкой, и им пришлось с оружием в руках пробиваться с полигона. Один из товарищей был тяжело ранен.

Тем не менее, им удалось оторваться от погони и добраться до фермы недалеко от Балтимора, где обитала Ячейка 2 и где они с тех пор таились. Раненый товарищ едва не умер от шока и большой потери крови, однако жизненно важные органы оказались не задетыми, и похоже, он выкарабкается, хотя пока еще очень слаб и не вынесет переезда.

Два других товарища ремонтировали грузовик, стоявший прямо под нами. Они перекрасили его и кое-что поменяли, чтобы он был неузнаваемым, когда они поедут на нем в Вашингтон.

Но боеприпасы они с собой не повезут. Большая часть будет складирована на ферме и выдаваться по мере надобности ячейкам в нашем регионе. Вашингтонский Полевой Штаб дал разрешение нашей ячейке взять свою долю в первую очередь.

Чего здесь только нет. Наверно, самое ценное - тридцать ящиков с осколочными гранатами, то есть 750 ручных гранат! Мы возьмем два ящика.

Еще есть 100 мин разных типов и размеров - из них легко получают мины-ловушки или мины-сюрпризы. Их мы тоже возьмем две-три штуки,

В изобилии взрыватели и усилители детонатора. Много ящиков с взрывателями для бомб, мин, гранат и проч. Восемь катушек запального шнура. Ящик термических гранат и, еще много всякого.

Есть даже пятисотфунтовая бомба. Когда ее поднимали на грузовик, не обошлось без шума, который и был услышан охранником. Мы возьмем ее с собой. У нее внутри 250 фунтов смеси тротила и алюминиевого порошка, которую мы сможем достать и использовать для бомб поменьше.

И Кэтрин, и я были счастливы совершить это путешествие вдвоем, однако не все было так гладко. Джордж попросил поехать Генри и меня, но Кэтрин восстала против этого. Она посетовала на то, что ей не дают участвовать в настоящих делах ячейки, и она практически ни разу за месяц не вышла за пределы двух наших последних убежищ. Она не собирается, заявила Катрин, оставаться в роли кухарки и домоправительницы.

Все мы были немного не в себе после взрыва, а Кэтрин проявила недюжинную настойчивость - почти как участница феминистского движения.

(Справка для читателя: "Феминистское движение" было формой массового психоза, проявившегося в последние три десятилетия Старой Эры. Пораженные им женщины отрицали свою женскую сущность и настаивали на том, что они "люди", а не "женщины". Это заблуждение было на руку Системе, одобрявшей и поддерживавшей его, как средство разобщения нашей расы.)

Джордж жарко запротестовал, мол, ни о какой дискриминации не может идти и речи, наоборот, для ячейки в высшей степени ценно умение Кэтрин наложить грим и изменить любую внешность, а обязанности он распределяет, руководствуясь исключительно предполагаемой эффективностью.

Я попытался их успокоить, высказав предположение, что, возможно, в случае перевозки украденного оружия неплохо, если в машине будут мужчина и женщина, а не двое мужчин. В Вашингтоне полицейские в последние несколько дней участвовали в проверке автомобилей.

Генри согласился со мной, и Джорджу ничего не оставалось, как, скрипя сердцем, присоединиться к нему. Боюсь, он подозревал, что выходка Кэтрин обусловлена ее желанием быть со мной, а не оставаться наедине с ним на целый день.

Мы не афишировали наши отношения, но я бы не удивился, если бы Генри или Джордж догадался, что мы с Кэтрин любовники. Это очень осложняет наше положение. Даже не принимая во внимание то, что Джордж и Генри здоровые молодые мужчины, а Кэтрин - единственная женщина среди нас, остается проблема дисциплины, обязательной для члена Организации.

Организация не возражала против семейных пар, которые состояли в одной ячейке, и позволяла мужу накладывать вето на приказы, получаемые его женой. Однако если забыть об этом единственном исключении, женщины в нашей Организации подчинялись такой же дисциплине, как мужчины, и, несмотря на неофициальные отношения, царившие почти во всех ячейках, любое нарушение дисциплины является в высшей степени серьезным делом.

Мы с Кэтрин много говорили об этом, и если мы не хотим рассматривать наши отношения как исключительно сексуальные, безответственные, то пока еще не готовы официально закрепить их. Во-первых, нам надо получше узнать друг друга. Во-вторых, у нас есть обязательства перед Организацией и нашей ячейкой и мы не должны легкомысленно подходить к тому, что может сказаться на этих обязательствах.

Тем не менее, нам придется довольно скоро прийти к тому или иному решению.

глава VII

21 ОКТЯБРЯ 1991 ГОДА. После нашей с Кэтрин поездки в Мэриленд сегодня утром у меня в первый раз выдалось немного свободного времени, чтобы засесть за дневник. За последние шесть дней наша ячейка участвовала в трех акциях. Судя по сообщениям репортеров, Организация взяла на себя ответственность за более чем 200 отдельных инцидентов в разных частях страны. Пожалуй, партизанская война разгорелась не на шутку.

В понедельник вечером Генри, Джордж и я нагрянули в "Washington Post " Всех дел там было на пару минут, и особых приготовлений не потребовалось, хотя мы все же поспорили лишние несколько минут.

Генри настаивал на акции с человеческими жертвами, но было решено сломать один из прессов.

Идея Генри состояла в том, что мы трое должны пробиться в офис, где работают над новостями, и редакторские офисы на шестом этаже здания "Washington Post" и убить максимальное количество людей, используя осколочные гранаты и пулеметы. Если мы объявимся там в семь тридцать вечера, когда наступает крайний срок сдачи материалов в очередной номер, то почти все сотрудники будут в сборе. Так как у Генри не было детально разработанного плана, Джордж счел предложение слишком рискованным и отверг его. В здании "Washington Post" работают сотни людей, и многие из-за грохота гранат и пулеметов непременно выскочат на лестницы и в коридоры. Если мы попробуем спуститься вниз на лифте, кто-нибудь, не исключено, остановит его, и мы окажемся в ловушке. С другой стороны, комната журналистов отлично видна в большое окно, выходящее в коридор. Итак, я, не долго думая, присоединил ручную гранату к маленькой противотанковой мине. Это странное на

вид изделие весило около шести фунтов, и его можно было кинуть на пятьдесят футов как утяжеленную гранату.

Мы припарковались за сто ярдов от главного входа в "Post". Как только Джордж разоружил охрану. Генри своим ружьем проделал дыру в стекле между коридором и комнатой журналистов. Тогда я вынул чеку из гранаты, соединенной с миной, и положил ее на вращающийся цилиндр ближайшего пресса, который как раз изготавливал гальваноклише для ночной работы. Мы спрятались за тяжелыми перилами во время взрыва, а потом Генри и я торопливо бросили полдюжины гранат в комнату журналистов. На улицу мы выбежали, когда не появился еще ни один зевака, так что никто не видел наш автомобиль. Естественно, Кэтрин сотворила чудо с нашими лицами. На другое утро "Post" появилась на улицах примерно на час позже обычного, подписчики же ее и вовсе не получили, поскольку первые тиражи не успели распечатать, однако во всем остальном "Post" справилась с неблагоприятными обстоятельствами.

Нашей бомбой мы испортили только один пресс и немного испачкали все кругом дымом от своих гранат, одна из которых подожгла баррель чернил, но в остальном "Post" сохранила в неприкосновенности все для своего вранья, ставшего еще злее после нашего нападения. Мы были очень раздосадованы. Нам стало очевидно, что мы предприняли идиотски рискованную акцию, никак не соответствующую результатам, которых можно было ожидать, если бы мы тщательно все обсудили. Решили, что в будущем мы не предпримем ничего по собственной инициативе, если не обдумаем все до последней детали и не убедимся в оправданном риске. Нельзя наносить Системе удары всего лишь ради самих ударов или мы станем армией комаров, пытающихся закусать до смерти слона. Каждый удар должен быть тщательно просчитан с точки зрения результата. Идея Генри напасть на зал новостей и редакторские офисы по прошествии времени стала казаться нам куда удачней, чем вначале. Надо было всего лишь несколько дней поработать над ней, и мы смогли бы не свалить дурака с прессом, а нанести по-настоящему серьезный удар газете. Чего мы добились, так это введения охраны в "Post" и, естественно, осложнения наших будущих рейдов.

Тем не менее, утром нам удалось отчасти вознаградить себя. Предположив, что редакторы и журналисты провели ночь в своих офисах за писанием новых статей, а теперь спят у себя дома, мы решили нанести одному из них визит. Просмотрев газету, мы остановились на авторе передовица который написал о нас особенно гнусную статью. Его слова были проникнуты талмудической ненавистью. Такие расисты, как мы, не заслуживают, говорил он, внимания полицейских и законопослушных граждан. Нас надо убивать, как бешеных псов. Ничего общего с его обычной заботой о Черных насильниках и убийцах в тирадах против "полицейской жестокости" и "превышения служебных полномочий" Поскольку его передовица была недвусмысленным подстрекательством к убийству, нам показалось логичным, если он свое лекарство испытает на себе. Генри и я на автобусе доехали чуть ли не до окраины, а там взяли такси с Черным шофером. К тому времени, как мы приблизились к аллее, что вела к дому редактора в Силвер-Спринг, негр уже лежал в грузовике - мертвый.

Я подождал в такси, пока Генри позвонил в дверь и сказал вышедшей на крыльцо женщине, что у него пакет из "Post" для хозяина, который должен расписаться в получении. Когда через несколько секунд заспанный редактор в халате вышел на улицу, Генри буквально разрезал его пополам двумя выстрелами из обрезка, который он прятал под пиджаком. В среду мы все четверо (Кэтрин сидела за рулем) до основания разрушили самый мощный телевизионный передатчик в

Вашингтоне. Он был весь волосатый, и время от времени мне казалось, что нам не выбраться. Однако непонятно, что думают о нас люди большинство из них, как обычно, продолжает заниматься своими делами. И все же кое-что есть. Национальная гвардия из дюжины штатов была призвана для усиления местной полиции, и теперь мы имеем большие часовые стрелки, стоящие у дверей всех правительственных зданий в Вашингтоне у офисов самых крупных газет в ряде городов, а также у домов сотен государственных служащих.

В течение недели, полагаю, все конгрессмены, все федеральные судьи, все высокопоставленные бюрократы от заместителей и выше обзавелись телохранителями. Однако все эти мешки с песком, оружие, форма цвета хаки, которая мелькает повсюду, лишь повышают сознательность граждан - хотя, не сомневаюсь, что, скажем, в Айове ситуация менее драматичная, чем у нас в Вашингтоне. Хуже всего то, что люди узнают о нас, о наших делах только через средства массовой информации. Если мы в состоянии добиться признания и журналисты не в силах игнорировать нас или преуменьшать наше значение, они используют другую тактику и засыпают аудиторию искаженной информацией, полу правдой и откровенной ложью. Последние две недели они только и делали, что поливали нас грязью, стараясь убедить всех, будто мы - инкарнация зла, угрожающая всему доброму, благородному и достойному. Средства массовой информации обрушились на нас со всей своей мощью: в ход пошло не только вранье в новостях, но и длинные якобы теоретические и биографические статьи в воскресных приложениях с неведомо откуда взявшимися фотографиями собраний и акций членов Организации, а также дискуссии "экспертов" по телевизору - ничего не упустили! Некоторые из придуманных о нас историй просто-напросто смешны, но, боюсь, американская публика в целом достаточно легковерна. То, что происходит теперь, напоминает газетную кампанию против Гитлера и немцев в сороковых годах.

Когда Гитлер впадал в ярость, он грыз ковер, немцы лелеяли дурацкие планы напасть на Америку, содранная с живых ребятишек кожа шла на производство абажуров, а из самих ребятишек варили мыло, похищенных девушек отправляли на нацистские "племенные фермы". Евреи убеждали американцев, что все это правда, и в результате разразилась Вторая мировая война с миллионами лучших представителей нашей расы, уничтоженными нами, когда вся Восточная и Центральная Европа превратились в огромный коммунистический концентрационный лагерь. Похоже, теперь Система вновь погружает народ в военную истерию, демонстрируя нас в качестве куда большей опасности, чем мы собой представляем. Мы - новые немцы, и страна взвинчивается психологически, чтобы пресмыкаться перед нами. Таким образом, Система помогает нам куда активнее, чем мы ожидали, в пробуждении интереса к нашей борьбе. Меня лично беспокоит сильное подозрение, будто верхние эшелоны Системы на самом деле не боятся нашей угрозы и цинично используют нас как оправдание собственных программ, например, программы внутренней паспортизации. Нашей ячейке было поручено - сразу после взрыва здания ФБР - сосредоточиться на открытой борьбе против средств массовой информации, тогда как другим ячейкам определили другие виды оружия Системы в качестве целей.

Однако очевидно, что одна открытая борьба не приведет нас к победе; их слишком много, а нас слишком мало. Мы должны убедить большинство американского народа, что наши действия необходимы и правильны. Это пропагандистская задача, а нам до сих пор ничего подобного не удавалось. В первую очередь за пропаганду в Вашингтоне отвечают Ячейки 2 и 6, и я знаю, что товарищи из Ячейки 6 разбросали на улицах не меньше шести тонн листовок; Генри поднял одну вчера с тротуара. Но боюсь, одни листовки не могут соперничать с

масс-медиа Системы. На среду был назначен наш самый захватывающий пропагандистский трюк, но он закончился трагически. В тот же день наша ячейка взорвала телестанцию, три товарища из Ячейки 6 захватили радиостанцию и стали призывать население присоединиться к борьбе Организации против Системы. Они заранее записали свое послание на пленку и повесили магнитофон на двери, позаботившись запереть служащих в шкафу с оборудованием. Запустив пленку, они намеревались выскочить на улицу, рассчитывая, что полицейские этого не заметят и пустят внутрь слезоточивый газ - таким образом, дав им около получаса крутить пленку. Однако полицейские приехали раньше, чем их ожидали, и сразу же пошли брать штурмом станцию метро, отчего наши товарищи попали в ловушку. Двоих забили до смерти в последовавшей драке, да и третий, скорее всего не выживет. Послание Организации звучало меньше десяти минут. Такими были наши первые неприятности, однако Ячейке 6 пришлось убираться со своего места. Те, кто выжил, две женщины и один мужчина, ненадолго перебрались к нам. При условии, что если один из их товарищей оказался в руках полицейских, им, естественно, придется как можно быстрее покинуть свое убежище. Итак, мы потеряли один из двух печатных станков, принадлежавших Организации нашего региона, хотя у нас была возможность забрать оборудование полегче и всякие печатные материалы. И еще мы забрали пикап, который пригодится, если они останутся с нами.

28 ОКТЯБРЯ.

Сегодня ночью мне пришлось заниматься самыми отвратительными делами, какими не приходилось заниматься ни разу с тех пор, как я стал членом Организации четыре года назад. Я участвовал в казни мятежника.

Гарри Пауэлл был руководителем Ячейки 5. На прошлой неделе, когда Вашингтонский Полевой Штаб дал его ячейке задание убить двух из наиболее неприятных и активных адвокатов расовой ассимиляции в нашем регионе - священника и раввина, соавторов широко известной петиции, поданной в Конгресс и требующей специальных налоговых льгот для смешанных женатых пар, - Пауэлл не пожелал исполнить его. Он отправил послание обратно в ВПШ, сказав, что против дальнейшего развязывания жестокости и его ячейка больше не будет участвовать ни в одном террористическом акте.

Его немедленно взяли под арест, и вчера по одному представителю от каждой ячейки, включая Ячейку 5, собрались на судилище. Ячейка 10 не смогла никого прислать, и одиннадцать человек - восемь мужчин и три женщины - встретились с представителем ВПШ в подвальном складе подарочного магазина, который принадлежит одному из наших "легалов". Я представлял Ячейку 1. Представитель ВПШ коротко изложил дело Пауэлла. Член Ячейки 5 подтвердил обвинение. Пауэлл не только не захотел подчиниться приказу, но потребовал, чтобы члены ячейки тоже не подчинились ему.

К счастью, они не пошли у него на поводу. Пауэллу была предоставлена возможность произнести речь в свою защиту. Он говорил больше двух часов, изредка прерываясь, чтобы ответить на вопрос. То, что он сказал, потрясло меня, однако уверен, нам стало легче вынести ему приговор. В сущности. Гарри Пауэлл был "убежденным консерватором". Он стал не только членом Организации, но и руководителем ячейки, и это говорит больше об Организации, чем о нем. Главной его печалью было то, что все наши террористические акции против Системы лишь

ухудшали положение вещей, "провоцируя" Систему принимать все более крутые репрессивные меры. Ну, конечно же, мы все это понимали! Во всяком случае, я думал, что все это понимают. Оказалось,

Пауэлл не понимал. Он не понимал, что всегда и везде одной из главных целей политического террора является принуждение властей к репрессивным мерам, ужесточающимся раз от раза, так что часть населения отворачивается от властей и начинает с симпатией смотреть на террористов. Другая цель - пробуждать беспокойство, разрушая у населения чувство защищенности и веру в непобедимость правительства. Пока Пауэлл говорил, становилось все более и более очевидно, что он консерватор, а не революционер. Оказывается, он считал, что целью Организации было вынудить Систему провести определенные реформы, тогда как на самом деле мы все стремимся разрушить Систему, стереть ее с лица земли и построить на ее месте что-то совершенно другое, ничем на нее не похожее. Он противостоял Системе, потому что она заставляла его платить слишком большие налоги. (У него был магазин скобяных товаров, прежде чем ему пришлось уйти в подполье.) Он противостоял Системе вседозволенности для негров, потому что преступления и бунты не способствуют торговле. Он противостоял Системе конфискации оружия, потому что не мог обойтись без револьвера для собственной защиты. У него была мотивация либерала, замкнутого на себе индивидуума, для которого главный вред от правительства - ограничение свободного предпринимательства. Кто-то задал ему вопрос, неужели он забыл то, что

Организация повторяет постоянно - наша борьба должна защитить будущее нашей расы, а свобода отдельного гражданина подчинена этой всеобъемлющей цели? И он с раздражением ответил, что жестокие меры, предпринимаемые Организацией, не имеют ничего общего ни со свободой расы, ни со свободой отдельного человека. По его ответу стало ясно, что он, в сущности, не понимает, ради чего мы стараемся. Его собственное начальное оправдание насильственных мер, предпринимаемых против Системы, базировалось на наивной вере, что с Божьей помощью мы не замедлим показать ублюдкам кузькину мать! Когда же Система не развалилась, а наоборот, еще крепче завинтила винты, он решил, будто наша политика террора добивается обратного результата. Ему было невозможно принять тот факт, что путь к нашей цели не поворачивает назад к давнему рубежу в нашей истории, а пробивается через настоящее и устремляется в будущее - что это мы выбираем направление, а не Система. Пока мы не вырвем из рук Системы руль и не выкинем ее самое, корабль нашей страны будет опасно крениться. Останавливаться нельзя и поворачивать назад тоже. Поскольку мы уже среди скал и отмелей, нам приходится нелегко и будет еще хуже, пока мы не выйдем на открытое пространство. Наверно, он был прав насчет нашей неправильной тактики: раньше или позже мы получим ответ на вопрос об отношении к нам людей. Однако его мысли в целом были чужды нам, его ориентиры не совпадали с нашими. Слушая Пауэлла, я вспомнил писателя конца XIX столетия Брукса Адамса с его разделением человеческой расы на два класса: духовный и материальный. Пауэлл был представителем материального класса.

Для Пауэлла не имели никакого значения идеологии, конечные цели, фундаментальные противоречия между устремлениями Системы и нашими устремлениями. Философия Организации была для него не более чем идеологической листовкой ради завлечения к нам новых членов. В нашей борьбе с Системой он видел борьбу за власть и ничего больше. Если мы не можем побить Систему, значит, нужно добиваться компромисса.

Интересно, сколько еще членов Организации думают таким же образом, и мне стало страшно. Мы слишком быстро выросли. У нас не было достаточно времени, чтобы пробудить во всех товарищах, по сути, религиозное отношение к нашей цели и к нашим доктринам, которое не допустило бы к нам Пауэлла. Увы, у нас не было выбора насчет решения судьбы Пауэлла. И дело не только в его нежелании считаться с нашими взглядами, но и в том, что он показал себя совершенно ненадежным. Чтобы один из нас - да еще руководитель - открыто говорил с товарищами о компромиссе с Системой, с которой мы едва начали войну... Был только один способ разрешить ситуацию. Шестеро мужчин сложили спички, и трое, включая меня, стали палаческой командой. Когда до Пауэлла дошло, что его собираются убить, он попытался вырваться. Мы связали ему руки и ноги, а потом нам пришлось закрыть ему рот, когда он начал кричать. Потом мы отвезли его километров за десять к югу от Вашингтона, застрелили и закопали.

Домой я вернулся вскоре после полуночи, но заснуть не мог. Мне очень, очень плохо.

глава VIII

4 НОЯБРЯ 1991 ГОДА.

Сегодня вечером опять суп с хлебом, да и этого маловато. Деньги почти все вышли, а от ВПШ опять ничего. Если через пару дней ничего не изменится, нам опять придется идти на вооруженный грабеж - неприятная перспектива.

У Ячейки 2 как будто не прекращается нелимитированное снабжение едой, и мы были бы сейчас в гораздо худшем положении, если бы месяц назад они не снабдили нас большим количеством консервов - тем более что мы должны продержаться на них семь месяцев. Слишком опасно ехать в Мэрилэнд за нашими запасами. Исключительно велик риск напасть на блокпост. После начала нашей террористической кампании это самое заметное новшество, и обычных людей должно сильно раздражать. Поездки на частных машинах стали - по крайней мере, в Вашингтоне - настоящим кошмаром из-за постоянных длинных пробок, связанных с проверкой документов. В последние несколько дней полиция резко активизировала этот вид своей деятельности, и, похоже, это теперь если не навсегда, то на необозримое будущее. Однако полицейские как будто не останавливают пешеходов, велосипедистов, не останавливают и автобусы. Что ж, все не так плохо, хотя, конечно же, будет менее удобно.

Черт, опять непорядки со светом. Сегодня уже второй раз приходится зажигать свечи. До нынешнего года хуже всего было летом, а сейчас ноябрь, и у нас до сих пор временное - на пятнадцать процентов пониженное - напряжение в электросети, объявленное в июле. Но даже это постоянное безобразие не спасает нас от учащающихся отключений. Ясно, что кто-то наживается на этом. Когда на прошлой неделе Кэтрин повезло купить свечи в бакалейном магазине, ей пришлось заплатить за каждую по 1,50\$. Цена на керосин стала заоблачной, но его все равно нет в продаже. Когда у меня появится свободная минутка, я посмотрю, что можно сделать. Всю последнюю неделю мы продолжали досаждать Системе, но ограничивались одним человеком и малым риском. Например, в Вашингтоне примерно сорок гранат повредили федеральные здания и собственность прессы, и наша ячейка ответственна за одиннадцать покушений. Поскольку ни в одно федеральное

учреждение, кроме почты, невозможно было пройти без полного досмотра, нам пришлось придумать. Один раз Генри просто-напросто вытащил чеку из осколочной гранаты, а потом толкнул ее между двумя картонными коробками на стоянку грузовых машин перед "Washington Post", закрепив ее так, чтобы она не взорвалась между коробок. Ждать он не стал, а чуть позднее в новостях сообщили, что взрыв произошел внутри здания "Post", один служащий убит, трое ранены. Гораздо чаще мы использовали переделанные ружья и стреляли из них гранатами. Максимальная дальность - 150 ярдов, однако гранаты всегда взрываются ближе, если не модифицировать взрыватель. Все, что нужно для их эффективного использования, это укрытие примерно в ста ярдах от цели. Мы стреляли с заднего сидения ехавшего автомобиля, из окна туалета в соседнем доме и - ночью - из-за кустов в маленьком парке, который находился через дорогу от нужного нам здания. Если повезет, можно разбить окно и устроить взрыв в офисе или коридоре. Но даже если промахнешься и граната ударит в стену, взрыв все равно будет, значит повывлетают стекла и шрапнель свое дело сделает. Если заниматься этим долго, то не исключено, что Федеральное правительство закроет все окна в учреждениях ставнями, и это, естественно, повысит сознательность федеральных служащих. Но понятно, что рассчитывать на какой-то долгий срок не приходится. Вчера мы потеряли одного из наших лучших активистов - Роджера Грина из Ячейки 8-и потеряем еще многих со временем. Система неизбежно выиграет позиционную войну, поскольку на ее стороне численное преимущество.

Много раз мы обсуждали между собой эту проблему, и каждый раз приходили к одному и тому же: революционный дух совершенно отсутствует в Америке вне Организации и все наши действия оказались не в силах это изменить. Естественно, многие люди недолюбливают Систему: факт, что ворчать за последние шесть-семь лет они стали больше, так как условия жизни ухудшаются, - тем не менее, они все еще живут вполне комфортабельно, и им даже в голову не приходит бунтовать. А, кроме этого, самое ужасное то, что Система сама формирует наш образ, подаваемый общественности. От наших "легалов" мы постоянно получаем информацию о том, что о нас думают люди, и многие искренне поддерживают представителей Системы, которые называют нас "гангстерами" и "убийцами". Не завоевав сочувствия у народа, мы не сможем находить новобранцев и восполнять свои потери. А так как Система контролирует все до одного каналы связи, трудно представить, как это сочувствие завоевывать. Ни листовки, ни случайные, на пару минут, выходы в эфир не могут всерьез противостоять безостановочному промыванию мозгов Системой, чтобы держать людей в повиновении. Опять зажегся свет - когда я уже собрался спать. Иногда мне кажется, что слабости Системы сами приведут ее к быстрому падению без нашей помощи. Остановки в системах, которые должны работать непрерывно, всего лишь одна трещинка в ряду тысяч других, которыми мы отчаянно стараемся обрушить рассыпающегося колосса.

8 НОЯБРЯ.

За последние несколько дней произошли большие изменения в наших домашних делах. Сначала нас стало восемь, это было в прошлый четверг, а теперь опять четверо: я, Кэтрин и Билл с Кэрол Ханрахан, которые прежде были членами Ячейки 6. Генри и Джордж сблизилась с Эдной Карлсон, тоже поселившейся у нас после разгрома Ячейки 6, и с Диком Уилером, единственным, кто остался в живых после нападения полиции на убежище Ячейки 11 в четверг. Они подыскали себе отдельное жилье в нашем Округе. Новое объединение кажется мне более функциональным, чем прежнее, к тому же оно решает и личные проблемы, немало потрепавшие нам с

Кэтрин нервы. Теперь мы четверо, оставшиеся в магазине, представляем собой технико-ремонтную ячейку, а четверо уехавших стали саботажно-террористической ячейкой. Билл Ханрахан - слесарь, механик, печатник. Еще два месяца назад они с Кэррол держали типографию в Александрии. У Кэррол нет технических талантов ее мужа, но она знающий типограф. Как только мы обзаведемся еще одним прессом, она будет печатать листовки и другие пропагандистские материалы, которые Организация тайно распространяет в регионе. На мне все так же лежит ответственность за связь внутри Организации и за особое оборудование.

С этим мне будет помогать Билл, который теперь наш оружейный мастер и хранитель оружия.

Кэтрин предоставится хоть какая-то возможность проявить себя в качестве редактора, она будет отвечать за превращение пропагандистских текстов, которые мы получаем из ВПШ, в хлесткие заголовки и тексты для Кэррол. Ей придется показать свое мастерство в ужимании текста, сокращении и прочих необходимых изменениях. Вчера мы с Биллом закончили нашу первую совместную работу, модифицировав 4,2-дюймовый миномет для 81-миллиметровых снарядов. Это было необходимо, потому что до сих пор нам не удавалось добывать минометы для этих снарядов, увезенных нами из Абердина месяц назад. У одного из наших любителей оружия был 4,2-дюймовый миномет в рабочем состоянии, однако он куда-то спрятал его еще в конце 1940-х годов.

В ближайшие день-два Организация планирует очень серьезную акцию с использованием миномета, и нам с Биллом было необходимо закончить работу в установленный срок. Главной трудностью было найти подходящую стельную трубку, чтобы "сунуть ее внутри дула имеющегося у нас миномета, поскольку не было ни токарного станка ни других станков для работы. Как только трубка нашлась, остальное не составило труда, и мы были горды своим успехом - хотя наше устройство весило в три раза больше, чем нормальный 81-миллиметровый миномет.

Сегодня мы занимались делом, которое теоретически было на редкость простым, зато практически доставило нам больше хлопот, чем мы рассчитывали: мы выплавляли взрывчатое вещество из 500-футовой бомбы. От души наругавшись и напроклинавшись прилично обжегшись кипятком, который мы умудрялись плескать на себя, мы все же сумели извлечь тротил из бомбы и заполнить им пустые жестянки из-под грейпфрутового сока, кувшины из-под арахисового масла и прочие емкости. Целый день ушел на это, мы все были вымотаны и раздражены, однако теперь у нас был многомесячный запас небольших бомб. Думаю, Билл будет мне отличным боевым товарищем, с которым я смогу делить наш долг перед Организацией. (Мы теперь называемся Ячейкой б, и я назначен старшим.) Изменения в нашей жизни, конечно же, пошли на пользу мне и Кэтрин, ведь теперь мы делили дом с еще одной супружеской парой, а не с двумя холостяками.

Я написал "еще одна супружеская пара", но это вышло само собой, ведь мы с Кэтрин официально не женаты. Однако в последние два месяца и особенно в последние два-три недели - мы так много пережили вместе и так сблизились, что, в общем-то, стали настоящей семьей. В прошлом, если один из нас получал задание от Организации" мы старались изобрести повод, чтобы работать вместе. Теперь ничего не приходится изобретать, Интересно, что Организация, определившая для нас неестественные во многих отношениях условия жизни, установила более естественные отношения между полами, чем во внешней жизни. Хотя незамужние женщины теоретически "равны" с мужчинами и потому подчиняются дисциплине, на самом деле их жалеют и опекают куда больше, чем в "свободном" обществе. Взять,

например, изнасилование, которое стало вездесущей чумой нашего времени. С начала 1970-х годов количество изнасилований увеличивалось на 20-25% в год до самого последнего года, когда Верховный суд постановил, что ни один суд не имеет конституционного права называть изнасилование преступлением, дабы не подчеркивать юридического разделения между полами. Изнасилования, говорят теперь судьи, могут преследоваться только как несексуальные нападения. Другими словами, изнасилование - это, скажем, когда пускают кровь из носа. В случаях с недоказуемыми физическими повреждениями теперь совершенно невозможно добиться наказания для обидчика, даже его ареста. В результате этого юридического казуса количество преступлений увеличилось немыслимым образом, и даже официальная статистика признала, что одна из двух американок раз в жизни может стать жертвой насильника. Во многих из наших больших городов положение намного хуже. Феминистки возмущенно встретили перемены. Совсем не это было у них на уме, когда двадцать лет назад они начинали агитацию за "равенство". Во всяком случае, силу набирает явное и тайное раздражение, а ведь у меня было подозрение, что их руководительницы, в основном еврейки, именно этого и добивались с самого начала.

С другой стороны, защитники гражданских прав черного населения изо всех сил восхваляли решение Верховного суда. Закон об изнасиловании, говорили они, "расистский" закон, потому что по нему было осуждено диспропорционально большое количество негров. А теперь банды Черных головорезов рыскают на автомобильных стоянках, пришкольных участках, по коридорам учреждений и многоквартирных домов, выискивая симпатичных и одиноких Белых девушек, в полной уверенности, что им не грозит возмездие ни от безоружных сограждан, ни от связанных по рукам и ногам полицейских. Групповое изнасилование в классных комнатах стало чем-то вроде особенно популярного нового спорта. Некоторым сверхлиберальным женщинам, возможно, это и доставляет мазохистское удовольствие как искупление якобы "расовой" вины. Однако нормальные Белые женщины изо дня в день живут, как в кошмарном сне.

Плохо то, что многие Белые юнцы не только не противостоят этой новой угрозе их расе, а сами делают то же самое. Белые насильники уже стали обычным явлением, а в последнее время появились и смешанные банды. Но и девушки не желают оставаться пассивными жертвами. Сексуальные оргии Белых молодых мужчин и женщин - даже детей доподросткового возраста достигли такого размаха, который нельзя себе было представить еще два-три года назад. Эксцентрики, фетишисты, смешанные пары, садисты и эксгибиционисты, подстрекаемые средствами массовой информации, демонстрируют свою извращенность на публике, и публика присоединяется к ним. Как раз на прошлой неделе, когда мы с Кэтрин отправились за деньгами для нашей ячейки, так как остались на мели с одной банкой супа, произошло нечто отвратительное. На обратном пути мы ждали на остановке автобуса, когда я вдруг решил заскочить за газетой в аптеку, расположенную буквально в нескольких футах. Меня не было буквально двадцать секунд, а когда я вернулся, грязный тип, вероятно Белый, но с "афропрической" модной среди юных дегенератов, непристойно обзывал Кэтрин, по-боксерски приплясывая и попрыгивая вокруг нее.

(Справка для читателя: "Афро" относится к расе Негров или Африканцев, которая до своего неожиданного исчезновения во время Великой Революции оказывала все более очевидное и дегенеративное влияние на культуру и жизнь населения Северной Америки)

Я схватил его за плечо, развернул и изо всех сил ударил в лицо. Когда он упал, меня охватило глубочайшее и примитивнейшее удовлетворение при виде четырех-пяти зубов, вылетевших у него изо рта с потоком темно-красной крови. Намереваясь там же прикончить его, я потянулся в карман за пистолетом, но Кэтрин удержала мою руку, и ко мне вернулось благоразумие. Вместо того чтобы застрелить подонка, я приподнял его и три раза, не жалея сил, ударил ему в мошонку. В первый раз он дернулся и даже издал приглушенный крик, но больше не шевелился. Прохожие отводили взгляды, спеша пройти мимо. С другой стороны улицы на нас, разинув рты и что-то крича, смотрели два негра. Мы с Кэтрин торопливо завернули за угол. Прошли шесть кварталов, потом столько же и еще столько же и сели в автобус на другой остановке. Позднее Кэтрин рассказала мне, что юнец подскочил к ней, едва я вошел в аптеку. Он обнял ее, сказал, что ему нужно, и принялся трогать ее груди.

Крепкая и ловкая, она могла бы выскользнуть, но поганец загородил ей дорогу ко мне.

Обычно Кэтрин носит с собой револьвер, но в тот день было необычно жарко, пальто осталось дома, а в летнем платье оружие не спрячешь. К тому же, отправившись со мной, она не вспомнила о баллончике со слезоточивым газом, который теперь является непременным атрибутом женского туалета. А насчет газовых баллончиков небезынтересно отметить следующее: те же люди, которые истерически агитировали за конфискацию оружия перед принятием Закона Коэна, теперь призывают поставить вне закона и слезоточивый газ. Недавно было несколько случаев, когда женщин, пользующихся газовыми баллончиками против насильников, обвинили в вооруженном нападении! Мир совсем обезумел, и трудно кого-нибудь чем-нибудь удивить. В отличие от происходящего на улицах, внутри Организации насилие почти немыслимо. И у меня нет ни малейшего сомнения, что случись нечто подобное, и не пройдет нескольких часов, как насильник получит восемь граммов свинца в сердце.

Когда мы вернулись в магазин, нас ждал Генри с каким-то незнакомцем. Генри пожелал, чтобы я отчитался перед ним за последний миномет, который мы модифицировали. Уходя, они прихватили миномет с собой. До сих пор не понимаю, зачем он им понадобился. Мы с Кэтрин очень любим Генри и скучаем без него в нашей новой ячейке. Он принадлежит к тем людям, от которых будет зависеть окончательный успех Организации. Кэтрин успела обучить Генри многим своим трюкам с гримом и перевоплощением, а когда он ушел с минометом, она подарила ему парики, бороды, всяких резиновых штучек, косметику.

глава IX

9 НОЯБРЯ 1991 ГОДА.

Ну и денек! Сегодня в два часа дня на внеочередной сессии Конгресса должен был выступить Президент с просьбой принять закон, который даст возможность правительству уничтожить "расизм" и более эффективно противостоять терроризму.

В первую очередь он собирался просить Конгресс, если верить прессе, о долгожданном внутреннем паспортном законе. Несмотря на то, что мы месяц назад уничтожили компьютер с базой данных, правительство настаивало на принятии закона, Капитолий был окружен от 3000 до 5000 секретных агентов и вооруженных

солдат в форме. Повсюду стояли джипы с прикрытыми пулеметами. Было даже два танка и несколько ракетных пусковых установок. И пресса, и конгрессмены проходили через три баррикады с колючей проволокой, и каждый раз их тщательно досматривали, по-видимому, искали оружие.

Над головами кружили вертолеты. Никакие партизаны, даже если бы хотели кого-то убить или что-то взорвать, не смогли бы прорваться сквозь кордоны, будь они даже смертниками. На самом деле правительство перемудрило с охраной, чтобы внушить населению сверхсрочность мер, предлагаемых президентом. Шоу с войсками и танками возле Капитолия, несомненно, запало в души телезрителей, которые решили, что положение в стране требует решительных мер со стороны правительства. И в то самое мгновение, когда телеоператоры уже собрались показать людям не улицы, заполненные толпами, а кафедру спикера, где должен был стоять Президент и произносить речь, примерно в двухстах ярдах к северо-западу взорвался миномет - хотя никто не понял, что это было. Телевизионщики услышали взрыв, но не увидели ничего, кроме облака серого дыма, летящего над Капитолием. Еще несколько секунд прошли во всеобщем смятении. Солдаты с противогазовыми масками бежали в одном направлении. Секретные агенты с мрачными лицами и пистолетами в руках бежали в другую сторону. Телекомментаторы, едва переводя дух; сообщали, что кто-то взорвал бомбу на одной из автомобильных стоянок, принадлежащих Капитолию. Меньше минуты он лепетал нечто несусветное о том, кто это сделал, как им удалось протащить бомбу, несмотря на силы безопасности, сколько людей пострадало от взрыва и т.д. Потом начался второй раунд. Опять удар и пламя, но теперь уже в пятидесяти ярдах от телевизионной камеры. Удар был направлен напрямиком на пулеметный расчет, хоронившийся за мешками с песком на восточной стоянке.

- Это наш миномет - крикнул я. Все наблюдавшие это, у кого был минимальный военный опыт, поняли, что оба выстрела произведены из миномета. Минометы - великолепное небольшое орудие; особенно для партизанской войны. Они почти не издают шума, когда выпускают свои смертельные заряды, которые падают почти вертикально на свои цели.

Из них можно стрелять, будучи в непроницаемом укрытии, и те, в кого они направлены, никогда не скажут, откуда летят снаряды. В тот раз я сразу же догадался, что наши люди засели в небольшой роще на западном берегу Потомака, примерно в двух милях от Капитолия, Некоторое время назад мы с Генри делали замеры как раз с этой целью и выяснили, что все федеральные учреждения Вашингтона находятся в радиусе действия 81- миллиметрового миномета. Через сорок пять минут третий снаряд ударил в крышу южного крыла Капитолия и взорвался внутри здания. Теперь-то и началось самое главное. Снаряды стали падать, как дождь, с интервалами от четырех до пяти секунд. Практически все, включая телевизионщиков, бросились в укрытия, и только один неустрашимый оператор остался на своем посту. Повсюду мы видели восхитительные цветы пламени, куски алого металла, пляшущие по асфальту, вылетающие из домов, падающие на мгновенно загорающиеся автомобили, скачущие внутри и снаружи Капитолия, наносящие смертельный урон рядам защитников тирании и предательства.

Все закончилось минуты за три, но это было самое прекрасное шоу, какое мне только довелось смотреть. Наверно, оно произвело неизгладимое впечатление на всех, кто видел его по телевизору! Но это была не единственная радость в тот день, потому что то же самое случилось в Калифорнии и Нью-Йорке. Городской совет Лос-Анджелеса был созван, чтобы выслушать обращение Президента, прежде чем

проголосовать за их собственные "антирасистские" законы. Примерно в то время, когда фейерверк начался у нас, четверо из наших товарищей, воспользовавшись фальшивыми полицейскими удостоверениями, вошли в зал и стали бросать гранаты. Восемь членов городского совета были убиты, а нашим людям удалось скрыться. Часом раньше, в Нью-Йорке, Организация использовала базуку, чтобы расстрелять самолет с грузом отправляющихся в отпуск сановников, в основном евреев, который взял курс на Тель-Авив. Все погибли.

(Справка для читателя: Базука - Ручной гранатомет. Переносное устройство для запуска небольших ракет, использовавшееся во время Второй мировой войны в основном как оружие пехоты против военных транспортных средств. 60 - 54 гг. ДНЭ, вышли из употребления к 9 г. ДНЭ. Тель-Авив был самым большим городом в Палестине в период Е оккупации несчастной страны во времена Старой Эры. Его руины все еще радиоактивны и опасны для человека.)

Короче говоря, это был насыщенный день для Организации! Мне лично эта демонстрация способности Организации предпринимать одновременные выступления против Системы придала уверенности, и я не сомневаюсь, что то же самое произошло со всеми нашими товарищами. Несмотря на грохот, дым, разрушения, причиненные нападением на Капитолий, погиб всего шестьдесят один человек, как мы узнали из дальнейших сообщений. Среди них были два конгрессмена, один правительственный чиновник, четыре-пять служащих Конгресса. Однако истинное значение всех наших сегодняшних выступлений - психологическое. Могу сказать, что наши нападения на Систему уже не вызывают отрицательной реакции. Но важнее то, что мы даем уроки политикам и чиновникам-бюрократам. Сегодня они узнали, что никто из них не отмечен неприкосновенностью. Они могут прятаться в городе за колючей проволокой и танками или у себя в поместьях - за высокими стенами и охраняемыми системами, но мы все равно отыщем их и убьем. Никакие вооруженные телохранители, никакие бронированные лимузины не в силах гарантировать их безопасность в Америке. Этот урок им никогда не забыть. Теперь они все в ярости на нас и торжественно обещают народу уничтожить нас, однако когда они немного подумают, кое-кто из них будет готов позаботиться о "страховом полисе". Слабость Системы главным образом заключена в полном моральном разложении. Они могут убивать и уничтожать нас, но ни один из лидеров нации не действует из каких-либо побуждений, нежели собственных интересов. Все они готовы предать Систему, едва это станет им выгодно. Нам нельзя дать им знать, что все они пойдут на гильотину. Пусть думают, что они смогут договориться с нами и спасти свою шкуру, когда падет Система. Только евреи не тешат себя иллюзиями. Что до народа, то пока еще рано делать выводы относительно спектра его реакций на события сегодняшнего дня. Большинство, конечно же, поверит, во что ему будет сказано поверить. На самом деле люди хотят, чтобы их оставили в покое с их пивом и телевизором. Они заимствуют свои мысли из журналов о кино и телевизионных "ток-шоу", с помощью которых Система подвергает их массированным атакам.

(Справка для читателя: Слово "ток-шоу" обозначает тип телевизионной программы, популярной в последние годы Старой Эры.)

Тем не менее, нам надо тщательно контролировать, что люди чувствуют по отношению к Системе и к нам. Хотя большинство будет поддерживать Систему, пока не опустеют их холодильники, все же новые члены Организации, которые встанут в наши ряды вместо погибших, могут прийти к нам только из нашего народа. Сейчас у нас не получается с агитацией, и для всех это забота номер один. Говорят, что в Вашингтоне за последние два месяца к нам не присоединился ни один человек. А за это время мы потеряли примерно 15% наших людей. Надеюсь, в других местах дела

обстоят не так плохо. Из всех сегментов населения, из которых мы рассчитывали набрать новых членов, "консерваторы" и приверженцы "правого крыла" оказались самыми твердолобыми. В мире нет более продажных тварей и худших трусов тоже. Их трусость сравнима только с их глупостью. В среде консерваторов сейчас ходит слух, будто на самом деле Организация состоит на довольствии у Системы. Мы якобы нанятые Системой провокаторы, в чью задачу входит прибавить хаоса в жизнь страны, чтобы оправдать репрессивные контрреволюционные и антирасистские меры, предпринимаемые Системой. Если мы перестанем раскачивать лодку, все само собой уладится. Верят они в это или нет, но не найти лучше предлога, чтобы не вступать в Организацию. С другой стороны, теперь, когда мы стали радикалами, либералы с коленным рефлексом (Медицинский термин) напрочь забыли о своем "модном радикальном" энтузиазме, которым гордились всего несколько лет назад. Свои идеологические лекарства они черпают из "глянцевых журналов и у популярных обозревателей, и их "инь" в данный момент полностью просистемный. Несмотря на претензии казаться изощренными и утонченными, либералы безмозглы и ими так же легко манипулировать" как консерваторами. Христиане - разные по своей сути. Некоторые из них самые преданные и смелые члены Организации. В их ненависти к Системе - помимо общих причин осознание роли Системы в подрыве авторитета и искажении Христианства. Однако все, кто все еще не может оторваться от главных церквей, настроены против нас. В наше время трудно переоценить еврейское влияние на Христианские церкви и коррупцию священников. По воскресеньям с церковных амвонов рукоположенные в сан проститутки внушают своей пастве то, что необходимо Системе, и собирают свои тридцать сребреников в виде правительственных "учебных" грантов, пенсии "братии", платы за, например, лекции, а также хорошей прессы. Защитники гражданских прав тоже были расколоты. Примерно половина их поддерживала Систему, а половина была против. И все были против нас. Те, которые выступали против Системы, видели в ней большую опасность, чем в Организации. Чем больше людей выразят доверие нам, тем рьянее защитники гражданских прав будут поддерживать Систему. Не похоже, чтобы нам удалось привлечь этих людей на свою сторону.

Да, мало надежды проникнуть в эти идеологические сегменты. Если и привлекать новых членов, то надо работать с теми, кто еще не сделал свой выбор.

Промывание мозгов, которым занимается Система, коснулось не всех. Еще остаются миллионы и миллионы нормальных людей, которые не верят официальной пропаганде и не позволяют низвести себя на животный уровень, когда люди существуют только ради удовлетворения своих потребностей. Что надо сделать, чтобы они присоединились к нам?

В наши дни жизнь становится все уродливее, все более и более еврейской. Однако она все еще вполне комфортная, а комфорт - великий совратитель, это он в первую очередь плодит трусов. Похоже, что на сегодняшний день все настоящие американские революционеры уже в наших сетях. Теперь надо учиться, как создавать других революционеров, и чем быстрее, тем лучше.

14 НОЯБРЯ.

Сегодня у нас был Генри, и я узнал кое-какие подробности о нападении на Капитолий в понедельник. В акции участвовали всего три человека: сам Генри, помощник, который принес разобранный миномет и снаряды на заранее выбранное

место в роще и все там устроил, да еще девушка, которая с маленьким передатчиком расположилась в парке в нескольких кварталах от Капитолия и координировала стрельбу. По радио она передавала данные помощнику Генри, пока сам Генри засовывал снаряды в орудие. Насколько я видел, прицеливался он почти идеально. Они использовали все 81-миллиметровые снаряды, которые мы украли месяц назад в Абердине, и Генри хотел знать, могу ли я пополнить их запас. Я объяснил ему, какую трудную задачу он ставит передо мной. Бомбы мы делать умеем - даже самые заковыристые. А снаряды - дело другое. С нашими теперешними возможностями такое не потянуть. То, что я мог бы создать, было бы весьма грубой подделкой, да и вряд ли эффективной. Нам надо совершить еще один налет на арсенал, пусть даже это рискованно, прежде чем вновь заговорит наш миномет. Кроме того, я рассказал Генри о довольно большом количестве относительно мелких бомбардировок, происходивших в последние два-три дня. Их было больше сотни в разных местах, включая четыре в Вашингтоне, и они насторожили меня по нескольким причинам, в основном, из-за специфического выбора цели - банки, войсковые склады, акционерные общества, а также из-за очевидно любительской подготовки акций. На каждую взорвавшуюся бомбу полицейские нашли по крайней мере одну не взорвавшуюся. Генри подтвердил мои опасения: бомбардировки во всяком случае, в нашем округе - не имеют никакого отношения к Организации. Это было интересно. Похоже, сами того не желая, мы вызвали к жизни тайных анархистов - или Бог знает кого, - прятавшихся в нашей тени. Естественно, средства массовой информации приписали все нам - что было неприятно из-за любительской работы наших последователей, однако их вылазки, наверно, надо было расценивать как добрый знак хотя бы потому, что тайной полиции теперь было, кем заняться, кроме нас, и мы могли свободно вздохнуть.

Рост нигилистических настроений, которые Система очень долго поощряла, теперь работал на нас, а не на Систему. И сегодня у меня было довольно забавное подтверждение этому. Мне нужно было побывать в Джорджтауне, чтобы разобраться в коммуникациях для Ячейки 4. Когда-то Джорджтаун был одним из самых шикарных районов Вашингтона, но за последние пять лет превратился в ад, из-за которого вся столица постепенно стала асфальтовыми джунглями. Большинство дорогих магазинов уступили свои помещения барам "геев", массажным салонам, киоскам с порнографической литературой, винным магазинам и прочей капиталистической рискованной торговле. Мусор, грязь на тротуарах - и повсюду негры, которых прежде здесь днем с огнем было не сыскать. Однако в Джорджтауне все еще живет довольно большое число Белых. В когда-то богатых домах окна забиты досками, а многие незаконно заняты целыми колониями нищих, в основном, бросившими школу и убежавшими из дома молодыми людьми. Они ведут маргинальное, нечеловеческое существование, побираясь на улицах, роясь в мусорных мешках, иногда воруют. Некоторые девушки время от времени подрабатывают проституцией. И все без исключения - так я считал до сегодняшнего дня - с утра до ночи накачиваются наркотиками. Поскольку Система в прошлом году перестала ужесточать соответствующие законы, героин стал таким же дешевым, как сигареты, и достать его не составляет никакого труда. Полицейские обычно сюда не заглядывают, хотя от некоторых историй о жизни здешних ребят волосы встают дыбом. Внутри своих цитаделей, огороженных деревянными заборами зданий, девочки и мальчики готовят себе еду, спят, совокупляются, рожают детей, колют вены и умирают, предпочтя нецивилизованный образ жизни. В их среде процветают религиозные культы кукичинов (Группа родственных народов на Северо-востоке Индии.) с большим количеством сжигаемых благовоний и произносимых заклинаний. Особенно им нравятся разные сатанинские культы, напоминающие древние семитские верования. Говорят, не обходится без ритуальных пыток и ритуальных убийств так же, как без ритуального каннибализма, ритуальных оргий и других неевропейских действий. Я

закончил свои дела в Ячейке 4, которая из-за своих более или менее божественных членов гораздо легче вписывалась в жизнь Джорджтауна, чем это могло бы получиться у любой другой из наших ячеек, и отправился на остановку автобуса, где происходило то, что стало уже привычным явлением. Два юных головореза - внешне похожих на Пу или Ме - пытались затащить в подъезд рыжеволосую девчонку. Законопослушный гражданин прошел бы мимо, даже не замедлив шаг, а я остановился, посмотрел пару секунд и зашагал прямо к ним. Два смуглых подонка не ожидали ничего подобного и ослабили хватку, дав девчонке возможность ускользнуть. Они смотрели на меня во все глаза и орала оскорбления, однако не сделали ни малейшей попытки настичь беглянку, которая в мгновение ока была уже на расстоянии футов ста от своих несостоявшихся обидчиков. Тогда я развернулся и пошел своей дорогой. Девушка двигалась медленно, как бы позволяя мне догнать ее. "Спасибо", - сказала она, блеснув милой улыбкой. Она была по-настоящему красивой, но очень плохо одетой и не старше семнадцати лет - по-видимому, "дитя улицы".

Дорогой мы разговорились. Первым делом я узнал, что у нее уже два дня не было ни крошки во рту и ей очень хочется есть. Зайдя в забегаловку, я купил ей гамбургер и молочный коктейль. Заметив, что она все еще голодная, я купил ей еще один гамбургер и жареную картошку. За едой она продолжала разговаривать, и я узнал кое-что интересное. Во-первых, жизнь юных отщепенцев куда разнообразнее, чем мне казалось. Одни колонии состоят из убежденных наркоманов, а в других о наркотиках и не помышляют, есть колонии расово смешанные, а есть чисто белые, есть колонии, которые состоят из мужчин и женщин, а есть колонии, которые состоят только из мужчин, и их называют "волчьими стаями". Некоторые группы объединены по религиозному признаку. Эльза - так звали девушку - сказала, что никогда не принимала наркотиков. Два дня назад она ушла из своей группы из-за какой-то ссоры, и, когда я появился, ее как раз пытались утащить в логовище "волчьей стаи".

Она также дала мне неплохую подсказку насчет того, кто устраивал бомбардировки, удивившие Генри и меня. Среди ее друзей многие были уверены, что "это дело рук некоторых джорджтаунских колоний ну, чистить город от свиней". Сама Эльза была абсолютно аполитичной, и для нее не существовало разницы, кто именно взрывает бомбы. Особенно насаждать на нее показалось мне опасным, как бы она не приняла меня за копа, поэтому я не стал развивать дальше эту тему. В наших обстоятельствах я никак не мог привезти Эльзу к нам - однако искушение было велико. Прощаясь, я сунул ей пять долларов, и она клятвенно уверила меня, что без труда найдет себе место в одной из молодежных групп. Возможно, она вернется к своим. Она дала мне их адрес, так что при желании я мог ее найти. Когда я обдумывал все это вечером, мне пришло в голову, что мы, пожалуй, упускаем потенциально полезных союзников среди этой группы молодежи.

Каждый сам по себе, ребята не впечатляют, это точно, но не исключено, что их можно использовать как коллектив. Стоит подумать.

глава X

16 НОЯБРЯ 1991 ГОДА.

Ответная реакция Системы на нашу акцию, предпринятую на прошлой неделе, обретает форму. Во-первых, стало труднее передвигаться по городу. Полицейские и

солдаты патрулируют улицы и останавливают пешеходов и автомобилистов. По радио каждый час предостерегают вашингтонцев, что они могут быть арестованы, если не предъявят документы, идентифицирующие их личность.

Организация успела снабдить некоторых из нас фальшивыми водительскими правами и другими фальшивыми удостоверениями, но нужно время, чтобы всех в Вашингтоне снабдить ими. Вчера Кэрол чуть было не попала. Она пошла в супермаркет за продуктами для нас на неделю, а тут полицейский патруль, да еще когда она стояла в очереди в кассу. Возле всех выходов началась проверка документов. Кэрол уже подходила к одной из дверей, как неподалеку началась заварушка. Полицейские допрашивали мужчину, у которого, по-видимому, не было с собой документов, и тот полез в драку. Когда копы попытались надеть на него наручники, он ударил одного из них и бросился бежать. Не сделал он и нескольких шагов, как его схватили полицейские, стоявшие у других выходов. И Кэрол с продуктами вышла через временно не охраняемую дверь.

Патрулирование мешало полицейским в их основной работе, а негры и другие криминальные элементы этим воспользовались. Некоторые Армейские части тоже участвуют в патрулировании и других полицейских операциях, однако их главное дело - охрана правительственных зданий и прессы. Самое интересное то, что Советы Гуманитарных Связей тоже участвовали в полицейской акции, они "делегировали" в патрули довольно много негров из состоятельных семей, как поступили прежде во время Ружейных Рейдов. В нашем Округе и в Александрии некоторые из этих делегированных негров уже расхаживают с важным видом по улицам и останавливают Белых граждан. Ходят слухи, что они требуют взятки от остановленных ими людей и угрожают арестом, если те не заплатят. Еще они уволокли несколько Белых женщин в свои "штаб-квартиры" на "допрос". Там этих женщин раздевали, насиловали всей командой и избивали - во имя законности!

Пресса, естественно, не обмолвилась об этом ни словечком, но людям рты не закроешь. Народ боится и злится, но не знает, что делать. Не имея оружия, что можно сделать? Люди отданы на милость Системе. Трудно понять, зачем Системе понадобилось вновь задействовать негров, ведь два года назад из-за них было много шума. Мы обсуждали это в ячейке, и наши мнения разделились. Все, кроме меня, считают, что события прошлого понедельника испугали Систему, и она опять переиграла. Возможно, они правы, но я думаю иначе. У Системы было два месяца, чтобы привыкнуть к идее партизанской войны. Прошло пять недель с тех пор, как мы в первый раз всерьез побили ее, взорвав штаб-квартиру ФБР. Представителям Системы известно, что подпольщиков у нас по всей стране не больше двух тысяч - и им также известно, что нас становится все меньше.

Думаю, они натравили Черных на Белых в качестве превентивной меры. Испугав Белое население, они затруднят нам привлечение новых членов в Организацию и таким образом ускорят наше исчезновение. Билл считает, что, наоборот, отношение Белых к возобновившейся деятельности Советов Гуманитарных Связей и их "банд" облегчит нам привлечение новичков. В определенной степени так и было в 1989 году, однако за последние два года Белые Американцы настолько привыкли к все более откровенной тирании Системы, что я уверен, последняя акция послужит скорее устрашению, нежели пробуждению людей. Поживем - увидим.

Тем временем у меня скопилась гора работы. Вашингтонский Полевой Штаб потребовал, чтобы я обеспечил их тридцатью новыми передатчиками и сотней новых приемников до конца года. Не знаю, как мне это удастся, но пора браться за дело.

27 НОЯБРЯ.

До сегодняшнего дня я работал на износ, день и ночь, стараясь исполнить приказ ВПШ в срок. Три дня назад - во вторник - я достал последнюю деталь и установил в магазине сборную линию, взяв себе в помощь Кэрл и Кэтрин. Если они будут выполнять простейшие операции, я, возможно, успею в срок. Вчера, однако, я получил приказ из ВПШ, из-за которого отсутствовал в нашем магазине с утра до десяти часов вечера. Целью вызова была проверка "моей преданности" Организации. Я понятия не имел об этом, пока не пришел на указанное место. Это был маленький сувенирный магазинчик, в котором судили Гарри Пауэлла. Охранник провел меня в крошечный кабинет рядом с подвальным складом. Там меня ждали двое мужчин. Одним был майор Уильямс из Революционного Штаба, с которым мне уже приходилось встречаться. Другим - доктор Кларк, один из наших легалов, как я вскоре выяснил, больничным психолог. Уильямс сообщил мне, что Организация разработала проверочный тест для своих новых нелегальных членов. Он должен определить истинную мотивацию новобранца, его позицию и выявить тех, кого к нам засылает тайная полиция и кто не годится для нашей работы по каким-то соображениям. Но не только новобранцы, а и некоторые ветераны Организации должны пройти тест: а именно те, которые из-за своих обязанностей имеют доступ к информации, особенно ценной для тайной полиции. Естественно, мое доскональное знание системы связи вводит меня в эту категорию ветеранов, к тому же по работе мне приходится вступать в контакт с необычно большим числом членов других ячеек. Изначально мы планировали, что ни один подпольщик не должен знать имя - или ячейку - члена Организации, не принадлежащего к его ячейке. Однако на практике из этого ничего не вышло. Если учесть все происшедшее за последние два месяца, в Вашингтоне есть несколько человек, которые могут выдать - добровольно или под пыткой - довольно много членов Организации. После Ружейных Рейдов мы, конечно же, с большой осторожностью подходили к каждому новому товарищу, но я и предположить не мог ничего похожего на то, чему был подвергнут в то утро. С начала были инъекции - по крайней мере, две, но после первой я чувствовал себя как в тумане и не знаю точно, сколько их было - примерно полдюжины электродов подсоединили к разным частям моего тела. Яркий пульсирующий свет бил мне в глаза, и я потерял всякий контакт с окружающим меня миром. Остались только голоса.

Следующее, что я помню - я просыпался, зевая и потягиваясь, три часа спустя на кушетке в подвале, хотя мне сказали, что допрос длился не больше получаса. Чувствовал я себя отдохнувшим, и никаких неприятных последствий лекарств не ощущал. Когда я поднялся с кушетки ко мне подошел охранник. Из закрытого кабинета до меня доносились приглушенные голоса; по-видимому, шел допрос следующего члена Организации. В нескольких футах от меня еще один мужчина спал на кушетке. Думаю, его тоже только что принесли с допроса. Меня провели в другую комнату, совсем крошечную, где были стул и маленький металлический столик - думаю, для пишущей машинки. На столике лежали бумаги в черной пластиковой папке примерно в два дюйма толщиной - так обычно переплетают отчеты. Охранник сказал, чтобы я очень внимательно прочитал бумаги в папке, потому что майор Уильямс будет еще раз беседовать со мной. Потом он ушел и закрыл дверь. Едва я сел за стол, как девушка принесла мне тарелку с сэндвичами и кружку горячего кофе. Поблагодарив ее, я стоя глотать кофе и жадно откусывать куски от сэндвича, так как был очень голоден, тем временем пробегая глазами первую страницу.

Когда я через четыре часа прочитал последнюю страницу, то обратил внимание на нетронутые сэндвичи - первый, откусанный, тоже остался недоеденным на тарелке. Кофе в кружке совсем остыл. Мне показалось, что я вдруг возвратился на землю в комнату - после тысячелетнего путешествия по космосу. То, что я прочитал - целую книгу в четыреста печатных страниц - подняло меня из земного существования, из ежедневных трудов нелегального борца Организации на вершину самой высокой горы, с которой я мог видеть весь мир. раскинувшийся передо мной со всеми его народами, племенами, расами. И я проник в бесконечное время, тоже открывшееся мне, в укрытые паром первобытные болота многомиллионной давности и неограниченные возможности, приберегаемые для нас будущими веками и тысячелетиями. В книге наша борьба была включена - Организация, ее цели, подстерегающие ее опасности - в куда более широкий контекст, чем я когда-либо смел вообразить. Я хочу сказать, что размышлял о многом, имевшемся в книге, но не связывал отдельные вещи в единый узор. Никогда еще вся картина не являлась мне так ясно.

(Справка для читателя: Очевидно, что Тернер пишет о Книге. Из других источников нам известно, что она была создана за десять лет до Мартиролога, в котором есть упоминание о ней - то есть, возможно, в 9 году ДНЭ, или в 1990 году по старому летоисчислению. Тернер упоминает "печатные страницы", однако неясно, имеет он в виду, копию или оригинал. Если оригинал, то это единственный дошедший до нас отклик на оригинальный экземпляр Книги! Несколько копий оригинального текста, подходящих под описание Тернера, дошли до нас и хранятся в Архивах, однако археологи все еще не могут отыскать оригинал.)

В первый раз до меня дошел глубочайший смысл того, что мы делаем. Теперь мне понятно, почему мы не можем проиграть, как бы ни была тяжела победа, и как бы много наших товарищей не погибло по пути к ней. Все, что было и что еще будет, зависит от нас. Мы в самом деле Божьи орудия в выполнении Его Грандиозного Замысла. Наверно, я заговорил необычно для себя, ведь я никогда не был религиозным человеком, но я говорю искренне. Когда майор Уильямс открыл дверь, я все еще сидел за столом, размышляя о прочитанном. Он попросил меня следовать за ним, однако заметил недоеденные сэндвичи. Тогда он принес еще один стул в крохотную комнатку и предложил мне побеседовать за едой. Из нашего недолгого разговора я узнал кое-что очень интересное. Во-первых, вопреки моим прежним домыслам, Организация постоянно пополняется новыми членами. Никому из нас это неизвестно, потому что ВПШ создает из новых членов новые ячейки. Вот зачем понадобилось дополнительное оборудование. Еще я выяснил, что есть очень ценные новобранцы, которые внедрены шпионами в тайную полицию. К счастью, руководители Организации предвидели угрозу и вовремя придумали средство защиты. Им было ясно, что, как только мы ушли в подполье, единственным безопасным способом набирать новых людей будет самый простой и понятный всем и каждому способ. Вот как он работает; когда к нашим легалам приходит кто-то, заявляющий, что хочет стать членом

Организации, его немедленно отправляют к доктору Кларку. Методика допроса доктора Кларка не дает возможности ни выкручиваться, ни лгать. Как объяснил майор Уильямс, если кандидат проваливает испытание, он не просыпается после недолгого сна. Действуя таким образом. Организация не дает Системе шанса выяснить, почему исчезают ее шпионы. Пока, сказал майор Уильямс, мы разоблачили больше тридцати потенциальных врагов, среди которых было несколько женщин. Я содрогнулся, стоило мне подумать, что было бы, если бы я во время допроса вел себя не совсем стабильно или не заслужил доверия товарищей. На мгновение мной завладела злость на доктора Кларка, который даже не был

нелегалом и, тем не менее, решал, жить мне или не жить. Однако злость скоро улетучилась, стоило мне подумать о том, что быть легалом совсем не позорно. Доктор Кларк не в подполье по единственной причине: его фамилия не попала в арестные списки ФБР в сентябре. Нашим легалам достается не меньше, чем нелегалам. На легалах пропаганда и привлечение новых членов - ведь нелегалы почти не сообщаются с миром вне Организации, и они куда больше нашего рискуют быть вычисленными и арестованными.

Наверно, майор Уильямс понял, о чем я думаю, потому что он положил руку мне на плечо, улыбнулся и заверил меня, что я отлично прошел тестирование. Настолько хорошо, что меня было решено ввести в более узкий круг внутри Организации. Чтение книги, которую я только что отложил, было первым шагом в "посвящении". Следующий шаг я сделал часом позже. Шесть человек привели в пустое полукруглое помещение магазина наверху. Рабочий день уже закончился, и окна были тщательно закрыты ставнями. В дальней от окон части магазина горели две большие свечи. Я вошел в комнату последним. Когда я уже одолел лестницу, та же девушка, что принесла сэндвичи, подала мне нечто из грубой серой ткани с капюшоном, напоминающее монашескую рясу. Когда я натянул на себя балахон, она показала мне, где встать, и сделала знак, чтобы я молчал. Затененные капюшонами, лица моих товарищей в этом странном немногочисленном собрании оставались для меня неразличимыми. Когда шестой участник поднялся наверх и оказался в дверях, я не удержался и обернулся, с изумлением узнав в высоком плотном мужчине в форме, натягивавшем на себя балахон, сержанта Столичной полиции округа Колумбия. Наконец из другой двери в глубине магазина появился майор Уильямс. На нем тоже был серый балахон, однако с откинутым капюшоном, так что две свечи - по обе стороны от него - освещали его лицо. Тихим голосом он сообщил, что все мы, избранные членами Ордена, с честью вышли из испытания Словом и испытания Поступком. Таким образом, все мы не только доказали верность нашему Делу, но и боролись за победу нашего Дела. Как члены Ордена мы должны стать носителями Веры, так как в наших рядах формируются будущие руководители Организации. Еще многое было сказано, в частности, такого, что я недавно читал. Орден, объяснял он нам, будет тайным даже внутри Организации хотя бы до успешного завершения первой фазы нашей борьбы: уничтожения Системы. И он показал нам Знак, по которому мы могли узнавать друг друга. Потом он произнес Клятву - такую мощную Клятву и такую трогательную, что она проняла меня до костей и волосы у меня на голове встали дыбом. Когда мы уходили один за другим с перерывом в минуту, девушка, стоявшая в дверях; забрала наши балахоны, а майор Уильямс повесил каждому на шею золотую цепочку с крохотным брелоком. Он уже рассказал о нем. Внутри брелока была стеклянная капсула. И мы должны были носить его днем и ночью. Если опасность станет реальной, и нам будет грозить арест, мы должны вынуть капсулу и положить ее в рот. Если нас арестуют, и не останется надежды на побег, мы должны раскусить капсулу. Смерть будет безболезненной и почти мгновенной. Отныне наши жизни принадлежали Ордену. Сегодня я в каком-то смысле родился во второй раз.

Теперь мне ясно, что я уже никогда не смогу смотреть на мир и на людей, даже на себя самого, как смотрел прежде.

Когда я разделся вечером, Кэтрин тотчас углядела брелок и, естественно, спросила о нем. Ей тоже хотелось знать, чем я занимался целый день. К счастью, Кэтрин принадлежит к девушкам, с которыми можно ничего не скрывать - настоящий бриллиант. Я рассказал ей о назначении брелока и упомянул, что это необходимо из-за новой задачи, которую я теперь буду выполнять в Организации - но об этой

задаче я не могу никому говорить, по крайней мере, пока. Кэтрин не давало покоя любопытство, но она больше не давила на меня.

глава XI

29 НОЯБРЯ 1991 ГОДА.

Сегодня вечером случилась неприятность, которая для всех нас могла иметь трагические последствия. Раскатывавшие на машине молодые наркоманы попытались ворваться в наш дом, очевидно считая, что в нем никто не живет, и нам пришлось избавляться и от них, и от их автомобиля. Такое случилось с нами в первый раз, однако запущенный с виду дом может грозить нам такими же набегами в будущем.

Мы все собрались наверху за ужином, когда во двор въехала машина и подняла тревогу. Мы с Биллом спустились в темный гараж и в глазок смотрели, кто к нам пожаловал.

Когда погасли фары, один из ребят выскочил из машины и подбежал к нашей двери. Он стал отдирать доски, прибитые поверх глазка, вскоре к нему присоединился другой парень. В темноте нам не удалось рассмотреть их лица, но мы слышали, как они переговаривались между собой. Несомненно, это были негры, и им во что бы то ни стало требовалось войти в дом. Билл попытался отговорить их. Он отлично имитировал речь гетто и крикнул, не открывая двери: "Эй, парень, тут занято. Вали отсюда, пока цел".

Не ожидавшие ничего подобного, негры отскочили от двери. Они пошептались, и после этого к ним присоединились еще два парня. Потом последовал диалог Билла и одного из негров. Звучал он примерно так:

- Приятель, мы не знали, что тут живут. Нам нужно где-то шарахнуть.

- Теперь знаете, так что катитесь подальше.

- Чего ты такой злой, брат? Впусти нас. Мы поделимся с тобой дурью, и с нами девочки. Ты тут один?

- Не один. И не нужна мне ваша дурь. Лучше езжайте своей дорогой.

(Справка для читателя: В диалекте американских негров было много специальных слов, имевших отношение к наркотикам и сохранившимся до конца. "Дурь" означает героин, который был особенно популярен. "Шарахнуть" - значит ввести героин в вену. И привычки негров, и их словечки стали достоянием Белого населения Америки в последние пять десятилетий Старой Эры, когда правительство проводило чуть ли не насильственную ассимиляцию.)

Однако Биллу не повезло, и нарушители нашего покоя никуда не уехали. Теперь уже второй негр принялся ритмично стучать в гаражную дверь, произнося нараспев: "Открой нам, брат, открой нам, брат". Кто-то в автомобиле включил радио, и нас оглушила негритянская музыка. Поскольку меньше всего нам требовалось

внимание полиции или служащих автомобильной компании по соседству, мы с Билли быстренько выработали план действий. Дав обеим женщинам в руки по ружью и поставив их за ящики, скопившиеся по одну сторону гаража, взял пистолет, выскользнул в заднюю дверь и стал медленно огибать здание, чтобы зайти нападавшим в тыл. Тут Билл сказал: "Ладно, ладно. Я открываю, приятель. Заводи свою тачку". Билл начал поднимать гаражную дверь, и один из негров вернулся к машине, чтобы завести мотор. Билл стоял, низко опустив голову, чтобы, когда он попадет под свет фар, его белая кожа никого не спугнула. Автомобиль въехал в гараж, и Билл стал опускать дверь. Однако автомобиль въехал недостаточно глубоко, и дверь не закрывалась, но водитель проигнорировал просьбу продвинуться немного вперед. Вот тут-то один из негров, который не был в машине, разглядел, что Билл не Черный, и поднял тревогу. "Это не брат", - заорал он.

Билл включил весь свет, и девочки, которых до тех пор не было ни видно, ни слышно, повыскакивали из машины, когда я скользнул внутрь под частично закрытой дверью.

- Всем выйти из машины и лечь на пол, - приказал Билл, распахивая дверцу со стороны водителя. - Выходи, ниггер, шевелись!

Рассмотрев направленные на них четыре ствола, наши пленники задвигались, но не без громких протестов. Двое из них не были неграми. Когда все шестеро растянулись лицом вниз на бетонном полу, мы увидели трех Черных мужчин, одну Черную женщину - и двух Белых проституток. Я с отвращением покачал головой при виде Белых девиц, которым наверняка только что исполнилось восемнадцать лет. Мне не понадобилось много времени, чтобы принять решение. Мы не могли позволить себе стрелять, поэтому я достал тяжелый лом, а Билл взял лопату. Мы начали с противоположных сторон, пока наши девушки держали их под прицелом. Работали мы быстро, но аккуратно, и каждому хватало по одному удару в голову. Так было, пока мы не подошли к последним двум.

Лопата соскользнула с головы Черного парня и ударила лежавшую рядом с ним Белую девушку, при этом рассекла ей плечо, но не сильно. Прежде чем я успел пустить в ход лом, чтобы прикончить ее, сучка вскочила на ноги, словно ее подбросило. Когда я входил в гараж, то опустил дверь, насколько сумел, однако остался зазор в шесть дюймов, мерзавка протиснулась в него и помчалась на улицу - а я следом, отстав на пятнадцать ярдов. Я похолодел от ужаса, когда увидел свет в виде арки над тротуаром прямо перед девчонкой. Большой грузовик сворачивал на улицу, выезжая с соседней парковки. Если ей удастся добежать до улицы, она попадет в свет фар и водителю будет трудно ее не заметить. Больше не сомневаясь, я поднял пистолет и выстрелил, положив беглянку возле самого забора, заросшего сорняками и отделяющего нашу парковку от соседней. Выстрел оказался на редкость удачным, и не только потому, что достиг цели, но еще и потому, что грохот двигателя на приближающемся грузовике заглушил его. Покрывшись холодным потом, я согнулся в три погибели и так прождал, пока грузовик не исчез вдали.

Мы с Биллом положили шесть трупов в автомобиль негров, и Билл уехал, за ним следом уехала Кэрол на нашей машине. Билл припарковал машину с жутким грузом возле ресторана для негров в Александрии. Пусть полиция разбирается!

Работа с новым оборудованием для связников пошла отлично. Девушки собрали так много блоков еще до ужина-до неприятного события - что я не смог проверить

все, хотя это входит в мои обязанности. Будь у меня осциллограф и еще кое-какие инструменты, я бы сделал больше.

30 НОЯБРЯ.

Размышляя над субботними событиями, я больше всего удивляюсь тому, что не чувствую ни раскаяния, ни сожаления из-за убийства двух Белых шлюх. Полгода назад я и представить не мог себя, спокойно лишаящего жизни белую девочку, чего бы она ни натворила. Но с недавнего времени у меня более реалистические взгляды на жизнь. Я понимаю, что обе девушки были с неграми, только потому, что их заразили болезнью либерализма, процветающей в школе, в церкви, в поп-культуре, которую Система поощряет в наши дни. Вот если бы они выросли в здоровом обществе, у них была бы расовая гордость. Однако эти соображения не имеют практического смысла на современном этапе борьбы. Пока мы не получим в свои руки средства для всеобщего излечения от этой болезни, мы должны действовать по-другому, как выпалывают сорняки и убивают заболевших животных, чтобы не потерять все стадо. Сейчас не время для женского рукоделия. Этот урок был преподан нам всем вечерней телепередачей. Чикагский Совет Гуманитарных Связей организовал сегодня невиданный "антирасистский" митинг. Поводом для него послужил расстрел из пулемета машины с негритянскими делегатами в пятницу, имевший место в Чикаго, посреди белого дня, естественно, силами Организации. В происшествии погибли всего три негра, однако Система ухватилась за этот факт чтобы дать отпор бурлящему раздражению Белых, направленному на Советы Гуманитарных Связей и их Черных головорезов. Очевидно, что эти Черные "делегаты" еще больше поиздевались над беззащитными Белыми, чем у нас.

Чикагский митинг, который с энтузиазмом поддерживали все средства массовой информации в Чикаго, на начальной стадии насчитывал около 200 000 человек - и большинство из них были Белыми. Сотни специальных автобусов, пригнанных городскими властями, везли людей из пригородов. Тысячи юных негров с повязками Советов Гуманитарных Связей бесстыдно шныряли в толпе, "наводя порядок". На митинге выступали примелькавшиеся политические проститутки и рукоположенные проститутки, которые призывали к "братству" и "равенству". Потом Система выдвинула вперед одного из местных парней, который с задором высказался за искоренение раз и навсегда "наносимого обществу Белым расизмом зла".

(Справка для читателя: "Местный парень" был негритянским прикрытием для властей или для Евреев с их интересами. Искусные манипуляторы толпами, состоящими из людей их расы, они получали хорошие деньги за свои труды. Таких парней иногда нанимала даже Организация в последний период Революции, когда надо было с минимальными потерями среди Белых изгнать миллионы негров из городских кварталов в специальные лагеря.)

После этого опытные агитаторы из Советов Гуманитарных Связей довели отдельные группы людей из толпы до настоящего братского неистовства. Смуглые курчавые невысокие парни из евреев, вооруженные мегафонами, отлично знали свое дело. Им не понадобилось много времени, чтобы людей охватила жажда крови, и они, в самом деле, разорвали бы на куски "Белого расиста", имея он несчастье попасть им в руки. Выкрикивая "Бей расистов" и другие лозунги братской любви, толпа промаршировала по деловой части Чикаго. Торговцам, рабочим, бизнесменам,

которые стояли на тротуарах, Черные "делегаты" приказали присоединиться к марширующим. Тех, кто отказывался, немилосердно избивали.

Потом банды негров начали заходить в расположенные по пути магазины и учреждения и при помощи громкоговорителей приказывать всем идти на улицу. Как правило, они избивали одного-двух Белых упрямцев до бесчувственного состояния, и тогда остальные все понимали и с энтузиазмом присоединялись к демонстрации. По мере того, как толпа разбухала - к концу в ней было не меньше полумиллиона человек - Черные юноши с повязками все более и более возбуждались и нападали, чуть ли не на каждого Белого в толпе, который кричал лозунги без должного энтузиазма. Произошло несколько по-настоящему чудовищных инцидентов, на которые телевизионные камеры взирали со злорадством. Кто-то в толпе пустил слух, что в книжном магазине поблизости продают "расистские" книги. Не прошло и пары минут, как несколько сотен демонстрантов - на сей раз в основном молодые Белые - отделились от толпы и устремились к магазину. Разбили окна, и демонстранты, оказавшиеся внутри, стали передавать стопки книг тем, кто оставался на улице. После того как первый порыв ярости был утолен тем, что из книг вырывали страницы и бросали их в воздух, на тротуаре разожгли костер для остальных книг. Потом на улицу вытащили Белого книгопродавца и принялись его избивать. Он упал, и, пиная и топча, толпа нахлынула на него. На телеэкране мы видели все это крупным планом. Лица Белых демонстрантов были искажены ненавистью - к своим же.

Другим инцидентом, на который телевизионщики не пожалели крупный план, было убийство кошки. Кто-то из толпы заметил большую белую бродячую кошку и стал кричать: "Ловите кошку!" И тотчас около дюжины демонстрантов бросились за несчастной. Когда они появились вновь с окровавленным трупом, восторженные крики издали те в толпе, кто стоял неподалеку и все видел. Явное безумие! Невозможно выразить словами, в какое уныние ввергло нас происходившее в Чикаго. Естественно, это и было целью организаторов митинга. Они отличные психологи и прекрасно понимают пользу массового террора для устрашения. Они знают, что миллионы людей, которые внутренне настроены против них, теперь слишком запуганы, чтобы открыть рот.

Но как могли наши люди - как могли Белые Американцы - быть настолько бесхребетными, настолько трусливыми, чтобы с восторгом ублажать своих притеснителей? Как же нам набрать революционную армию из такого сброда?

Неужели это та же самая раса, представитель которой шагал по Луне и мчался к звездам двадцать пять лет назад? До чего же низко мы пали! Мне стало пугающе ясно, что нельзя победить в нашей битве, не пролив потоки - реки - крови. О трупах, которые мы оставили в субботу в Александрии, было упомянуто вскользь лишь в местных новостях. Подозреваю, что причина этого не в обыденности убийств на сексуальной почве, а в том, что власти осознали расовую значимость случившегося и решили не плодить последователей.

глава XII

4 ДЕКАБРЯ 1991 ГОДА.

Сегодня я ездил в Джорджтаун, чтобы поговорить с Эльзой, маленькой рыжей "бродяжкой", с которой познакомился пару недель назад. Причиной моего визита стало желание получше оценить потенциальные возможности друзей Эльзы как борцов против Системы. На самом деле некоторые из подобных людей или, скажем, люди в похожих обстоятельствах - уже вовлечены в свою собственную войну с Системой. В прошлом месяце случилось поразительное множество выступлений, в которых Организация не принимала участия. Взрывы, поджоги, похищения людей, жестокие публичные выступления, саботаж, угрозы смерти в адрес известных людей, даже два широко разрекламированных убийства.

Ответственность за разные инциденты приняло на себя такое множество групп - анархисты, противники налогов, "либеральные фронты" всяких видов, полдюжины нетрадиционных религиозных культов, что запомнить их всех было невозможно. Похоже, остаться в стороне не пожелал никто. Большинство этих людей настоящие беспомощные любители, так что даже расистскому ФБР пришлось очень постараться, чтобы навести хоть какой-то порядок, тем более обнаружить их. Общая атмосфера революционного насилия и антиправительственного насилия, за которое ответственна Организация, предпринявшая некоторые действия, очевидно, виновата в появлении на свет многих из любительских групп. Самое интересное из всего этого - подтверждение не абсолютной власти Системы над умами американских граждан. Большинству, естественно, все еще нравится мысленно маршировать следом за верховными жрецами телерелигии, однако растущее меньшинство сбивается с шага и начинает воспринимать Систему как врага. К несчастью, в основании их ненависти ложные ценности, и почти невозможно скоординировать их действия.

В самом деле, в подавляющем большинстве случаев нет никакого разумного обоснования бунтарской деятельности. Это, так сказать, громадная отдушина для разочарованных людей в форме вандализма, а не политического терроризма. Людям хочется что-то сломать, кого-то покалечить, тем более, если они считают свою жертву виноватой в бесчеловечности мира, в котором они вынуждены жить. Тот вандализм в большом масштабе, который мы наблюдаем сейчас, политическая полиция не сможет долго покрывать. А за ним стоят нищие. Помимо политических вандалов и сумасшедших, еще два сегмента населения сыграли важную роль в недавних событиях: Черные сепаратисты и организованные преступники.

Еще несколько недель назад никто не сомневался, что Система наконец-то откупилась от последних Черных националистов семидесятых годов. В действительности же они просто-напросто лежали на дне и занимались своими делами, а теперь осознали возможность получить свой кусок. В основном они громили офисы "простых парней" и стреляли друг друга, но на прошлой неделе они неплохо организовали выступление в Новом Орлеане, во время которого было побито много окон и взято много добычи; Силенок у них пока маловато! Мафия, то есть два или три профсоюза, которыми они владеют, и парочка других преступных группировок получают большой доход на беспорядках и всеобщих страхах, постепенно активизируя свою вымогательскую деятельность. Когда они говорят бизнесмену или коммерсанту, что взорвут его предприятие, если он не заплатит якобы за "защиту", им верят больше, чем несколько месяцев назад. И похищение людей стало выгодным бизнесом. Копы слишком заняты теми, кто по-настоящему страшит Систему (то есть нами), чтобы думать об убийцах, а тем только того и надо. Если хладнокровно обдумать происходящее, мы должны быть благодарны даже за это увеличение преступлений, поскольку оно помогает разрушать доверие к Системе. Однако обязательно наступит день, когда мы возьмем всех этих мерзавцев, которых "купленные" Системой судьи так долго балуют, и без лишних разговоров поставим их к стенке - вместе с судьями.

Я нашел дом, адрес которого Эльза дала мне, и постучал в дверь - это был подвал когда-то элегантного здания - и когда назвал Эльзу, заметно беременная молодая женщина с малышом на руках пригласила меня войти. Постепенно привыкнув к полумраку, я увидел, что весь подвал приспособлен под коммунальное жилье. Привязанные к Проходившим под низким потолком трубам одеяла и простыни служили перегородками между полудюжиной "углов", так сказать, частными спальнями. Помимо этого несколько матрасов лежали а неразделенной части подвала. Еще я обратил внимание на карточный столик рядом с раковиной, в которой две молодые женщины мыли посуду, и больше никакой мебели не было, даже стула. Древняя печь, в которой огонь поддерживается деревяшками, стояла возле стены и была единственным источником тепла. Как я узнал позднее, из всех благ цивилизации у маленькой коммуны был только водопровод, а чтобы поддерживать огонь в печи, приходилось обшаривать окрестности или отправлять бригады наверх за дверьми, перилами, оконными рамами, даже паркетинами. Другая коммуна, более многочисленная, занимала верхнюю часть здания за забаррикадированной железной дверью на верхнем пролете подвальной лестницы, но так как там частенько случаются вечеринки с большим количеством наркотиков, то потом у обитателей верхних этажей нет сил противостоять набегам за топливом. Жители подвала отвергают крепкие наркотики и считают себя выше своих соседей. Тем не менее, они предпочитают подвал, потому что его легче обогреть и еще легче защитить, чем верхние этажи, ведь окошки внизу, хоть и под самым потолком, но крошечные и грязные, слишком крошечные для любого враждебного вторжения. Кстати, летом в подвале прохладнее.

Когда я пришел, семь-восемь человек лежали на матрасах и следили за какой-то идиотской "игровой" программой по телевизору на батарейках, куря сигареты с марихуаной. В подвале стоял, по-видимому, неизбывный запах несвежего пива и марихуаны. (Они не считают марихуану наркотиком.) Два мальчика лет четырех, оба совершенно голые, катались по полу и дрались возле печки. Удобно устроившаяся на теплой трубе под потолком, серая кошка с любопытством смотрела на меня. Те, кто лежал на матрасах, на мгновение, оторвавшись от телевизора, больше не обращали на меня внимания. Среди них не было Эльзы. Но когда впусившая меня девушка позвала ее по имени, одеяло в одном из углов неожиданно было отдернуто, и моему взгляду тотчас явились голова Эльзы и ее голые плечи. Узнав меня, она взвизгнула от радости, нырнула обратно за одеяло и мгновение спустя вышла в "бабушкином" платье" Меня слегка встревожил взгляд человека, который лежал в полутьме на матрасе, когда Эльза вышла ко мне из-за одеяла. Неужели ревность?

Не долго думая, Эльза от чистого сердца обняла меня и предложила горячий кофе, который налила из мятой посуды на печке. Я с благодарностью принял кружку, потому что замерз, пока шел от остановки автобуса. Мы уселись на незанятый матрас возле печи. Кричащий телевизор, хныкающий младенец и два воющих парнишки, позволили нам разговаривать, не боясь подслушивания. О чем только мы не переговорили, ведь мне не хотелось сразу ставить ее в известность об истинной цели моего визита. Она рассказывала о себе и о людях, с которыми жила под одной крышей. Кое-что меня огорчило, а кое-что всерьез шокировало. Огорчила меня история жизни самой Эльзы. Она была единственной дочерью людей, принадлежавших к верхушке среднего класса. Ее отец (может быть, был, так как она уже больше года не видела родителей) пишет речи для одного из самых могущественных сенаторов в Вашингтоне. Мать - адвокат в организации левого толка и в основном занимается тем, что покупает дом в пригороде, заселенной Белыми, для состоятельного негра. До пятнадцати лет Эльза чувствовала себя очень счастливой. Тогда она жила в Кониектикуте и посещала привилегированную частную школу для девочек. (Такие школы - только для девочек или только для мальчиков -

теперь, естественно, считаются незаконными.) Лето она провела с родителями в их доме на морском берегу. У Эльзы светилось лицо, когда она рассказывала о лесах и тропинках вокруг их летнего дома и долгих прогулках, которые она совершала в одиночестве. У нее была небольшая парусная шлюпка, и она часто уплывала на крошечный островок, устраивая для себя пикники и много счастливых часов нежась в полудреме на солнце.

Потом семья переехала в Вашингтон и мать настояла на том, чтобы они сняли квартиру в негритянском районе рядом с Капитолийским холмом, не желая ехать в Белый пригород. В новой школе оказалось всего четыре Белых ученика вместе с Эльзой. Девочка рано развилась физически. Из-за своей естественной доброжелательности и открытого прямолинейного нрава в сочетании с поразительным внешним очарованием она в свои пятнадцать лет была уже необыкновенно привлекательна для мужчин. В результате Черные мужчины, которые изводили в школе Белых девочек, не давали покоя и Эльзе. Вдобавок Черные девочки, видя это, возненавидели Эльзу с особой силой и мучили ее, как только могли. Эльза не смела появиться в комнате отдыха и даже не позволяла себе ни на мгновение выпасть из поля зрения учителя, пока она была в школе. Но вскоре выяснилось, что нет смысла ждать защиты от учителей, когда Черный заместитель директора школы прижал девочку к стене в своем кабинете и попытался запустить руку ей под юбку. Каждый день Эльза возвращалась из школы в слезах и просила родителей перевести ее в другую школу. В ответ мать кричала на нее, била по лицу называла "расисткой". Если черные парни докучают ей, виновата она, а не они, и с черными девочкам она должна подружиться.

Отец тоже не пришел ей на помощь, даже когда она рассказала ему о приставаниях заместителя директора. Естественно, его это возмутило, но он ничего не хотел знать. Его либерализм был более пассивным, чем у матери Эльзы, и он был настолько напуган своей "либеральной" женой, что не входил ни в какие дела, связанные с вопросами расы. Даже когда три юных Черных мерзавца остановили его на пороге его дома, отняли бумажник и часы, сбили с ног и нарочно раздавили его очки, мать Эльзы не разрешила вызвать полицейских и сообщить об ограблении. Даже мысль о том, чтобы заполнить полицейский бланк против негра, казалась ей "фашистской". Эльза держалась три месяца, а потом сбежала из дома. Ее приняла небольшая коммуна, с которой она оставалась и поныне, а так как от природы у нее был веселый нрав, то она научилась быть относительно счастливой в своем новом положении. Потом, примерно месяц назад, начались неприятности, приведшие к нашему с ней знакомству. В их коммуне появилась новая девушка, Мэри-Джейн, и между ней и Эльзой не складывались отношения. Парень, с которым Эльза в то время делила матрас, был знаком с Мэри-Джейн прежде, до того как оба пришли в коммуны, и Мэри-Джейн смотрела на Эльзу как на незаконную захватчицу. Эльзу в свою очередь возмущали попытки Мэри-Джейн отнять у нее парня.

В конце концов, они подрались - с криком, царапаньем, вырыванием волос, и Мэри-Джейн будучи сильнее, победила. Два дня Эльза бродила по улицам (тогда-то я и встретил ее) а потом она вернулась в подвал. Тем временем Мэри-Джейн не поладила с еще одной девушкой, и Эльза, воспользовавшись этим, заявила в ультимативной форме: или я, или она. Мэри-Джейн в ответ стала угрожать ей ножом.

- И что же было дальше? - спросил я;

- Мы продали ее, - как ни в чем не бывало, ответила она.

- Продали! Как это? - ничего не понимая, воскликнул я.

Эльза объяснила:

-Мэри-Джейн отказалась уйти после того, как все стали на мою сторону, вот мы и продали ее Каппи-Еврею. Он дал нам за нее телевизор и двести долларов.

"Каппи-Еврей", как оказалось, и в самом деле был евреем по фамилии Каплан, который зарабатывает тем, что занимается Белой работорговлей. Он постоянно ездит из Нью-Йорка в Вашингтон, где покупает сбежавших девиц. Его постоянными поставщиками являются "волчьи стаи" типа той, от которой я спас Эльзу. Эти хищники хватают девушек на улицах, держат их у себя неделю - другую, а потом, если за их исчезновением не последовала газетная шумиха, продают их Каплану. Что происходит с девушками потом, никто не знает наверняка, однако ходят слухи, будто большинство поступает в особые эксклюзивные клубы Нью-Йорка, где богачи удовлетворяют свои странные, противоестественные желания. Других, как говорят, продают Сатанистам, и там их расчленяют во время отвратительных ритуалов. Как бы то ни было, в коммуне кто-то слышал, что Каплан приехал "покупать", поэтому, когда Мэри-Джейн не захотела уйти по доброй воле, ее связали, потом нашли Каплана и совершили сделку.

Мне казалось, что меня уже ничем нельзя пронять, но я пришел в ужас от рассказа Эльзы о судьбе Мэри-Джейн. "Как, - спросил я в ярости, вы могли продать Белую девушку еврею?" Эльзу смутило мое очевидное неудовольствие. Она признала, что они поступили ужасно и что иногда, думая о Мэри-Джейн, она чувствует себя виноватой, однако в то время это показалось им счастливым разрешением всех проблем. Эльза сделала слабую попытку оправдаться тем, что подобное происходит постоянно и властям об этом известно, но они не вмешиваются, так что это больше вина общества, чем отдельного человека. Я с омерзением покачал головой, однако этот поворот в нашей беседе дал мне возможность заговорить о том, в чем я был больше всего заинтересован. "Цивилизация, которая терпит существование Каплана и его отвратительного бизнеса, должна быть стерта огнем с лица земли, - сказал я. - Нам надо сжечь ее и начать жизнь сначала". Сам того, не замечая, я повысил голос, и был услышан другими обитателями подвала. Покачивающийся субъект поднялся с матраса перед телевизором и сделал несколько шагов. - Что мы можем сделать? - спросил он, не ожидая ответа. - Каппи арестовывали не меньше дюжины раз, но копы всегда его отпускают. У него есть связи среди политиков. Какие-то большие Евреи в Нью-Йорке - его постоянные посетители. И еще я слышал, что один из его клубов постоянно посещают два или три конгрессмена.

- Значит, кто-то должен взорвать Конгресс, - сказал я.

- Насколько мне известно" такая попытка уже была, - рассмеялся он, имея в виду акцию Организации.

- Что ж, будь у меня бомба, я бы попытался. Где бы мне достать динамита? - спросил я.

Парень пожал плечами и вернулся к телевизору. Я попытался выудить информацию из Эльзы. Какие группы в Джорджтауне устраивают взрывы? Как я могу с ними связаться?

Эльза и хотела бы мне помочь, однако она ничего не знала. Это ее совсем не занимало. Наконец она обратилась к мужчине, который подходил к нам: "Гарри, а ребята с Двадцать девятой улицы, которые называют себя "Четвертым Мировым Освободительным Фронтом", разве не взрывают свиней?" По всему было видно, что Гарри недоволен ее вопросом. Он вскочил, окинул нас обоих горящим взглядом, ничего не сказав, вышел из подвала и громко хлопнул дверью. Одна из женщин, стоявших возле раковины, обернулась и напомнила Эльзе, что ее очередь готовить обед, а она еще даже не почистила картошку. Я пожал Эльзе руку, пожелал ей всего хорошего и ушел.

Думаю, я плохо повел дело. С моей стороны было наивно думать, будто стоит мне прийти в коммуны "отверженных", и они любезно укажут мне на людей, вовлеченных в жестокую и противозаконную деятельность. Очевидно, что то же самое мог бы проделать переодетый коп. Наверно, теперь поползет слух, что я тоже коп. Это сводило на нет все шансы познакомиться с борцами против Системы в этом регионе. Конечно, мы могли послать кого-нибудь другого на розыски "Четвертого Мирового Освободительного Фронта", чем бы он ни был. Однако у меня появились сомнения, стоит ли это делать. Мой визит к Эльзе вполне убедил меня, что люди, разделяющие ее образ жизни, вряд ли найдут в себе силы на конструктивное сотрудничество с Организацией. Им неизвестно, что такое самодисциплина, и у них нет цели. Они сами поставили на себе крест. Чего они действительно хотят, так это лежать целый день, сворачивая и куря сигареты. Я почти уверен, что если правительство удвоит их содержание, даже взрыватели лишатся своей агрессивности. Эльза в принципе милое дитя, и, наверно, есть много других, у которых все в порядке с инстинктами, но которые не могут жить в нашем кошмарном мире и поэтому выпадают из него. Хотя и она, и я отрицаем мир в его сегодняшнем виде и оба как будто выпали из него, разница между членами Организации и приятелями Эльзы состоит в том, что мы можем справляться с этим, а они - нет. Не представляю себе Генри или Кэтрин, или любого другого члена Организации сидящими перед телевизором и не обращающими внимание на мир, который очень нуждается в нас. Вот такая между нами разница. Однако нам важна не только эта разница. Большинство американцев так или иначе справляются, одни - с трудом, другие - вполне успешно. Они выпали из жизни, потому что не потеряли чувствительности - той чувствительности, которая есть у членов Организации, у Эльзы и у лучших из ее друзей - чувствительности, которая позволяет нам чують вонь разлагающегося общества и делает нас обманщиками. Справляющиеся с нашей жизнью и не справляющиеся с ней или чуют вонь, или она не мешает им.

Евреи могут жить в любом свиномышнике, и пока в нем много помоев, они довольны. Эволюция научила их мастерски выживать, но она лишила их другого.

До чего же ненадежна человеческая цивилизация! До чего она поверхностна по отношению к природе человека! И до чего же среди множества людей мало таких, жизнь которых имеет смысл и которые поддерживают ее существование. Без наличия, скажем, одного-двух процентов сильных индивидуумов - наиболее агрессивных, умных, работающих - я уверен, никакая цивилизация не выдержала бы долго. Она бы постепенно разлагалась, возможно, несколько веков, и люди не имели бы сил, энергии или таланта заделывать прорехи. Постепенно все вернулись бы к изначальному, до цивилизованному состоянию - к тому состоянию, которое мало чем отличается от состояния джорджтаунских беглецов. Но даже энергии, воли и таланта недостаточно. В Америке до сих пор хватает сверх умников, которые заставляют колеса вертеться. Однако эти сверхумники, кажется, не замечают, что их машина уже давно сошла с пути и мчится в пропасть. Они нечувствительны к уродству и неестественности так же, как к опасности того направления, которого они

придерживаются. Лишь меньшинство из меньшинства вело Нашу расу из джунглей и понуждало ее делать первые шаги по направлению к истинной цивилизации. Мы всем обязаны тем немногим из наших предков, которые чувствовали, что надо делать, и умели это делать. Без чувствительности никакое умение не приведет к истинно великим достижениям, а без умения чувствительность может привести только к мечтаниям и разочарованиям. Среди огромного количества людей Организация выбрала тех из современного поколения, кто обладает и тем, и другим. И теперь мы должны сделать все необходимое, чтобы победить.

глава XIII

1 МАРТА 1993 ГОДА.

Сегодня начинаю все сначала. По удивительному совпадению - в первый день весны. Для меня это как воскрешение после 470 дней смерти. Снова я рядом с Кэтрин, рядом с моими товарищами и снова готов к борьбе, забыв о зря потраченном времени, - все это наполняет меня неопишуемой радостью. Так много всякого произошло, пока я не писал в дневнике (Какое счастье, что Кэтрин удалось сохранить его для меня), что не знаю, с чего начать. Ладно, начну с начала. Было воскресенье, около четырех часов утра и еще совсем темно. Мы все крепко спали. Первым мне вспоминается, как Кэтрин трясет меня за плечо, стараясь разбудить. Как будто издали слышу непрерывный трезвон, который в полусне принимаю за будильник.

- Еще рано, - бурчу я.

- Сработало охранное устройство внизу, - встревожено шепчет Кэтрин.- Кто-то рядом с домом. Тут уж я проснулся, но не успел вскочить, как раздался грохот, и в спальню через надежно забаррикадированное окно ворвался поток искр. Тотчас в комнате появилось газовое облако, и, задышавшись, я мучительно закашлялся. Все, что происходило в следующие несколько минут, я помню плохо. Каким-то образом, не зажигая света, мы натянули на себя маски, Билл и я побежали вниз, оставив Кэтрин и Кэрл сторожить верхние окна. К счастью, пока еще никто не сделал попытки войти в дом, однако когда мы с Биллом спустились на первый этаж, то услышали, как кто-то с мегафоном приказывает нам с поднятыми руками выйти на улицу. Я торопливо посмотрел в глазок и вместо ожидаемой тьмы увидел снаружи яркий свет, как дневной, благодаря дюжине прожекторов, направленных на наш дом. Из-за них ничего нельзя было разглядеть, но и так было ясно, нам придется иметь дело с несколькими сотнями вооруженных до зубов солдат и полицейских. Не могло идти речи ни о какой попытке пробиться сквозь ограждения с оружием в руках, тем не менее, мы все же немного постреляли - каждый сделал примерно по шесть выстрелов - из верхних и нижних окон, фасадных и задних, чтобы находившиеся снаружи люди призадумались и отвергли идею штурмовать дом. После этого мы отошли от окон и дверей, и тотчас начался ответный шквал огня, но нам было важно уйти в туннель с максимальным количеством вещей. Блочные стены гаража защищали нас от стрельбы со всех сторон. Билл, Кэтрин и Кэрл занимались нашим отходом в туннель, тогда как я, оставаясь в магазине, собирал вещи, которые считал необходимым спасти. За те сумасшедшие, оставившие меня без сил три четверти часа в дренажной яме в дальнем конце туннеля сложилась целая гора из оружия и боеприпасов.

Мои товарищи все перетаскали без меня, но, по крайней мере, им не грозила опасность попасть под пулю. А вот вокруг моей головы пули летали без перерыва, и много раз в меня попадали цементные обломки со стен. До сих пор не могу понять, как меня не убило там. Мне даже удавалось отстреливаться через дверь, ведь гараж атаковали каждые пять минут, чтобы держать нападавших на расстоянии. Наконец мы вынесли все наше ручное оружие, патроны, примерно половину взрывчатки и тяжелого вооружения и все собранные приемники. Удалось спасти инструменты Билла, благо он был человеком аккуратным и держал их все вместе в специальном ящике, но мои инструменты пропали, так как были раскиданы по всему магазину. Собравшись ненадолго в грязной яме, мы решили, что Билл и девушки украдут машину и погрузят в нее наши вещи, пока я подготовлю взрыв, который помешает обнаружить вход в туннель. Я давал им тридцать минут, после чего должен был зажечь фитиль и тоже бежать следом за ними. Кэтрин сорвалась с места и помчалась вверх за какими-то личными вещами - и моим дневником, - и мне чуть ли не в последний момент пришлось гнать ее вниз. К этому времени двери и ставни на окнах первого этажа были уже почти совсем раскрошены, и от прожекторов стало так светло, что любое передвижение грозило мне смертельной опасностью. Работая с отчаянной быстротой, я сложил в яме двадцать фунтов тротила, прямо над входом в туннель, и зажег фитиль. Потом я пополз к стене, возле которой небольшими порциями было сложено еще сто фунтов тротила, чтобы подсоединять их к запалу в масляной яме и взорвать весь дам одним ударом. Властям пришлось бы затратить не меньше двух дней на разбор завалов, перед тем как они догадались бы, куда мы делись, однако до стены я не добрался. Почему-то до сих пор не понимаю, как это могло случиться) раньше времени взорвался тротил в яме. Наверно, пуля рикошетом ударила в запал. Или искра от все еще летевших в дом гранат с газом сыграла свою роль.

Как бы то ни было, я потерял сознание и едва не умер. Очнулся уже на больничной койке. Следующие несколько дней были чудовищными. Даже от воспоминаний меня корежит. Из отделения "скорой помощи" я сразу же попал на допрос в подвал ФБР, еще не вполне расчищенный за семь недель после нашего взрыва. Хотя я еще не совсем пришел в себя и раны сильно болели, обращались со мной жестоко. Наручниками туго стянули запястья за спиной, толкали и пинали каждый раз, стоило мне запнуться или не сразу исполнить приказ. Я стоял посреди камеры, и полдюжины агентов ФБР со всех сторон выкрикивали свои вопросы, тогда как я, даже если бы захотел, все равно не был способен ни на что, кроме нечленораздельного бормотания. Но даже в этом состоянии я почувствовал прилив радости, поняв из вопросов следователей, что остальным удалось спастись. Снова и снова окружавшие меня парни кричали мне в лицо:

- "Где остальные? Сколько вас было в доме? Как выбрались другие?"

Очевидно, масляно-бензиновая яма надежно скрывала вход в туннель. За вопросами почти обязательно следовали удары, пока я, в конце концов, не повалился на пол и не избавился от мучений, лишившись чувств.

Придя в себя я обнаружил, что все еще лежу там, где упал и на голом цементном полу. Свет не выключили, но меня ставили одного, и я слышал гул отбойного молотка и другой шум из ближайшего коридора, в котором шел ремонт. У меня болело все тело, особенно мучили наручники, но голова была почти ясной. Первым делом я пожалел, что у меня нет яда, Найдя бесчувственное тело среди обломков, агенты тайной полиции, конечно же, немедленно сорвали моей шеи цепочку с капсулой. Оставалось только ругать себя за то, что я не взял капсулу в рот до взрыва. Наверно, во рту ее бы не нашли, и я бы разгрыз ее еще в больнице,

как только ко мне вернулось сознание. В последующие дни мне не раз пришлось пожалеть об этом. Потом я опять пожалел и отругал себя. Мне было до того мучительно думать, будто на мне самом из-за дурацкого визита к Эльзе лежит ответственность за мое теперешнее положение, что я почти убедил себя в этом. Наверно, кто-то из Эльзино окружения проследил за мной на обратном пути до дому и потом сообщил куда надо. Позднее эти подозрения были косвенным образом подтверждены моими тюремщиками. Всего несколько минут я пробыл наедине со своей болью и своими мрачными мыслями, прежде чем начался второй этап допросов. На сей раз два агента ФБР пришли в мою камеру в сопровождении врача и еще трех мужчин, два из которых были Черными накачанными гигантами. Третий показался мне сутулым и седым стариком лет семидесяти. Мерзкая улыбочка играла в уголках его толстых губ, время от времени раздвигавшихся в зловещей усмешке, так что становились видны золотые пломбы в желтых от табака зубах.

После того как врач более или менее обследовал меня и, заявив, что я годен к допросу, удалился, два агента ФБР поставили меня на ноги и заняли позицию возле двери. Этот допрос должен был провести дьявольского вида старик с золотыми зубами. Говорил он с ярко выраженным еврейским акцентом и с обезоруживающей профессиональной мягкостью представился полковником Солом Рубиным из Израильской военной разведки. Прежде чем я успел удивиться, с чего бы представителю зарубежного правительства допрашивать меня, он сказал:

- Мистер Тернер, поскольку ваша расистская деятельность противоречит Международной конвенции по геноциду, вас будет судить Международный трибунал, в котором будут представители вашей и моей страны. Однако сначала нам необходимо получить от вас информацию, чтобы одновременно отдать во власть правосудия и ваших приятелей-преступников. Я знаю, что прошлой ночью вы не захотели сотрудничать с нами, поэтому позвольте предупредить вас, что, если вы не пожелаете отвечать на мои вопросы, это будет дорого вам стоить. За последние сорок пять лет я накопил немало опыта в получении информации от людей, которые не хотели сотрудничать со мной. В конце концов, они рассказывали мне то, что я хотел знать, и арабы и немцы, вот только упрямым приходилось немного помучиться. Он умолк, а потом после недолгой паузы добавил: "Да уж, среди немцев в 1945 и 1946 годах - особенно служивших в SS - были очень упрямые".

По всей видимости, приятное воспоминание побудило его вновь усмехнуться, и я не справился с собой и задрожал всем телом при виде его зловещей усмешки. Я вспомнил жуткие фотографии, которые много лет назад мне показывал один из наших товарищей, бывший армейский разведчик: на них были немецкие пленники с выдавленными глазами, выбитыми зубами, отрезанными пальцами, раздавленными половыми органами, причем все это было учинено садистами - следователями, как правило, в американской военной форме, прежде чем жертвы признавались судом военными преступниками.

Ничего мне так не хотелось, как стереть зловещую усмешку с еврейских губ, но с закованными в наручники руками такой роскоши себе не позволишь. Тогда я решил плюнуть ему в лицо и одновременно ударить по яйцам, но удар пришелся ему по ноге, отчего он лишь немного попятился. Меня тут же схватили негры-ординарцы. Следуя инструкциям Рубина, они устроили мне кровавую, по всем правилам науки, баню. Когда они оставили меня в покое, на мне не было живого места, и я корчился на полу, не в силах даже стонать. Следующие допросы были еще хуже - намного хуже. Так как для меня собирались устроить "открытый процесс" по типу процесса Адольфа Эйхмана, то Рубин не вырвал мне глаза и не отрезал пальцы, дабы не

попортить мою внешность, однако применяемые ко мне методы были не менее болезненными.

(Справка для читателя: Адольф Эйхман был средней руки немецким чиновником во время Второй мировой войны. Через пятнадцать лет после войны, в 39 г. ДНЭ, евреи схватили его в Южной Америке, вывезли в Израиль и сделали центральной фигурой в двухлетней пропагандистской кампании, отлично спланированной для привлечения симпатий всего мира к Израилю, земному раю "гонимых". После адских пыток Эйхмана в течение четырех месяцев (столько длился судебный процесс) демонстрировали в звуконепроницаемой стеклянной клетке, а потом приговорили к смертной казни за "преступления против Евреев".)

Пытки надолго лишали меня разума; и как предсказывал Рубин, я, в конце концов, рассказал ему все, что он хотел знать. Ни один смертный не устоял бы. Во время пыток агенты ФБР, которые постоянно присутствовали в камере, иногда бледнели, а когда Рубин приказал своим Черным подручным засунуть длинный толстый прут мне в задний проход, так что я вопил и извивался, как насаженная на кол свинья, одного из них, похоже, чуть не вырвало, но они ни разу не замолвили за меня ни словечка. Полагаю, так же было после Второй мировой войны, когда американские офицеры немецкого происхождения спокойно наблюдали, как еврейские заплечных дел мастера мучили их братьев по крови, служивших в германской армии, и считали нормальным, если чернокожие солдаты насильничали немецких девушек. Неужели евреи настолько промыли этим американцам мозги, что они возненавидели своих соплеменников? Неужели наши американцы превратились в бесчувственных ублюдков, готовых выполнить любой приказ, пока им платят жалованье?

Несмотря на уникальную компетентность Рубина, я абсолютно убежден, что тактика допросов, принятая Организацией, намного аффективнее той, что принята на вооружение Системой. Мы используем науку, а Система - грубую силу. Хотя Рубин сломил мое сопротивление и получил ответы на свои вопросы, к счастью, он не задал мне много других, более важных вопросов. Когда он закончил со мной, почти через месяц сплошного кошмара, я назвал ему имена почти всех членов Организации, которые знал, назвал места их пребывания, назвал товарищей, участвовавших в тех или иных операциях против Системы. Самым подробным образом я рассказал о подготовке взрыва в штаб-квартире ФБР и о своей роли в нападении на Капитолий. И, конечно же, не скрыл, как члены моей ячейки избежали ареста. Естественно, в связи с этим у Организации были трудности. Но так как руководители могли предвидеть, что политическая полиция узнает от меня, что они сумели свести возможные потери к минимуму. В основном это свелось к спешным перемещениям наших товарищей из нескольких отлично законспирированных квартир. Однако тактика Рубина подразумевала лишь информацию в виде ответов на прямо поставленные вопросы. Так как ему не пришло в голову спросить меня о системе связи, то он и не узнал о ней. Позже мне стало известно, что наши легалы в ФБР докладывали Организации о той информации, которую извлекали из меня во время допросов, так что мы были уверены в надежности нашей связи, осуществляемой по радио.) Ничего Рубин не узнал ни о нашей организации, ни о нашей философии, ни о наших конечных целях, короче говоря, о том, что помогло бы Системе понять нашу стратегию. Ну а Рубин добивался от меня признаний тактического ряда. Мне кажется, причина заключена в очевидной самонадеянности Системы, считавшей ликвидацию нашей Организации делом нескольких недель. Нас рассматривали как важную проблему, но не как смертельную опасность. После того как закончились допросы, меня продержали в здании ФБР еще три недели, очевидно, чтобы я был под рукой и опознал членов Организации, которых вот-вот

арестуют на основании полученной от меня информации. Однако никого не арестовали, и тогда меня перевели в специальную тюрьму в Форт Бельвуар, где содержались примерно двести членов нашей Организации и столько же наших легалов. Правительство опасалось размещать наших товарищей в обычных тюрьмах, чтобы у Организации было меньше шансов освободить нас - и еще, подозреваю, потому, что они боялись, как бы мы не привлекли на свою сторону других Белых уников. Со всей страны свозили в Форт-Бельвуар членов Организации, которых содержали в одиночных камерах в зданиях, окруженных колючей проволокой, танками/вышками с охранниками, вооруженными автоматами, и двумя ротами военной полиции - и все это располагалось посреди армейской базы. Там я провел четырнадцать месяцев. Не знаю, что случилось с планами устроить показательный процесс. Для многих мет ничего тяжелее одиночного заключения, а для меня оно стало благом. Мой разум все еще был в угнетенном ненормальном состоянии отчасти из-за пыток Рубина, отчасти из-за моей вины, приведшей к этим пыткам, отчасти из-за того, что я был заперт и не мог принимать участия в борьбе, но мне нужно было провести некоторое время в одиночестве, чтобы вновь стать самим собой. Ну и, конечно же, приятно было не думать о неграх, которые стали бы для меня настоящим проклятием в любой другой тюрьме.

Ни один человек, не подвергшийся, подобно мне, страданиям и отчаянию, не в силах даже представить, как долго и мучительно приходится избавляться от их последствий. Физически я опять совершенно здоров, и меня уже не терзает странное сочетание уныния и нервного возбуждения, оставшееся у меня после допросов, но все равно я уже не тот человек, каким был. Сейчас я более нетерпеливый, более серьезный (даже мрачный, наверно), более целеустремленный, чем когда бы то ни было. И я больше не боюсь смерти. Во мне не прибавилось безрассудства - совсем нет, но как будто не стало ничего такого, что могло бы напугать меня. Я могу быть более жестким с собой и, если нужно, с другими тоже. Горе нытикам, соглашателям, важным персонам, которые встанут на пути нашей революции, когда я буду рядом! Никакие объяснения не помогут этим себялюбивым коллаборационистам, и они не избегнут моей пули. Все время, что я и мои товарищи находились в Форт-Бельвуар, мы должны были быть отрезаны от внешнего мира и друг друга, нам даже не разрешалось читать, будь то газеты или что-то другое. Тем не менее, вскоре мы научились переговариваться, и у нас появилась "устная газета" не без помощи симпатизировавших нам охранников. Самыми главными для нас тогда были, конечно же, сообщения о войне Организации и Системы. Нас особенно радовали известия об удачных акциях против Системы - очередное "зверство" на языке прессы - и на нас нисходило уныние, если затишье продолжалось дольше нескольких дней.

Время шло, известия об операциях действительно приходили все реже и реже, и пресса с возрастающей уверенностью начала предсказывать скорую ликвидацию остатков Организации и возвращение страны к "нормальному образу жизни". Нас это тревожило, однако тревога смягчалась тем, что все меньше новых узников привозили в Форт-Бельвуар. Когда я появился там, обычно привозили по узнику в день, а к августу прошлого года было уже не больше одного нового узника в неделю. Потом были знаменитые взрывы в Хьюстоне одиннадцатого и двенадцатого сентября 1992 года. В те два очень важных дня прогремело четырнадцать больших взрывов, в результате которых погибли четыре тысячи человек, а от большинства промышленных и судостроительных предприятий остались лишь кучи мусора. Все началось с того, что в предрассветный час одиннадцатого сентября военный корабль с грузом авиационных мин для Израиля взлетел на воздух в Хьюстонском канале. Вместе с ним ушли на дно еще четыре корабля, полностью заблокировав канал и предав огню большой очистительный завод на берегу. В течение часа прогремели еще восемь мощных взрывов, на четыре месяца вышел из строя второй по

грузообороту национальный порт. Еще пять взрывов закрыли Хьюстонский аэропорт, разрушили главную городскую электростанцию, ничего не оставили от двух стратегических эстакад и моста и привели в непригодное состояние две ключевые автострады; Раз-два, и Хьюстон стал районом бедствия, так что правительству пришлось перекинуть сюда тысячи солдат, чтобы держать под контролем взвинченную и запаниковавшую толпу и противостоять Организации.

Хьюстонская акция не прибавила нам сторонников, но и правительству не пошла на пользу. Она развеяла слухи о том, что наша революция задохнулась.

А после Хьюстона были Уилмингтон, потом Провиденс, потом Расин. Акции стали более редкими, чем прежде, зато намного - намного мощнее. Мы поняли, что революция вошла в новую и более решительную фазу. Об этом я еще напишу позже. Прошлой ночью была проведена самая важная для узников Форт-Бельвуар акция. Незадолго до полуночи, как всегда, два зелено-коричневых автобуса остановились перед воротами тюрьмы. Обычно они привозили ночную смену, примерно шестидесяти полицейских и увозили вечернюю смену. На сей раз все было иначе. Первая мысль о налете пришла мне в голову, когда меня разбудила стрельба из автомата с одной из вышек, которая тотчас прекратилась после донесшегося до меня выстрела из 105-мм пушки, установленной на одном из танков. После этого были еще отдельные выстрелы и много криков, а потом топот бегущих людей. Наконец деревянная дверь моей камеры упала внутрь под ударами кувалд, и я оказался на свободе. Мне повезло стать одним из примерно ста пятидесяти заключенных, втиснувшихся в два автобуса военной полиции и покинувших в них тюрьму. Еще несколько дюжин узников выехали на четырех отбитых танках, невнимательные экипажи которых стали первой целью наших освободителей. Остальным пришлось выбираться пешком под ливнем, к счастью, удерживавшим армейские вертолеты на земле. Всего мы потеряли убитыми восемнадцать заключенных и четырех участников освободительной операции, да шестьдесят один заключенный был вновь водворен в тюрьму. Тем не менее, 442 человека - согласно сообщению по радио - добрались до ожидавших снаружи грузовиков, пока танки держали наших преследователей на расстоянии. Но и это еще не все. Достаточно сказать, что к четырем часам утра мы без потерь рассеялись по более чем двум дюжинам заранее подготовленных, надежных квартир в Вашингтонском округе. Проспав несколько часов, я переоделся в обычную рабочую одежду, получил полный набор фальшивых документов, тщательно и заботливо подготовленных для меня, взял газету и сверток с бутербродами и отправился в толпе трудяг на место назначенной мне встречи.

Через две минуты рядом со мной затормозил пикап, в котором сидели мужчина и женщина. Дверца распахнулась, и меня втащили внутрь. Когда Билл въехал в колонну спешащих машин, я опять обнял мою милую Кэтрин.

Глава XIV

24 МАРТА 1993 ГОДА.

Сегодня меня судили по обвинению в нарушении Клятвы - это самое серьезное обвинение, которое только может быть предъявлено члену Ордена. Тяжелое испытание, но ведь я знал, рано или поздно мне его не миновать, и необыкновенно рад, что оно осталось позади, каков бы ни был итог. Все месяцы, что я провел в тюремной камере, у меня из головы не выходил вопрос: неужели, не сумев убить

себя, прежде чем меня схватили, я нарушил Клятву? Сотни раз я перебирал в голове обстоятельства своего ареста и последовавшие за этим события, стараясь убедить себя в том, что мое поведение было безупречным, что не по своей вине я попал в руки моих мучителей живым. Сегодня я изложил все происшедшее товарищам, облеченным властью решить мою судьбу. Вызов пришел сегодня утром по радиосвязи, и я сразу понял, зачем меня вызывают, разве что удивился, узнав адрес, куда мне было приказано явиться: в одно из самых новых и больших административных зданий в деловой части Вашингтона. Когда привлекательная секретарша привела меня в конференц-зал мимо большого количества кабинетов, я чувствовал и страх, и благодарность за то, что мне были дарованы три дня для восстановления сил. Едва я натянул на себя балахон, ожидавший меня на вешалке, как открылась другая дверь, в зал вошли восемь человек в балахонах с капюшонами, и, не говоря ни слова, заняли места вокруг большого стола. Последний из этих восьми человек откинул капюшон, и я узнал знакомые черты майора Уильямса. Вся процедура не заняла много времени и несла на себе оттенок формальности. В течение часа мне задавали разные вопросы, после чего попросили подождать в смежной комнатке. Я ждал около трех часов. Когда обсуждение моего дела, наконец, закончилось, и было принято решение, меня вновь пригласили в конференц-зал. Я встал напротив сидевшего за столом майора Уильямса, который объявил мне вердикт. Звучал он, насколько мне запомнилось, примерно так:

- Эрл Тернер, мы взвесили ваши поступки как члена Ордена, разделив их на две части, и в обеих частях нашли их неправильными. В первую очередь, что касается вашего поведения непосредственно перед полицейским рейдом, во время которого вас схватили, то оно, судя по вашим показаниям, говорит о вашей чудовищной незрелости и очевидном безрассудстве. Ваш неосторожный визит в Джорджтаун - хотя подобный поступок не был особо оговорен и запрещен, но все же не входил в круг ваших обязанностей - непосредственно привел к тому, что вы сами и члены вашей ячейки оказались в большой опасности, не говоря уже дорогостоящем оборудовании, которое потеряла Организация.

Из-за проявленной вами неосмотрительности мы продлеваем вам как члену Ордена испытательный срок до шести месяцев. Время, проведенное вами в заключении, не засчитывается. Поэтому вам не разрешается присутствовать на ритуале Единения, по крайней мере, до марта следующего года. Тем не менее, мы пришли к выводу, что ваш поступок, предшествовавший полицейскому рейду, не является нарушением Клятвы.

Я громко и с облегчением вздохнул, услышав эти слова. Однако после этого Уильямс продолжил куда более мрачным тоном:

- Намного более серьезным является тот факт, что политическая полиция схватила вас живым, и вы оставались живым целый месяц, пока шли допросы. Дав Клятву Ордену, вы посвятили свою жизнь служению Ордену. Долг перед Орденom должен быть выше всего остального, включая сохранение собственной жизни. Вы согласились на это по доброй воле, зная, что, пока продолжается наша борьба, нельзя исключать обстоятельства, в которых приходится жертвовать жизнью, чтобы сохранить верность Клятве. Вас особым образом предостерегали насчет того, что нельзя попадать живым в руки политической полиции, и для этого вам было дано соответствующее средство. И все же вас взяли живым, и вы сохранили жизнь. Информация, полученная от вас, серьезно осложнила работу Организации в нашем регионе и подвергла ваших товарищей смертельной опасности. Мы, естественно, понимаем, что вы не принимали решения нарушить свою Клятву, так как тщательно изучили обстоятельства вашего ареста и прекрасно знаем методы допросов наших

людей, принятые в политической полиции. Будь вы всего лишь солдатом в любой другой армии мира, вам не предъявили бы никаких претензий.

Однако Орден есть Орден. Мы взяли на себя право решать судьбу наших товарищей и, возможно, управлять миром в соответствии с нашими принципами. Если мы достойны этого права, тогда должны быть готовы нести и ответственность, без которой его поможет быть. Каждый день мы принимаем решения и осуществляем акции, в результате которых гибнут Белые люди, многие из которых не виноваты ни в чем таком, за что их следовало бы наказать. Нам приходится лишать жизни этих невинных людей, потому что куда большие беды, а конце концов обрушится на наш народ, если мы окажемся неспособными действовать сейчас. У нас один критерий - будущее благо нашей расы. И этот критерий распространяется и на нас тоже. На самом деле мы должны быть намного строже с самими собой, чем с другими. Мы должны держать планку выше не только в сравнении с нашими согражданами, но и в сравнении с рядовыми членами нашей Организации. В частности, нам не следует мириться с мыслью, рожденной нашим болезненным веком, что объективная причина может быть достаточной для невыполнения своего долга. Никаких причин и объяснений не может быть для нас. Или мы исполняем свой долг, или не исполняем. Если не исполняем, то и причины не важны; мы просто берем на себя ответственность за провал. И если за это нужно понести наказание, то мы принимаем и его: Наказание за нарушение Клятвы - смерть.

В зале было совершенно тихо, разве что у меня звенело в ушах, и пол уходил из-под ног. Я был, как оглушенный, пока Уильямс не заговорил опять, на сей раз несколько смягчив тон:

- Эрл Тернер, долг трибунала ясен. В вашем случае нам следует действовать так, чтобы члены Ордена, в будущем попав в положение, подобное вашему, знали, что смерть неизбежна, если нельзя избежать ареста - или благородная смерть от своей руки, или презренная смерть от рук товарищей. Нельзя, чтобы было искушение не исполнить долг в надежде на "объективную причину", которая может спасти и в настоящем, и в будущем.

Сегодня некоторые из нас были за то, чтобы это соображение - жестокий пример для других - стало единственным фактором, определяющим вашу судьбу, Но другие спорили с ними, потому что на момент ареста вы еще не были полноправным членом Ордена - вы еще не участвовали в ритуале Единения, - и ваше поведение следует мерить другим мериллом, нежели тем, который приложим к человеку, прошедшему испытательный срок и участвовавшему в обряде Единения. Решение далось нам нелегко, так что слушайте и повинуйтесь. Во-первых, вы должны с честью выдержать новый испытательный срок. Потом, через некоторое время, вам будет разрешено пройти через ритуал Единения - но с одним условием, чего мы не практиковали прежде. Условие будет заключаться в том, что вы выполните миссию, для успешного завершения которой вам придется пожертвовать своей жизнью. К сожалению, нам слишком часто приходится принимать на себя нелегкий труд и назначать нашим членам подобные "самоубийственные миссии", если мы не можем найти другой способ добиться поставленной цели. В вашем случае такое решение убивает сразу двух зайцев. Если вы успешно выполните задание, то условность с вашего членства в Ордене будет снята. Тогда, даже погибнув, вы навсегда останетесь жить в нас и наших преемниках, по крайней мере, пока будет жив Орден, в точности так же, как любой другой член Ордена, достигший Единения и расставшийся с жизнью. А если, благодаря удачному стечению обстоятельств, вы останетесь живы, то займете место в наших рядах, и в вашем послужном списке не будет никаких темных пятен. Вы все поняли, что я сказал?

Я кивнул и ответил: "Да, я понял и безоговорочно принимаю ваше решение. Оно справедливо во всех отношениях. Тем более я никогда не думал о сохранении своей жизни в борьбе, которой мы все отдаем без остатка, и я благодарю вас за то, что вы позволяете мне и в будущем внести в нашу борьбу свой вклад. И еще я благодарен вам за то, что вы не отказываете мне в ритуале Единения".

25 МАРТА.

Сегодня приезжал Генри, и у нас с ним и Биллом был долгий разговор. Завтра Генри отправляется на Западное побережье, и перед отъездом он хотел помочь Биллу ввести меня в курс новшеств, появившихся в последний год. Очевидно, что ему придется натаскивать новобранцев и выполнять всякие другие функции в Лос-Анджелесе, где Организация особенно сильна. Здороваясь со мной, он показал Знак, и я понял, что он стал членом Ордена. В сущности, сегодня подтвердилось, то, что я понял еще в тюремной камере: Организация перешла от тактических, персональных задач к стратегическим экономическим. Теперь мы уже не пытаемся разрушить Систему одним прямым ударом, а сконцентрировали свои усилия на пробуждении в народе антипатии к Системе.

Мне уже давно казалось, что такой поворот необходим. Очевидно, две причины привели Революционный Штаб к такому же заключению: то, что мы не можем привлечь достаточно новых членов взамен погибших в изнурительной войне против Системы, и то, что ни наши удары по Системе, ни возрастающие репрессивные меры в ответ на эти удары не производят нужного впечатления на людей и чтобы они поменяли свое отношение к Системе. Первый фактор был крайне важен. Даже если бы нам очень хотелось, мы все равно не могли повышать уровень нашей активности, когда наши потери непрерывно росли. Генри подсчитал, что общее число наших передовых подразделений по всей стране - людей, умеющих и готовых использовать нож, ружье или бомбу против Системы, - уменьшилось прошлым летом до четырехсот человек, которые составили всего лишь четвертую часть от всех членов Организации, и эта диспропорция имеет тенденцию увеличиваться. Итак, Организация была вынуждена временно умерить свою активность, хотя мы сохраняли довольно сильное военное ядро до лучших времен. Наша стратегия борьбы с Системой провалилась. Она провалилась, потому что большинство Белых Американцев реагировало на ситуацию совсем не так, как нам бы этого хотелось. В общем, мы рассчитывали на положительный, подражательный ответ на нашу "пропаганду поступка", но этого не получилось. Мы верили, что, подав пример противостояния деспотичной Системе, поведем за собой и других, Мы верили, что, принародно нападая на высокопоставленных чиновников Системы и ее важные сооружения, сумеем вдохновить Американцев по всей стране действовать так же. А эти ублюдки не желали оторвать зад от своих кресел.

Правда, примерно дюжину синагог все-таки сожгли, и в стране наблюдалось повышение уровня политической активности, однако в целом это не делало погоды. Без организации такие выступления неэффективны, если только они не распространяются по всей стране и не продолжаются довольно долгий период. Реакция Системы на деятельность Организации возмущала многих, даже поднимался ропот, но он был далек от такого, какой мог бы спровоцировать восстание. Мы обнаружили, что тирания не так уж непопулярна среди американцев. Для обыкновенного американца по-настоящему денным является не свобода, не честь, не будущее народа, а его еженедельный чек. Он посетовал, когда Система двадцать

лет назад стала возить его детей в школы для Черных, но ему оставили его вагончик и его быстроходный катерок, и он не стал драться.

Пять лет назад он тоже сетовал, когда у него отобрали оружие, но у него остался цветной телевизор и дворик, где можно жарить мясо, и он не стал драться. Сегодня он жалуется, что негры насилуют его женщин, а Система требует предъявлять удостоверение личности в магазине или прачечной, но у него все еще есть еда, и он не будет драться.

У него в голове нет ни одной мысли, не вбитой туда телевизором. Ему отчаянно хочется быть "приспособленным" и делать, думать, говорить в точности то, что, как он считает, от него ждут. Короче говоря, он стал как раз тем, что Система старалась сотворить из него последние пятьдесят лет: человек - как все; великий пролетарий с прочищенными мозгами стадное животное; истинный демократ таким, к несчастью, является наш средний Белый Американец. Жаль, что он такой, но что есть, то есть. Очевидная отвратительная правда заключается в том, что мы пытались пробудить героический дух идеализм массам, где его больше нет. Его вытравили из 99% наших людей потоком еврейско-материалистической пропаганды, в которой они "тонут" практически всю свою жизнь.

Что же до оставшегося одного процента, то есть разные причины" почему эти люди не идут к нам. Одни, естественно, слишком своенравны, чтобы подчиняться дисциплине в Организации или где бы то ни было еще; они могут существовать только "сами по себе", как многие из них и существуют. У других свои представления, и они не желают их менять, или они не могут найти контакт с нами, так как мы загнаны в подполье. Постепенно многих из этих людей мы сумели бы привлечь в Организацию, но у нас больше не было времени. Что Организация сделала полгода назад, так это в первый раз посмотрела на Американцев реалистично - то есть как на стадо скота. И так как они оказались неспособными отреагировать на идеалистический призыв, мы стали взывать к тем чувствам, которые они понимают, - к страху и голоду. Мы уберем еду с их столов и опустошим их холодильники. Мы лишим Систему ее главной власти над людьми. А когда они оголодают, мы заставим их бояться нас сильнее, нежели они боятся Системы. Мы будем обращаться с ними так, как они того заслуживают. Не понимаю, почему нам потребовалось столько времени, чтобы прийти к этому. Ведь им были известны поучительные примеры продолжавшейся десятилетиями партизанской войны в Африке, Азии и Латинской Америке. Во всех случаях партизаны одерживали победу, принуждая народ не любить, а бояться их.

Они принародно замучивали до смерти противостоявших им деревенских вождей и безжалостно истребляли целые деревни, отказывавшиеся их кормить, и тем самым наводили такой страх на соседние деревни, что там им ни в чем не отказывали.

Мы, Американцы, знали обо всем этом, однако не оценили данные нам уроки. Рассматривая - и правильно - всех не-Белых как стадо скота, мы не удивлялись, что они вели себя соответствующим образом. Однако о себе подобных - и неправильно - мы думали лучше. Было время, когда мы были лучше - и мы боремся, чтобы такое время наступило опять, однако теперь мы всего лишь стадо, которым манипулирует, воздействуя на самые низменные инстинкты, кучка умных чужаков. Нас опустили так низко, что мы уже не ненавидим наших притеснителей и не пытаемся бороться с ними; мы попросту боимся их и стараемся завоевать их расположение.

Так оно и есть. Нам еще предстоит немало помучиться из-за того, что мы позволили себе поддаться еврейским чарам. Итак, перестав бесполезно расходовать свои ресурсы в мало масштабных устрашающих акциях, мы обратились к широкомасштабным операциям и стали тщательно подбирать объекты: электростанции, склады с горючими материалами, транспорту источники продовольствия, ключевые индустриальные предприятия. У нас и в мыслях нет, что нам удастся немедленно разрушить поскрипывающую американскую экономическую систему, однако, мы рассчитываем на локальные и временные трудности, которые постепенно растормошат нацию. Уже довольно большое число людей поняло, что им не позволят сидеть в тепле и безопасности и смотреть на войну по телевизору. В Хьюстоне, например, в сентябре сотни тысяч жителей почти на две недели остались без электричества. Продукты в их холодильниках и морозильниках быстро испортились, в супермаркетах - тоже. Голодные хьюстонцы подняли два заметных мятежа, пока Армия не открыла достаточно пунктов, чтобы обеспечить всех едой. В первый раз федеральные войска застрелили двадцать шесть человек из толпы, штурмовавшей правительственный продуктовый склад, а потом Организация пустила слух, будто распределяемые продукты заражены ботулизмом, и спровоцировала, таким образом, второй мятеж. Хьюстон до сих пор не вернулся к нормальной жизни, и в большей части города в разное время суток на шесть часов прекращается подача электроэнергии. В Уилмингтоне мы полгорода посадили на пособие, взорвав два больших завода Дюпона. И это мы оставили половину Новой Англии без света, когда разрушили электростанцию под Провиденсом. В Расине нашей целью был небольшой электронный заводик, единственный поставщик какого-то важного компонента для других предприятий электронной промышленности по всей стране. Обратив его в дым, мы остановили еще двадцать заводов. Эти акции не сокрушили Систему, но, если мы будем продолжать в том же духе, когда-нибудь сокрушат. В этом нас убедила реакция населения. Естественно, эту реакцию нельзя рассматривать как доброжелательную по отношению к нам. В Хьюстоне толпа захватила в полицейском участке двух заключенных - их заподозрили в участии в одной из акций и арестовали, чтобы допросить, и буквально разорвала их на куски. К счастью, это не были наши товарищи - просто два несчастных, случайно попавших под руку. Консерваторы, конечно же, закричали-завопили вдвое громче, мол, мы не даем правительству возможности укреплять благосостояние народа, "провоцируя" со своими насильственными действиями. Под "укреплением благосостояния" консерваторы имели в виду стабилизацию экономики и еще один раунд уступок неграм, чтобы опять вернуться к обществу потребления в много-расовом комфорте. Однако мы уже давно научились не обращать внимания на врагов и слушать только друзей. Теперь друзей становится все больше. Генри сказал, что с лета членов Организации стало вдвое больше. Очевидно, новая стратегия посбивала зрителей с их мест на ту или другую сторону. Думаящим людям становится ясно, что эта война не обойдет их стороной. С нашей помощью они оказываются на передовой линии и должны выбрать, с кем они, должны участвовать в борьбе, нравится им это или нет.

глава XV

28 МАРТА 1993 ГОДА.

Наконец-то я полностью в курсе дела. В субботу и воскресенье Кэтрин ответила на мои многочисленные вопросы и посвятила в подробности, в первую очередь, насчет местных событий, о которых я ничего не узнал от Генри в пятницу. Пока я был в заключении, работа над оборудованием, необходимым для связи, естественно, продолжалась, и теперь в нашем районе есть еще два высококвалифицированных

товарища, занятых этой задачей. Тем не менее, мне тоже работы хватало. Билл - отличный механик и оружейный мастер, но мало что смыслит в снарядах, ибо для этого нужны знания химии и электроники. Он дал мне длинный список требуемых особых устройств, который пришел в ячейку, когда я был в тюрьме, и который ему пришлось отложить до лучших времен. Прошлой ночью мы внимательно изучили список и отметили устройства, в первую очередь необходимые для текущих нужд Организации. Тогда же я составил список инструментов и оборудования, необходимых мне для работы. В списке Билла первое место занимали детонаторы, управляемые по радио, пролонгированного действия и воспламенители. С ними Организация много импровизировала, но получала большой процент осечек. Нам требовались детонаторы пролонгированного действия, которые могли бы быть установлены на несколько минут и на сутки, а то и дольше, и которые были бы стопроцентно надежными в работе. Организации также требовались замаскированные бомбы и зажигательные устройства. Сейчас почти невозможно пройти в правительственное учреждение или средство массовой информации, чтобы тебя не пропустили через металлоискатель; тогда как вся почта обязательно просвечивается рентгеновскими лучами. Над этим надо было всерьез поразмышлять, но у меня уже появилась пара идей, Кроме того, был собственный проект Билла, для которого ему требовалась техническая помощь. Речь шла об изготовлении фальшивых денег! Билл сказал, что Организацией на Западном побережье уже печатались фальшивые деньги, и в большом количестве, и теперь руководство хотело, чтобы он наладил такое же производство у нас. Тогда-то я понял, почему за последний год Организация так укрепилась с экономической точки зрения! На самом деле, с тех пор как начались широкомасштабные акции, мы стали разрабатывать новые финансовые источники - я полагал, что жирные коты покупали "страховку", но наверняка мы все еще находим необходимым печатать какое-то количество денег. Какой бы гений ни занимался печатанием фальшивок на Западном побережье, операция была тщательно разработана, и Билл показал мне подробную инструкцию. Автор, наверно, работал на разведку или в Управлении по печати. Он и вправду знал свое дело.

(Справка для читателя. "Бюро по печати" суть правительственное агентство, снабжавшее бумажными деньгами Соединенные Штаты. Разведка же, помимо прочего, занималась еще и отлавливанием фальшивых денег. Как известно, в дальнейшем фальшивые деньги использовались Организацией не только для поддержания ячеек, но также для развала экономики страны. В последние дни Великой Революции Организация выбрасывала на рынок такое огромное количество фальшивых денег, что правительство в отчаянии отменило все бумажные деньги, потребовав, чтобы во всех случаях оплата производилась монетами или чеками. Это сыграло разрушительную роль в отношении морального состояния общества, и стало одним из факторов, определивших конечную победу Революции.)

Билл уже сделал почти все; у него действительно отличная типография. Но у него проблема со свечением. В инструкции сказано, какие химикаты добавлять в чернила, но не сказано, где их брать. К тому же он не совсем уверен в том, что правильно проводит ультрафиолетовый анализ готовой продукции. Что ж, с этим мы справимся. Место, где мы теперь жили и работали, было совершенно непохоже на прежнее. До этого мы старались быть как можно незаметнее, а теперь живем на виду. В окне типографии горит неоновая вывеска, а адрес напечатан в "желтом справочнике". Днем мы открыты для всех желающих, и клиентами, сидя за конторкой, занимается Кэрл. Однако Билл непомерно завысил цены и заказов у нас ровно столько, чтобы не вызывать подозрений. Настоящая же работа начинается позже, обычно в подвале, где у нас мастерская. Вся наша четверка живет над конторкой, как прежде над магазином, но только теперь окна у нас не закрыты

ставнями. И свой пикап Билл паркует прямо на улице перед домом. Для всех в округе мы представляем собой две молодые пары, связанные типографским бизнесом.

Фокус был в том, чтобы занять документы, которые прошли бы проверку, но наши товарищи уже здорово наловчились изготавливать безупречные фальшивки. У всех четверых есть карточки социального страхования, а у двоих - водительские удостоверения. И карточки, и удостоверения идеальные (мне пришлось выслушать несколько неприятных историй, как Организация добывала их), так что мы можем открывать счета в банке, платить налоги и делать все остальное, что положено делать обычному гражданину. Мне лишь надо запомнить, что теперь меня зовут - футы! - Дэвид Д. Блум. Надо мной все время подшучивают из-за этого. К счастью, фотография на водительских правах не очень четкая, разве что приходится красить волосы. У Организации не было выбора - пришлось выправлять документы всем подпольщикам. Без документов в нашей стране стало невозможно жить. Нельзя купить продукты, нельзя даже проехать в автобусе, не показав водительское удостоверение или удостоверение личности, недавно введенное Правительством.

В большинстве случаев пока еще есть возможность провести Систему, однако через несколько месяцев, когда все будет компьютеризировано, обман мгновенно раскроется. Поэтому Организация решила не тянуть и снабдила нас настоящими документами, хотя они делаются не быстро и не легко. Несколько специально подобранных ячеек выполняют эту задачу хладнокровно и жестоко, однако потребность в настоящих намного превышает их поступление. Но и Система стала еще более жестокой в своей борьбе с нами. Много наших товарищей - примерно пятьдесят человек по всей стране было убито профессиональными киллерами за последние четыре месяца. Трудно сказать точно, потому что несколько человек из тех, кого мы считаем убитыми, попросту исчезли, и их тела не были найдены. Когда поначалу наши товарищи стали исчезать или их находили в реке со связанными за спиной руками и шестью-семью дырками в голове, среди членов Организации было распространено мнение, что эти убийства суть внутреннее дело самой Организации. И вправду был такой не лучший период, когда мы теряли больше наших товарищей вследствие наказаний за их просчеты, чем по каким-либо иным причинам. Тогда моральное состояние членов Организации было очень низким, и пришлось использовать экстремальные меры, чтобы дрогнувшие вновь обрели мужество и остались верны Организации. Когда же к этой картине прибавилось нечто новое. Революционный Штаб немедленно узнал об этом, а вскоре узнали и все остальные. Благодаря нашим контактам внутри полиции, нам стало известно, что наших товарищей убивают две группы киллеров: специальная израильская команда убийц и "мафиози" по договору с правительством Израиля. Когда было очевидно участие этих людей в преступлении, ФБР приказывало американской полиции держаться подальше.

(Справка для читателей; Мафия - это криминальное объединение, в основном итальянцев и сицилийцев, которым обычно руководили Е и которое процветало в Соединенных Штатах восемь десятилетий до Великой Революции. В этот период правительство неохотно, но предпринимало несколько попыток уничтожить Мафию, однако тогдашний дикий капитализм создавал идеальные условия для организованной широкомасштабной преступности и сопутствующей ей коррупции в политических сферах. Мафия существовала до тех пор, пока все ее члены - более 8 000 человек - не были схвачены и уничтожены во время одной крупной операции, предпринятой Организацией в период зачисток сразу после Революции.)

Все жертвы были из наших "легалов". Очевидно, что имена людей, подозреваемых в членстве в нашей Организации, но пока еще не арестованных, кто-то из ФБР передает кому-то в израильском посольстве, откуда их получают киллеры. Мы провели несколько акций возмездия - в частности, в Новом Орлеане. Через полтора месяца после того, как двое наших "нелегалов" - один из них был известным адвокатом - были убиты, судя по почерку, "мафиози", мы взорвали ночной клуб, служивший местом встреч местной Мафии. Когда в день рождения одного из "теневых боссов" пожар охватил здание, и боссы выбежали на улицу, их встретил беспощадный огонь пулеметов, установленных на крышах домов напротив двух выходов из клуба. В ту ночь было убито больше четырехсот человек, включая примерно шестьдесят членов Мафии. Однако с этой угрозой не покончено, и она жестоко уродует моральный облик наших товарищей, которые постоянно чувствуют ее - то есть тех, кто, сохранив положение законопослушных граждан и действуя под своими именами, не может укрыться от нее, как мы, в подполье. Однако очевидно, что очень скоро мы направим свой удар на источник этой угрозы.

2 АПРЕЛЯ.

Проблема с оборудованием решена - по крайней мере, на время. Пришлось совершить еще один налет, что мне совсем не по душе. На сей раз я нервничал гораздо меньше, чем во время нашего первого с Генри налета (кажется, полжизни прошло с тех пор), но все равно мне было неприятно. Мы с Биллом разделили список необходимых вещей на три части в зависимости от того, где их брать. Примерно две трети всего - химические вещества - невозможно было просто купить, следовательно, их надо было доставать на складе. Кроме того, мне требовалось, по крайней мере, сто наручных часов для таймеров, но они стоили бы нам слишком дорого, если бы мы отправились за ними в магазин. И, наконец, было еще определенное количество электронных и электрических компонентов, несколько железок и вполне доступных химикатов, которые возможно было купить без особых проблем и по сносным ценам.

Большую часть вторника и среды я как раз подбирал последнюю категорию. Проблема с химическими веществами тоже разрешилась в среду. Это оказалось нелегко, так как поставщики химикатов в лаборатории и на предприятия теперь обязаны сообщать обо всех новых клиентах в политическую полицию; и поставщики взрывчатых веществ тоже. Мне удалось этого избежать. Запросив ВПШ, я узнал, что один из наших "легалов" в Силвер-Спрингс держит небольшой магазин электроники и может заказать все, что мне нужно, у своего поставщика. В понедельник я заберу у него мой товар. Теперь часы! Я в точности знал, что мне нужно, и хотел купить одинаковые часы, чтобы стандартизировать таймеры для простоты сборки и четкости в работе, Итак, вчера мы с Кэтрин ограбили склад в северо-восточном районе и добыли двести часов.

Нам потребовалось два дня телефонных переговоров, чтобы отыскать нужные часы. Потом из Филадельфии часы переслали на вашингтонский склад.

Служащему в Вашингтоне я сказал, что часы нужны очень срочно, и я пришлю за ними человека с чеком на 12000\$. ответил, что они будут ждать в конторе. И они ждали. Я думал, что со мной поедет Билл, но я всю неделю был привязан к типографии. Зато Кэтрин очень хотелось помочь мне. В этой девушке есть что-то необузданное, хотя по ее виду никогда этого не скажешь. Первым делом Кэтрин

занялась гримом, чтобы я стал похож на "Давида Блума" и она тоже - на "свою" фотографию. Грим за гримом, грим за гримом- я уже почти забыл, кто такой Эрл Тернер и как он выглядит!

Потом нам надо было угнать машину; Это заняло всего несколько минут, так как мы действовали уже привычным образом; паркуем пикап на стоянке большого торгового центра, идем на другую сторону, находим незапертый автомобиль и садимся в него. У меня были при себе кусачки, чтобы освободить провода, а уж найти нужные, и соединить их было делом нескольких секунд. Я рассчитывал, что на складе обойдется без насилия, но так не получилось. Представившись менеджеру, мы попросили принести наши часы. Он напомнил о чеке. "Чек при мне, - сказал я. - Вы получите его, как только я удостоверюсь, что часы именно такие, какие были заказаны".

Согласно предварительному плану, я беру часы и тотчас исчезаю за дверью, оставляя менеджера кричать, что ему вздумается. Но когда он вернулся с часами, с ним пришли два крепких парня, причем один из них встал между нами и дверью. Они сами себя обрекли. Открыв пакет и проверив его содержимое, я вынул из кармана пистолет. Кэтрин тоже взяла свой в руки и помахала им парню, чтобы он ушел с дороги. Однако, когда она толкнула дверь, та не поддалась. Кэтрин наставила пистолет на парня, и тот быстро проговорил:

"Надо нажать на кнопку, чтобы она открылась".

Тогда я подошел к менеджеру и рявкнул: "Или открывай дверь, или я заплачу тебе за часы горячим свинцом!" Но он проворно выскочил в дверь, что вела из конторы в складские помещения, и захлопнул тяжелую железную дверь, прежде чем я дотянулся до него. В конторе оставалась еще девушка, ей я приказал открыть дверь. Но она даже не пошевелилась и сидела за столом окаменевшая, словно статуя, с открытым от ужаса ртом. Потихоньку впадая в отчаяние, я решил стрелять в замок. Потребовалось четыре выстрела, чтобы дверь открылась, и отчасти я сам виноват, потому что очень перенервничал. Мы побежали к машине, но менеджер опередил нас. Ублюдок хотел проткнуть нам шины. Я ударил его пистолетом по голове, и он упал на гравий. К счастью, только из одной шины вышло немного воздуха, и автомобиль был управляем. Мы с Кэтрин не стали терять даром время и постарались поскорее убраться отсюда. Ну и жизнь.

Только сегодня вечером, когда я собрал и проверил первый таймер, я убедился, что понравившиеся мне часы стоили наших с Кэтрин трудов. Новый таймер работает идеально; он ни разу не дал осечку, и теперь я уверен, что процент неудач сведется к нулю. Наладил я и ультрафиолетовую проверку банкнот для Билла, так что он готов печатать первые зелененькие, как только в понедельник доставят нужные химикаты. Его деньги не будут идеальными, но близкими к идеалу будут обязательно. По крайней мере, они пройдут все стандартные проверки, принятые в банках. Определить, что они фальшивые, можно будет только в лаборатории. Еще я спроектировал три взрывных устройства, которые могут проходить проверку рентгеном, не вызывая подозрений. Одно можно поместить в ручку зонтика - батарейки, таймер и все прочее. Тогда стержень заполняется термитом, если надо что-то поджечь, а ручка служит детонатором. Другой таймер-детонатор помещается в карманный транзисторный приемник (этот можно взорвать также с помощью радиосигнала), а третье взрывное устройство- наручные часы на батарейках с детонатором, вмонтированным в браслет. Естественно, взрывчатые материалы надо приносить и прятать отдельно, но это нетрудно, если использовать гипс в форме какого-нибудь привычного предмета, покрашенного в соответствующий цвет.

глава XVI

10 АПРЕЛЯ 1993 ГОДА.

В первый раз на этой неделе у меня есть немного свободного времени, и можно чуть-чуть расслабиться. Сейчас я в чикагском мотеле и мне совершенно нечего делать до завтрашнего утра, на которое у меня запланирована экскурсия на "Иванстон Пауэр Проджект". Я здесь с пятницы, со второй половины дня, и у меня две цели: осмотреть "Иванстон" и передать фальшивые деньги одной из наших чикагских ячеек.

Билл запустил печатный станок в понедельник вечером, как только мы получили необходимые ингредиенты для чернил, и не останавливал его до раннего утра пятницы, всего пару раз смененный Кэрл ради нескольких часов сна. Только используя всю имеющуюся в его распоряжении бумагу, он выключил станок. Мы с Кэтрин помогли ему тем, что резали бумагу и поддерживали рулоны с обеих сторон. От этой работы мы устали до смерти, но Организация срочно требовала денег.

Теперь они есть! Мне и во сне не снилось столько денег. Билл напечатал больше десяти миллионов долларов в десяти- и двадцатидолларовых купюрах - тонна новеньких хрустящих банкнот. Выглядели они что надо. Я сравнил десятидолларовую банкноту Билла с новенькой настоящей десяткой и не заметил никакой разницы, кроме серийных номеров. Билл - настоящий мастер своего дела. У него на каждой банкноте свой серийный номер. Этот проект наглядно демонстрирует, чего можно добиться, если все тщательно спланировать, действовать самоотверженно и много трудиться. Вот и Биллу понадобились полгода на подготовительную работу еще до того, как появился я и помог ему с химикатами и ультрафиолетом. У него все было проверено-перепроверено, прежде чем он включился в свою трех с половиной дневную гонку. Пятьдесят тысяч долларов новенькими двадцатками я привез с собой и вчера передал чикагскому товарищу. Его ячейка "отмывает" фальшивки, чтобы такая же сумма чистых денег попала в распоряжение членов Организации в этом регионе. Это требует большей ловкости и куда больше времени, чем их изготовление. В то время как я летел сюда, Кэтрин направлялась в Бостон с 800 000\$ в своем багаже. На этой же неделе мы должны доставить наши деньги в Даллас и Атланту. В аэропорту каждый раз нервничаешь, проходя с опасным грузом проверку, но пока нет ничего, кроме рентгена, можно не бояться. Сейчас как будто особое внимание уделяется взрывчатым веществам. Но что будет, когда наши деньги разлетятся по всей стране?

Пока я летел из Вашингтона, у меня было время кое-что обдумать. Находясь на высоте в 35 000 футов, по-другому смотришь на вещи. Глядя на бескрайние поля, на дороги, на фабрики внизу, начинаешь осознавать, как велика Америка и за какое страшно трудное дело мы взялись. В сущности, наша программа стратегического саботажа ускоряет естественное падение Америки. Мы сносим изъеденные термитами опоры экономики, чтобы вся система рухнула на несколько лет раньше и более трагически, нежели, без нашего вмешательства. Ужасно сознавать, сколь малое влияние оказывают приносимые нами жертвы на естественный ход вещей. Например, наши фальшивки. Нам надо печатать и распространять за год по крайней мере в тысячу раз больше банкнот, чем Билл напечатал на прошлой неделе - как минимум десять триллионов долларов в год - прежде чем национальная экономика что-то почувствует. Американцы тратят в три раза больше только на сигареты. Конечно же, у нас есть два станка на Западном побережье, и мы собираемся установить еще в ближайшем будущем. А если я найду способ вывести из строя

"Иванстон Проджект", то одним ударом нанесу убыток примерно в десять триллионов долларов - не считая удар по экономике из-за отсутствия электрической энергии на всех промышленных предприятиях в районе Великих Озер. Но мы делаем кое-что еще, и более важное, чем борьба с Системой. На длинной дистанции это несравнимо важнее. Мы куем ядро нового общества, новой цивилизации, которая восстанет из пепла прежней. В основе нашей новой цивилизации будет совершенно другое мировоззрение, и поэтому мы сможем прийти к ней революционным путем. Другого пути нет у общества, которое основывается на Арийских ценностях и Арийском мировоззрении, оно не может мирно заменить общество, ставшее жертвой еврейской духовной развращенности.

Итак, без борьбы не обойтись, даже если оставить в стороне тот факт, что это не наш выбор, что мы были втянуты в нее Системой. Рассматривая события последних двух лет и семи месяцев с этой точки зрения, то есть, имея в виду нашу конструктивную задачу закладывания ядра будущего общества, а не разрушительную войну против Системы, я решил, что наша изначальная стратегия, когда мы наносили удары по лидерам Системы, а не по ее экономике, вовсе не была такой уж плохой для начала, как я стал было думать.

С самого начала это определило характер борьбы как мы VS Система, а не мы VS экономика. Система ответила репрессивными мерами, чтобы защитить себя от наших нападков и таким образом до определенной степени отделила себя от народа. Когда мы были сосредоточены на убийстве конгрессменов, федеральные судьи, агенты тайной полиции, журналисты, обычные люди не чувствовали себя в особой опасности, однако их раздражали меры, которые принимала Система, чтобы защитить себя.

Если бы мы с самого начала стали наносить удары по экономике, Системе ничего не стоило бы обозначить войну как мы VS народ, и журналистам было бы легче убедить народ в необходимости сотрудничать с Системой перед лицом общей опасности, то есть против нас. Выходит, наша первоначальная ошибочная стратегия счастливо сказалась на сегодняшнем притоке новых членов, когда мы делаем все, чтобы жизнь народа стала хуже некуда. И не только Организация стала численно больше в последнее время. Орден тоже за последние сорок восемь из шестидесяти восьми лет своего существования беспрецедентно увеличил число новых членов. Когда я встретился вчера с нашим чикагским товарищем, я подал ему тайный Знак (теперь я всегда так делаю, когда встречаюсь с незнакомыми мне членами Организации) и был приятно удивлен, когда он ответил мне тем же. Он пригласил меня на официальную церемонию приема новых членов на испытательный срок, которая состоялась вчера вечером. Я с радостью принял приглашение и с удивлением насчитал шестьдесят человек, которые присутствовали там, и примерно треть составляли новички. Это в три раза больше общего числа членов Ордена в Вашингтоне. Церемония тронула меня почти так же, как мое собственное вступление в Орден полтора года назад.

14 АПРЕЛЯ.

Проблемы, проблемы, проблемы! Все идет вкривь и вкось с тех пор, как я вернулся из Чикаго. Билл никак не может найти такую бумагу, какую он использовал, и попросил меня что-нибудь придумать. Мы попытались изменить цвет бумаги той же текстуры, что прежняя, но результат оказался неудачным. Придется

Биллу продолжить поиски, а я тем временем продолжу свои опыты. Вчера к нам заявила делегация из местного Совета Гуманитарных Связей. В контору пришли четыре негра и один большой-большой-большой Белый, все с повязками Совета на рукавах. Им понадобилось повесить в витрине большой плакат - того же типа, что теперь можно видеть повсюду, то есть призывающий американцев "помочь в борьбе с расизмом" и сообщать о подозрительных личностях политической полиции, - а также поставить у нас небольшой ящик для пожертвований. В это время в конторе была Кэрол которая, и отослала их к черту. По правде говоря в наших обстоятельствах этого делать не стоило, ведь им ничего не стоило застучать на меня политической полиции, если бы я не услышал, что происходит, и не вмешался. Я поднялся из подвала с, надеюсь, убедительным еврейским выражением на лице и с вопросом: "Что это тут уже происходит?" С акцентом я постарался, но все же вроде бы не перестарался - я подал им нужный знак, и делегаты Совета его опознали: менеджер типографии принадлежит к национальному меньшинству, к весьма специфическому национальному меньшинству, и вряд ли его можно заподозрить в ненависти к Совету Гуманитарных Связей или их собственным, семи одобренным действиям. Главный ниггер принялся с раздражением жаловаться на грубость Кэрол. Остановив его нетерпеливым взмахом руки, я с притворным ужасом уставился на Кэрол. "Конечно, конечно, - сказал я, - оставляйте тут свой ящик. Вы делаете благое дело. Но для плаката у нас не хватит места. Я даже кузену Эйбу не советовал вешать тут плакат с Обращением Объединенных Евреев. Пойдемте! Я покажу вам. И я с полным правом повел делегатов к двери, приказав Кэрол возвращаться к работе, наилучшим образом сымитировав Симона Легри. "Да, мистер Блум", - покорно произнесла она. Выйдя на улицу, я преодолел отвращение и, изображая общительность, обнял за плечи возмущавшегося негра, после чего направил его внимание на витрины другой стороны улицы. "Мы имеем немного клиентов, - объяснил я. - А у моего дорогого друга Солли Фейнштейна двери не закрываются" И у него Большая витрина. Он будет счастлив повесить у себя ваш плакат. Вы можете повесить его прямо под вывеской "Ломбард Сола", и он будет у всех на виду. И не забудьте оставить там ящик - два ящика; у него много клиентов". Делегатам как будто понравилось мое дружеское предложение" и они было двинулись через дорогу.

Однако несчастного вида Белый, весь в угрях и с манерами негра, засомневался, повернулся ко мне и сказал: "Может, нам записать фамилию девушки? Она говорила с нами как настоящая расистка". "Не тратьте на нее время. - отмахнулся я от его подозрений. - Она же настоящая шикса. Со всеми так разговаривает. Надо от нее избавляться". Когда я вернулся, Билл, который все слышал, потому что стоял на лестнице в подвал, и Кэрол заходились в конвульсивном смехе. "На самом деле это вовсе не смешно, - заявил я, изображая строгость. - Мне пришлось импровизировать на ходу, и если бы мой вид и акцент не обманули этих недоносков, у нас были бы большие неприятности". Потом я прочитал нотацию Кэрол: "Мы не можем позволить себе роскошь говорить всем получеловекам, что думаем о них. На первом месте должна быть работа, а уж потом мы раз и навсегда покрываемся с ними. Так что надо забыть о гордости и играть свою роль, сколько понадобится. Только те, на ком нет бремени нашей ответственности, могут позволить себе вызывать подозрения как расисты - и я желаю им много сил".

Однако мне не удалось скрыть улыбку, когда я увидел в витрине ломбарда через дорогу закрывший почти все старые фотоаппараты и бинокли плакат. Солу - то уж, верно, пришлось прикусить язык! Теперь все, кто проходит мимо и видит этот плакат, сделают правильные выводы насчет Совета и насчет тех, кто стоит за этим, призывая ко всеобщему доносителству. Последней неприятностью стало вчерашнее возвращение Кэтрин, заболевшей гриппом. Сегодня утром ей предстояло везти

деньги в Даллас, но она совсем не держалась на ногах, и, похоже, ей придется провести в постели несколько дней. Это значит, что помимо завтрашней поездки в Атланту, на мне теперь и Даллас тоже. Целый день в самолетах и аэропортах, а мне отчаянно не хватает времени на "Иванстон".

У нас есть идея ударить по новому ядерному комплексу в Иванстоне не позже, чем через шесть недель, пока туда еще водят туристов. После первого июня, когда его закроют для посетителей, будет намного труднее что-нибудь сделать. "Иванстон Пауэр Проджект" - нечто грандиозное: четыре больших ядерных реактора и самые большие турбины и генераторы в мире. Все это сооружение стоит на цементных сваях, вбитых на милю вглубь озера Мичиган, снабжающего реакторы холодной водой. Электростанция дает 18 000 мегаватт электрической энергии - почти 20 триллионов ватт! Потрясающе!

Энергией, полученной здесь, снабжается весь регион Великих Озер. До того, как два месяца назад была запущена эта электростанция, во всем Среднем Западе был жестокий энергетический голод намного хуже, чем у нас, хотя у нас сейчас тоже не ахти. В некоторых местах предприятия работали всего два дня в неделю, да еще было так много незапланированных отключений энергии, что регион был на грани реального экономического кризиса.

Если нам удастся вывести из строя новую электростанцию, положение в регионе станет еще тяжелее, чем было прежде. Чтобы освещать Чикаго и Милуоки, властям придется воровать энергию у Детройта и Минеаполиса, у которых тоже нет лишней. Этой части страны будет нанесен ощутимый удар. Десять лет понадобилось, чтобы построить Иванстон Пауэр Проджект", так что исправить положение в скором времени не получится. Однако правительство тоже подумало о последствиях потери "Иванстои Пауэр Проджект", и восстанавливают комплекс на совесть. Приблизиться к нему можно только на лодке или на вертолете. Но и здесь включены прожекторы, шныряют катеры, кругом бакены с сетями из кабелей между ними, из-за которых водный путь можно даже не рассматривать. На суше в обе стороны все огорожено, и внутри расположены военные радары и установки противовоздушной обороны, так что взорвать вертолет над электростанцией тоже маловероятно. Мне кажется, что достичь цели можно только старым испытанным способом: протащить тяжелые минометы за ограждения где-нибудь поближе к берегу. Однако, насколько мне известно, в настоящее время у нас их нет. Кстати, жизненно важные центры электростанции расположены в таких массивных зданиях, что вряд ли минометы с ними справились бы. Итак, Революционный Штаб попросил меня съездить на место и придумать что-нибудь неординарное, я это сделал, но остается еще несколько проблемных моментов.

Во время поездки туда в понедельник мне пришло в голову неплохое соображение о сильных и слабых сторонах охраны объекта. Некоторые из слабых сторон поистине удивляют. И самое удивительное то, что правительство разрешает туристические экскурсии, пусть даже временно. Уверен, что причина этого - шумиха, поднятая сумасшедшими борцами против атомной электростанции. Правительству во что бы то ни стало надо доказать общественности, что приняты все меры безопасности. Когда я записался на экскурсию, то нарочно прихватил с собой невестку что, желая посмотреть, как будет реагировать охрана. У меня были с собой портфель-атташе, фотоаппарат, зонтик, да и в карманы я напихал монеты, ключи и авторучки. На пароме, доставляющем туристов на место, проверка весьма поверхностная. Меня всего лишь попросили открыть портфель и бегло его осмотрели. Когда же мы прибыли на место, у меня забрали портфель, фотоаппарат и зонтик. Потом пришлось пройти через металлоискатель и вынуть все из карманов.

После проверки мне все вернули, ничего внимательно не осмотрев. Что ж, значит, карандаш-взрыватель пронести можно. Но по-настоящему меня заинтересовал один старый господин в нашей группе, у которого не отобрали и даже не осмотрели трость с металлическим набалдашником. Короче говоря, идея такая: поскольку один человек не может пронести достаточно взрывчатки и не может даже эффективно разместить хотя бы малое количество, придется забыть о взрыве. Вместо этого надо сделать весь комплекс радиоактивным, чтобы люди не могли тут работать.

Это не пустая фантазия, так как Организация имеет доступ к радиоактивным материалам. Один из наших легалов - профессор химии во Флоридском университете, и в своей научной деятельности он пользуется такими материалами. Поместив, сколько нужно, этих опасных веществ - например, с годовым периодом полураспада - в трость или костыль, не забыв, естественно, о взрывателе, мы сделаем весь комплекс "Ивамстон Пауэр Проджект" необитаемым. Ничего не будет повреждено, но его все равно придется закрыть. Дезактивация - дело такое трудное и дорогое, что с электростанцией, возможно, будет покончено навсегда. К несчастью, из такой операции живым не выйдешь. Тот, кто возьмется пронести радиоактивное вещество внутрь, сам получит смертельную дозу. Нет никакого способа защититься. Единственное препятствие - датчики радиации, которые есть на всей территории комплекса. Если один из них учует радиоактивное вещество, прежде чем наш товарищ сделает свое дело, операция может быть провалена.

Однако я не заметил датчиков у входа, где охранники осматривают туристов, прежде чем пропустить их внутрь. В огромной зале, где находится генератор, и куда водят туристов, несколько таких датчиков рядом с дверью, в которую туристы выходят - очевидно, чтобы перехватить туриста, который захочет украсть немного радиоактивного топлива и вынести его наружу. Но, кажется, никому в голову не пришло, что кому-то захочется пронести внутрь такое вещество.

Я как будто хорошо запомнил, где находятся датчики, но все же надо посоветоваться с товарищем во Флориде, на каком расстоянии они могут сработать. Если сигнал тревоги сработает, когда наш человек будет внутри, но не рядом с генератором, ему надо будет бежать в машинный зал. Однако все надо тщательно продумать и спланировать, чтобы шансы были максимальные.

План в целом получается устрашающим, но у него есть одно преимущество - психологическое воздействие на людей. Многие становятся едва ли не суеверными из-за ужаса перед радиацией. Вот уж будет праздник для анти-атомного лобби. Такая акция гораздо сильнее подействует на воображение людей, чем уже привычный взрыв или пушечная атака. Многие ужаснутся - и не смогут жить по-старому. Должен признаться, что я рад своему одиннадцатимесячному испытательному сроку, благодаря которому меня не попросят добровольно принять участие именно в этой миссии.

глава XVII

20 АПРЕЛЯ 1993 ГОДА.

Сегодня прекрасный день, когда можно отдохнуть и ни о чем не думать после, целой недели напряженной работы. Мы с Кэтрин с утра пораньше поехали на машине в горы, и целый день провели, гуляя по лесу. Было прохладно, солнечно, тихо. После ланча мы любили друг друга на маленькой полянке под открытым небом.

О чем только мы ни говорили - счастливые и беззаботные. Единственное, что расстраивало Кэтрин, - большое количество поездок за пределы города, в которые меня отправляла Организация, хотя не прошло еще и месяца, как я вышел из тюрьмы. А у меня не хватало смелости сказать ей, что в ближайшем будущем мы еще меньше времени будем вместе.

Мне и самому об этом стало известно только вчера. Когда, возвратившись из Флориды, я отчитался перед майором Уильямсом, он сказал, что в следующем месяце мне придется много попутешествовать.

В подробности он не посвятил меня, но намекнул, что организация планирует на лето грандиозную акцию в национальном масштабе, и я буду кем-то вроде разъезжающего военного инженера. Однако сегодня мне не хотелось об этом думать, и я от души наслаждался жизнью, свободой и близостью любимой девушки на лоне прекрасной природы. Когда мы возвращались домой, то услышали по радио новость, которая подвела итог счастливому дню: наши товарищи атаковали израильское посольство в Вашингтоне. Лучшего дня для этого Организация не могла бы выбрать! В течение нескольких месяцев израильский отряд убийц действовал по всей стране, убивая наших людей. Сегодня мы сравнивали счет - одним махом.

Мы нанесли удар из тяжелых минометов во время приема, который израильтяне устроили для своих послужных слуг из американского Сената. Там же собралось и довольно много израильских чиновников, так что всего в посольстве было больше трехсот человек, когда наши 4,2-дюймовые минометы засыпали их снарядами. Атака продолжалась минуты две-три, судя по сообщению в новостях, и выпущено было сорок снарядов, оставивших от посольства лишь кучу пепла. Выжило всего несколько человек. Значит, стреляли, по меньшей мере, из двух минометов. Это подтверждает то, что мне было сказано на прошлой неделе о наших новых источниках вооружения. Чудовищный инцидент проник в репортаж о нападении, и его по какой-то странной случайности не вырезал цензор: один из посольских охранников расстрелял группу туристов. Во время нападения, весь объятый пламенем, он выбежал из обваливающегося здания на улицу, не выпуская из рук автомата, и стал стрелять по группе из дюжины туристов, по женщинам и маленьким детям, которые глазели на грозную картину разрушения. Крича от ненависти на своем гортанном языке, он одной очередью уложил девять человек и тяжело ранил еще троих. Естественно, полицейские его не задержали. Ваш день близок, Евреи, ваш день близок. Сегодня надо было бы лечь пораньше и выспаться перед тяжелым днем, но радость так велика, что я все еще бодрствую. Организация еще раз продемонстрировала, что минометы - лучшее оружие партизана. Сейчас у меня еще больше оптимизма насчет операции в "Иванстон", и я готов к преодолению сопротивления нашего профессора во Флориде. В прошлую субботу, когда я обсуждал свой план с Генри и Эдом Сэндерсом, они убедили меня, что минометы надежнее и что теперь мы отлично обеспечены ими. В итоге я все переделал и вместо трости задействовал 4,2-дюймовый миномет. В трех снарядах вместо фосфора будет радиоактивное вещество. И после обыкновенных снарядов, с помощью которых определится траектория, мы выпустим наши, естественно, точно такой же массы. В этом плане три преимущества по сравнению с первоначальным.

Во-первых, он надежнее; гораздо меньше шансов, что что-то пойдет не так.

Во-вторых, мы можем задействовать в десять раз больше радиоактивных веществ, которые к тому же заразят куда большую территорию, чем в самом лучшем случае при использовании трости.

И, в-третьих, не требуется исполнитель-самоубийца. Можно защитить себя от опасных веществ до самого последнего момента, и команда не получит смертельную дозу радиации. Моей главной заботой было, сможем ли мы доставить вещество внутрь электростанции, чтобы оно не осталось на крыше. Здание такой мощной постройки, что у меня были определенные сомнения даже при условии использования мин замедленного действия. Но Эд Сэндерс убедил меня, что пристрелянные 4,2 дюймовые минометы не дают сбой и у нас все прекрасно получится, если стрелять со стороны берега, где вся стена машинного зала представляет собой едва ли не одно большое окно в десять этажей в высоту и более двухсот ярдов в ширину. С этим новым планом я отправился на переговоры с Харрисоном, нашим флоридским химиком. Ему я сказал, что его заботой будет радиоактивное вещество в достаточных количествах, которое он же поместит в снаряды, которые я привезу ему. Харрисон запаниковал. Он стал говорить, что обещал Организации поставлять радионуклиды и другие труднодоступные материалы в небольших количествах. У него, мол, нет желания лично заниматься снарядами, и особенно он возмущался тем, что надо доставать так много материалов. Не так уж много людей в стране имеют доступ к радиоактивным веществам, и он испугался, что его могут быстро вычислить. Я попытался его успокоить. Объяснил, что если мы сами попробуем перенаполнить снаряды, не имея защитного оборудования, то наши товарищи непременно получат смертельную дозу радиации. Еще я сказал ему, что он волен выбирать материалы по своему усмотрению, чтобы не навлечь на себя подозрений лишь бы онигодились для нашей цели.

Однако он ни на что не соглашался. "Не может быть и речи, - сказал он. - Я рискованной карьерой". "Доктор Харрисон. - стоял я на своем, - боюсь, вы не понимаете, что происходит. У нас война. Будущее нашей расы зависит от исхода этой войны. Как член Организации вы обязаны ставить общие интересы выше личных. Вы должны подчиняться дисциплине. Харрисон поблел и стал что-то мямлить, но я безжалостно продолжал: "Если вы отказываетесь, я готов убить вас прямо сейчас". Естественно, у меня не было при себе оружия, ведь я летел на обычном самолете, но Харрисон об этом не знал. Он сделал пару судорожных глотков, после чего вновь обрел голос и обещал сделать все, что в его силах. Мы опять обсудили цифры и утрясли сроки. Прежде чем уйти, я заверил Харрисона, что если он боится, как бы эта операция не поставила под удар его деятельность в качестве "легала", мы можем после ее завершения перевести его на нелегальное положение. Хотя он все еще нервничал и не находил себе места, но не думаю, что ему пришло в голову обмануть нас. Организация не бросает слов на ветер. Однако ради безопасности мы пошлем к нему другого курьера, когда наступит время перезарядить снаряды. Для этого не нужно техническое образование. Мне не нравится делать вид, будто я "крутой", и пугать людей; это непривычная роль. Но у меня нет добрых чувств по отношению к таким, как Харрисон, и не сомневаюсь, откажись он сотрудничать, я бы бросился на него и задушил бы его голыми руками. Полагаю, найдется много людей, которые считают, что они очень умные, если отсиживаются в безопасности и предоставляют нам рисковать своими жизнями и делать всю черную работу. Они думают, что получают все, если мы выиграем, и ничего не потеряют, если мы проиграем. Так было в других войнах и других революциях, но вряд ли пройдет на сей раз. Мы стоим на том, что люди, наслаждающиеся жизнью в то время, когда под угрозой существование их расы, не заслуживают жизни. Пусть умрут. Когда идет война, нам уж точно наплевать на их благополучие. Чем дальше, тем очевиднее - кто не с нами, тот против нас.

25 АПРЕЛЯ.

По меньшей мере, на неделю лечу в Нью-Йорк. Кое-какие дела требуют моего внимания. Флоридская проблема подождет до моего возвращения, и если так, то мне предстоит поездка, на сей раз на автомобиле, в Чикаго. Евреи подняли небывалый крик из-за нападения на свое посольство. В средствах массовой информации об этом больше шума, чем было из-за нападения на Капитолий или на штаб-квартиру ФБР. С каждым днем по телевизору все больше пропаганды типа "газовых камер", которая отлично срабатывала в прошлом. Они и вправду рвут на себе волосы и одежды: "Ох, вей, как же мы мучаемся! Как же нас преследуют. Почему ты вновь допустил это? Разве недостаточно шести миллионов?"

Потрясающая наивность! Она до того хорошо удается им, что и я чуть не плачу вместе с ними. Но странным образом больше ни разу не было упомянуто убийство девяти туристов израильским охранником. И правильно, они же не евреи! Неожиданная радость для нас, связанная с этой акцией, - громкий скандал между неграми и их Еврейскими патронами. По чистой случайности нападение на посольство произошло за три дня до назначенного общенационального дня "борьбы за равенство" одного из грандиозных мероприятий Советов Гуманитарных Связей, когда в ряде больших городов должны были одновременно состояться "спонтанные" демонстрации Черных и Белых граждан, объединившихся ради обращения к правительству с требованием снести все остающиеся барьеры между расами и установить "полное равноправие" Черных с Белыми. Однако в прошлый четверг, на следующий день после нападения на посольство, лидеры Советов - естественно, Евреи - призвали отменить акцию. Они решили, что не могут делить славу с неграми, пока не разыграют до конца карту "мученичества". Несколько относительно активных лидеров из негров, которые потратили много времени на предстоявшую акцию, не согласились с такой точкой зрения. Им уже давно было не по душе то, как Евреи ради собственных интересов манипулировали движением за "равноправие", и последнее заявление стало каплей, переполнившей чашу. Начались взаимные обвинения, и кульминация прилась на субботу, когда любимый ниггер Евреев, номинальный "председатель" Национальной Ассоциации Совета Гуманитарных Связей, устроив пресс-конференцию, выступил с разоблачениями в адрес своих еврейских хозяев. Отныне, заявил он, Советы Гуманитарных Связей не признают претензии Евреев на статус национального меньшинства и рассматривают их как часть Белого большинства, то есть, для них нет привилегий в деле преследования и наказания за "расизм". Он все еще выражал свое раздражение, когда случилось то, что должно было случиться, и место "председателя" занял другой громила из негров, но слово не воробей. Банды Черных "делегатов" на улицах подхватили призыв, и туго пришлось представителям самого избранного народа, когда они попадали им в руки! Некоторых до того допрашивали, что они умерли, и так продолжалось два последних дня. Постепенно самые агрессивные угомонятся, и все пойдет своим чередом, а пока Иззи и Самбро вцепляются друг другу в глотки, выбивают зубы и вырывают волосы и у меня душа радуется.

6 МАЯ.

Приятно опять оказаться дома, хотя бы всего на денек. Но и в Нью-Йорке было неплохо! Там я видел гораздо больше оружия, чем мог предположить. Одна из наших специализированных ячеек в Нью-Йорке добыла оружие всех видов и складировала его. Целью моей поездки было сделать смотр доступным военным новинкам, которые могут оказаться полезными в разработке специальных средств, и дать рекомендации насчет приоритетов в будущих поставках. В аэропорту меня встретила девушка и отвезла на оптовый склад в невероятно вонючем заводском и складском районе

Кеинса, возле Ист-Ривер. Повсюду гниющий мусор, газеты, пустые бутылки. Нам пришлось объехать ободранные и ржавеющие останки автомобилей, которые почти перегородили узкую улочку, прежде чем девушка наконец-то въехала на небольшую грязную стоянку за высокой железной оградой. Она постучала в железную дверь с табличкой "только для служащих", и нас почти тотчас впустили в мрачное пыльное помещение, уставленное корзинами для бумаг. Там она познакомила меня с веселым молодым человеком лет двадцати пяти в грязном комбинезоне и со скрепками в руке. Он представился Ричардом и предложил мне кофе из малопривлекательного вида кофеварки на другом конце стойки, расположившейся недалеко от двери. Потом на старом и скрипучем лифте мы поднялись на второй этаж. И я замер с открытым ртом. В огромном, с низким потолком помещении, больше сотни футов в длину и ширину, чего только не было: автоматические винтовки, пулеметы, огнеметы, минометы, тысячи ящиков со снарядами и патронами, со взрывчаткой, детонаторами, ракетами и т.д. Не знаю уж, как выдерживал пол.

В углу четверо мужчин и одна женщина работали, сидя на двух длинных скамейках под флуоресцентными лампами. Один из мужчин стачивал серийные номера с автоматических винтовок, которые он брал со стеллажа, где находилось примерно пятьдесят винтовок. Другие протирали бензином и собирали винтовки, после чего аккуратно складывали их в большой калорифер, с которого была снята крышка. Я увидел поблизости дюжину ящиков, в которых были другие калориферы.

- Так мы храним и перевозим оружие, - пояснил Ричард. - А серийные номера счищаем, чтобы властям труднее было установить, где взято оружие, если что случится. Как только калориферы покинут склад, никто и никогда не проследит их путь отсюда. На ящиках фальшивые ярлыки с нашими кодами, из которых мы узнаем об их содержимом. Наши специфические обогреватели собирают несколько ячеек на Восточном побережье, но развозим мы их по всей стране. Как в сказке, я бродил среди ружейных куч и остановился возле поставленных друг на друга до самого потолка больших зелено-коричневых ящиков.

На всех ящиках была трафаретная надпись: "Миномет, 4,2 дюйм, М30, Комплект." - и ниже: "Масса 700 литров"

- Где вы их достали? - спросил я, вспомнив, как полтора года назад мы переделывали один-единственный старинный миномет.

- Эти пришли на прошлой неделе из Форт-Дикс, - ответил Ричард. - Одна из наших ячеек недалеко от Трентона заплатила 10 000\$ сержанту из негров, чтобы он украл грузовик и отдал им груз. Потом они возили их сюда по две штуки за раз в пикапе.

Мы получаем оружие из дюжины арсеналов и баз в Нью-Йорке, Нью-Джерси и Пенсильвании. Посмотрите, что мы получили в прошлом месяце, - проговорил он, сбрасывая брезент со сложенных рядом цилиндрических предметов. Я наклонился, чтобы присмотреться к ним. Это были трубки около двух футов в длину и пяти дюймов в диаметре, М-329 - реактивный снаряд большой взрывной силы. В одном штабеле было не меньше трехсот снарядов. Ричард продолжал: "Прежде новое оружие нам доставалось с военных баз - по одной штуке - с помощью наших товарищей, которые там работают. Но с недавнего времени мы используем негритянский персонал - и у нас сразу целый грузовик. Правда, не всегда в нем то, что нужно, зато много. Мы установили несколько ложных форпостов, как это делает Мафия, торгующая нелегальным оружием. Наши люди на базах подсказывают нам, к

кому из негров надо обращаться. За деньги те хоть всю базу вывезут. Но какую-то часть им приходится отдавать "братьям до духу", которые стоят на воротах. Нам же так проще. Во-первых, негры продают нам оружие, не очень рискуя попасться. Политическая полиция не так пристально следит за ними, как за Белыми, к тому же у негров уже есть сеть баз, с которых крадут для продажи шины, бензин, продукты из гарнизонных магазинов и все прочее, что необходимо для гражданского населения. Это дает возможность нашим товарищам, которые служат на базах, сконцентрировать свое внимание на главной задаче, то есть привлекать в Организацию новых членов из Белого персонала и укреплять наше влияние в армии".

Остаток дня я провел на складе, все осматривая и мысленно каталогизируя увиденное. Уезжая, я взял с собой пару дюжин образцов различных высокоэффективных взрывчатых веществ, взрывателей и всего прочего, чтобы поэкспериментировать с ними. Следовательно, мне пришлось ехать обратно на поезде. Положение в армии нельзя оценивать однозначно. Около сорока процентов негров в самой армии и примерно столько же в других службах, отчего мораль, дисциплина и эффективность на чудовищно низком уровне. Нам это очень облегчает доступ к оружию и возможность вербовать новых членов Организации, особенно среди офицеров, которым не наплевать на унижительное положение армии. Однако на долгой дистанции это же чревато большой опасностью, потому что рано или поздно наступит день, когда мы займемся армией вплотную. А это чревато кровавой бойней из-за большого числа вооруженных негров. В то время, когда мы будем заниматься чисткой и реорганизацией, страна будет практически беззащитной. Что ж, думаю, так и было задумано.

глава XVIII

23 МАЯ 1993 ГОДА.

Моя последняя ночь в Далласе. Я здесь уже две недели и надеялся завтра утром вернуться в Вашингтон, но сегодня пришел приказ лететь в Денвер. Похоже, там мне придется делать то же, что я делал тут, то есть учить. Только что закончил аварийный курс технологии саботажа для восьми здешних активистов, и "аварийным" я назвал его не зря; в первый раз отдыхаю после самого приезда, и даже голова не настолько устала, чтобы я совсем не мог думать. Мы работали каждый день с восьми утра до восьми вечера, делая недолгие перерывы, чтобы поесть. Я научил их практически всему, что знаю сам. Начали мы с того, как самим собирать детонаторы, таймеры, воспламенители и все прочее. Потом перешли к изучению различных характеристик тех механизмов, которые имеются в армии, и доступны нам, и которые можно приспособить для той или иной цели. Все мои ученики сегодня могут с закрытыми глазами разобрать и собрать взрыватель любого типа, и взрыватель замедленного действия тоже.

После этого мы рассмотрели большое количество предполагаемых объектов и разработали подробные планы разрушения каждого из них. Речь шла о накопителях воды, системе водоснабжения, нефтехранилищах, железнодорожных путях, аэропортах, телестанциях, электрических линиях, электростанциях, железнодорожных развязках, зернохранилищах, складах и разном оборудовании. Наконец мы выбрали подходящий объект и разрушили его - центральную телефонную станцию Далласа. Это было вчера. Сегодня у нас был post mortem

(Вскрытие трупа (лат.). Здесь: обсуждение проведенной операции.) и мы подробно обговорили все детали проведенной операции. В сущности, все прошло на редкость удачно; мои ученики блестяще сдали "выпускной" экзамен. Но и я сделал все возможное, чтобы у них не было досадных промахов. Три полных дня ушло у нас на подготовку. Сначала мы получили подробную информацию от одного из наших тамошних товарищей, который в прошлом работал на телефонной станции оператором. Эта женщина рассказала нам об оборудовании, о расположении комнат, в которых оно находится. С ее помощью мы нарисовали план здания с лестницами, служебным входом, помещением охраны и т.д. Потом мы занялись нашим оборудованием. Я решил, что эта операция требует хирургической точности, а не грубой нахрапистости, для которой в нашем распоряжении было недостаточно взрывчатых веществ. У нас были три пятисотфутовые катушки бикфордова шнура и чуть больше двадцати фунтов динамита.

Я разбил восемь человек на четыре команды - по два человека в каждой. Один из них должен быть с автоматом, другой - с подрывным оборудованием. Три команды отвечали за три этажа, где было телефонное оборудование, и одна команда - за первый этаж. Каждая из трех команд получила по катушке, по пятигаллоновой канистре самодельной, похожей на напалм смеси из бензина и жидкого мыла и по детонатору замедленного действия. Четвертая команда получила двадцатифунтовую сумку с взрывчаткой и самодельную термитную гранату и была послана к трансформатору в подвал. Динамит должен был разрушить трансформатор, а термит - поджечь его. Около десяти часов вечера мы припарковали две машины на темной боковой улочке в двух кварталах от телефонной станции. Каждые две минуты трутовик телефонной компании появлялся на перекрестке прямо перед нами. Наконец случилось то, чего мы ждали: грузовик остановился на красный свет, и рядом не было ни транспорта, ни пешеходов. Мы быстро выехали и перегородили ему дорогу вперед и назад, а двое из наших товарищей распахнули дверцы кабины и под угрозой оружия приказали шоферу перебраться назад.

Потом мы отвели все три машины на боковую улицу, закинули в грузовик все наше оборудование, после чего залезли в него сами. Это заняло всего несколько секунд, но еще полчаса мы вели переговоры с похищенным ремонтником. Получив пару тычков, он ответил на все вопросы, которые еще оставались у нас о размещении телефонного оборудования, а также о системе охраны и численности охранников. Нас приятно удивило то, что ночью на станции остается всего один вооруженный охранник, но у него прямая связь с полицейским участком, расположенным в пяти кварталах от станции, - на случай тревоги. Забрав у ремонтника форму, мы не забыли о магнитной карточке, с помощью которой собирались открыть вход для сотрудников. Потом надежно связали парня проволокой, заткнули ему рот кляпом и поехали на грузовике к телефонной станции.

Форму надел я. Следуя указаниям ремонтника, и подошел к служебному входу, а остальные тем временем оставались в грузовике. Мне потребовалось меньше минуты на то, чтобы отобрать у ничего не ожидавшего охранника винтовку и впустить внутрь моих товарищей. Пока наши четыре команды занимались своим делом, я нашел подходящий шкаф с ведрами и тряпками и, взяв у охранника ключ, запер его там. После этого вся операция заняла меньше пяти минут. Три команды, занимавшиеся телефонным оборудованием, действовали быстро и споро. Пока один, с автоматом, сгонял служащих в кабинет и присматривал за ними, другой занимался оборудованием.

Бикфордов шнур разматывался и укладывался между длинными "ящиками" с электронными панелями. Потом их поливали напалмом, насколько его хватало, из

пятигаллоновых канистр, после этого к шнуру крепился детонатор. Едва товарищи сбежали вниз, три оглушительных взрыва потрясли здание без окон. Через мгновение примчалась четвертая команда из подвала.

Не теряя даром время, мы бросились к грузовику. Не успели мы выехать со стоянки, как прогремел взрыв в подвале, так что фасад сначала перекосило, а потом он рухнул на улицу, открыв внутреннюю часть здания, всю в огне и дыму. Судя по заметке в местной вечерней газете, две дюжины сотрудников, остававшихся в здании, сумели спастись - все, кроме охранника, которого я запер и который умер от удушья, Я почувствовал себя виноватым, но что поделать - мы очень торопились. Хотя разрушения были значительными, телефонная компания объявила, что самые необходимые телефонные линии будут восстановлены через сорок восемь часов, а полное восстановление телефонной станции займет не больше двух недель. Нас это не удивило. Мы знали, что телефонная компания может закупить новое оборудование, а бригады ремонтников быстро устранят повреждения. Наше нападение на телефонную станцию имело бы смысл как удар по Системе, если бы было частью более крупной операции. Конечно же, Система и сама это просчитала и, не зная; то это всего лишь учебная акция, приготовилась к худшему. Почти на каждом перекрестке в деловой части города появились танки, а войска и полиция установили так много пропускных пунктов на дорогах, что о нормальном движении оставалось только мечтать. Если бы не это, я поехал бы в Денвер сегодня, а не завтра.

8 ИЮНЯ.

Сегодня получил записку от Кэтрин! Она была в ящике с оборудованием, которое я попросил Организацию прислать мне из дома. Записку я нашел, только разгрузив весь ящик, так что не смог даже послать ответ с курьером. И Кэтрин, и остальные, пишет она, работают по семьдесят-восемьдесят часов в неделю, печатают в основном фальшивые деньги, но еще и пропагандистские листовки в больших количествах. Судя по тому, сколько их требуется, в Вашингтоне как будто намечается новая большая кампания. (Что за кампания, она скоро узнала.) Она думает, что я все еще в Далласе, и пишет, что надеется вскоре приехать в Даллас для передачи денег) и повидаться со мной. У меня даже сердце заняло, так мне захотелось побыть с ней хотя бы пару часов.

Почти никакой надежды вернуться в Вашингтон в ближайшие три недели. Здесь, в Роки-Маунт, то ничего не было, а то все полезло, как грибы. До сих пор Организация не имела в этом районе большого влияния, и все же Революционный Штаб наметил сорок три приоритетных объекта (больше половины - военные), и мы должны спланировать одновременное нападение на каждый, как только будет отдан приказ, очевидно, в начале июля. Но самое главное, тут нет ни одного человека хоть с каким-то опытом, так что приходится начинать обучение с нуля - и у меня сразу двадцать шесть учеников. Они должны подготовить и использовать все возможные средства, чтобы ликвидировать намеченные объекты. К счастью, среди нас есть несколько военных, отлично владеющих партизанской тактикой, так что на мне только техническое обеспечение.

Несмотря на более ограниченный круг обязанностей, чем в Далласе, я работаю тут медленнее, наверно, потому что больше учеников, и они не собраны в одном месте. Одновременно обучать двадцать шесть человек неразумно, поэтому у меня

шесть человек здесь, в Денвере, одиннадцать - в Боулдере, университетском городке примерно в двадцати милях от Денвера, и девять - на ферме в южном пригороде.

С каждой группой я встречаюсь раз в три дня, однако задаю много домашней работы.

До сих пор Организация не проводила в Роки-Маунт никаких операций, поэтому жизнь здесь в целом беззаботнее, чем на Восточном побережье.

Правда, на прошлой неделе здесь произошел неприятный эпизод, напомнивший, что и тут идет такая же жестокая и беспощадная война, как везде.

Одного из наших товарищей, строительного рабочего, поймали, когда он пытался украсть несколько брусков динамита. На самом деле он уже довольно долго выносил со стройки динамит, используя для этого коробку для бутербродов.

Охранник передал его шерифу, который немедленно устроил у него дома обыск и нашел не только большую сумку с динамитом, но и оружие - и кое-что из литературы, издаваемой Организацией. Шерифу пришло в голову, что эта неожиданная удача может способствовать его карьерному росту. Если он прекратит деятельность Организации в Роки-Маунт, Система непременно отблагодарит его. Возможно, ему удастся получить место в законодательном органе штата, может быть, даже стать вице-губернатором или занять другой важный административный пост. Итак, шериф со своими подручными принялись избивать нашего товарища, требуя, чтобы он назвал имена других членов Организации. Они обошлись с ним жестоко, но он ничего им не сказал. Тогда они привели его жену и стали избивать ее в его присутствии. Не выдержав, несчастный выхватил револьвер из кобуры одного из мучителей, но выстрелить не успел, потому что его застрелили. Жену передали агентам ФБР, и ее увезли в Вашингтон на допрос. Сказать ей нечего, потому что она ничего не знает, но меня охватывает дрожь, стоит мне подумать о ее судьбе.

Слава шерифа оказалась быстротечной. Вечером того дня, когда был убит наш товарищ, шерифа показывали в теленовостях, и он хвастался своими действиями от имени закона, порядка и равноправия, а потом с важностью заявил, что будет так же безжалостен с другими расистами, которые попадут в его руки. Когда он после передачи приехал домой, то обнаружил на полу в гостиной свою жену с перерезанным горлом. Двумя днями позже было совершено нападение на его машину, и его изрешеченное пулями тело было найдено в ее сгоревших останках.

Страшное дело - убивать женщину, принадлежащую к нашей же Белой расе, но мы ведем войну, в которой отменены все прежние правила. У нас война не на Жизнь, а на смерть с Евреями, которые настолько уверены в близкой победе, что сняли маску и обращаются с врагами, как со "скотом", в соответствии с требованием своей религии. Наш ответ шерифу должен послужить предостережением Нееврейским приспешникам Евреев: их жены и дети не будут в безопасности, если они позаимствуют отношение Евреев к нашим женам и детям.

(Справка для читателя: некоторые книги, содержащие основы еврейской религии, сохранились до наших дней. Эти книги, Талмуд и Тора, в самом деле, рассматривают не Евреев как "скот". Но еще чудовищнее нам кажется отношение Евреев к женщинам - не Еврейкам. наших девушек они называют не иначе, как

<http://cagal.clan.su/>

словом "шикса", которое восходит к древнему слову, имеющему два значения: "мерзость" и "нечистое мясо".)

<http://cagal.clan.su/>

21 ИЮНЯ.

Сегодня вечером меня остановили на полицейском блокпосту, когда я возвращался из Боулдера. Никаких затруднений не возникло; всего лишь проверили водительское удостоверение (удостоверение покойного и неоплаканного Дэвида С. Блума, спросили, куда я направляюсь, и мельком оглядели машину. Однако пробка растянулась на несколько миль, и другие водители были вне себя от злости. Один из них сказал мне, что такой блокпост в этих местах он видит впервые. И блокпост, и кое-какие намеки, в последние дни услышанные мной в новостях, навели меня на мысль, что Системе известно о планируемой крупной акции. Остается только надеяться, что здесь не закрутят гайки так, как на Восточном побережье, иначе полетят все наши планы.

С другой стороны, пусть здешние тоже прочувствуют в полной мере любящую заботу Большого Брата. Большинство из них в глаза не видело ни Еврея, ни Негра, и ведет себя так, будто никакой войны и в помине нет. Им кажется, что они далеко от беспокойных районов и могут дальше спокойно жить на своих мирных задворках. Им противна даже мысль о прощании с сытой и довольной жизнью для того, чтобы вырезать из Америки раковую опухоль, которая, несомненно, убьет нас всех, если не будет удалена.

Таков уж Простакус Американус.

Меня беспокоит отсутствие новостей об "Иванстоне". Начиная с последней недели прошлого месяца, я жду известий о проведенной операции. Неужели подвел Харрисон? Или Революционный Штаб принял решение отложить нападение на "Иванстон" в связи с планируемой у нас на будущий месяц акцией? Когда я в последний раз докладывал о своей работе, ни о каком промедлении как будто не было речи. Похоже, проблема с Харрисоном, будь он проклят! Когда я, прежде чем ехать в Даллас, пересчитал возможности снарядов в зависимости от расчетов дальности и точности попадания, представленных мне нашими чикагскими минометчиками еще в Вашингтоне, то решил, что надо загрузить радиоактивными веществами не три, а пять снарядов. Это давало нам примерно 90% уверенности, что один и даже больше снарядов попадет в машинный зал. Наверно, Харрисон заартачился, когда узнал, что от него требуется еще больше, чем прежде. Но если так, почему мне не сообщили об этом?

И еще меня начинает беспокоить то, что я не получил приказа насчет моих действий после окончания работы здесь на будущей неделе. Если я не вернусь в Вашингтон, тогда, боюсь, не смогу вернуться до большой операции, А мне хочется быть с Кэтрин и со всеми нашими, когда все развернется в будущем месяце. Не вижу причин, почему бы мне не быть в Вашингтоне, ведь у меня вряд ли останется время на еще один курс обучения.

глава XIX

27 ИЮНЯ 1993 ГОДА. Наконец-то пришел приказ! Во время летних операций мне предстоит быть в Калифорнии. Поначалу я очень расстроился из-за невозможности побывать в Вашингтоне, но чем больше я думаю о сообщении, подученном мной сегодня, тем больше убеждаюсь, что главные акции предстоящих недель будут на

Западном побережье. Похоже, я буду в гуще событий, и это прекрасно после затянувшейся учительской деятельности.

Денверский Полевой Штаб пригласил сегодня меня и шесть моих учеников на совещание, уведомив о нем за два часа. Нам почти ничего не сказали, кроме того, что я и еще четыре человека должны быть в Лос-Анджелесе не позже вечера в среду. Еще двоих отправили в Сан-Матео, что недалеко от Сан-Франциско.

Я не стерпел: "Эти товарищи обучены подрывной работе в здешних местах. И их обучали работать в команде. Какой смысл разбивать команды и отправлять их в Калифорнию, если от них больше пользы тут? Без них вся программа, намеченная для Роки-Маунт, ставится под угрозу".

Оба представителя ДПШ заверили меня, что ими движет не пустой каприз и что они понимают мои возражения, но обстоятельства диктуют свои условия. В конце концов, мне удалось вытянуть из них, что они получили срочный приказ из Революционного Штаба немедленно отправить на Западное побережье всех активистов, без которых худо-бедно можно обойтись.

Очевидно, в других штабах получили такие же приказы.

Больше они ничего не сказали, однако по волнению, с которым они отказывались отвечать на мои вопросы о калифорнийских планах Организации, я понял, что, скорее всего, акция назначена на следующую неделю. Только одного мне удалось добиться сегодня: Алберта Мейсона, который должен был ехать в Сан-Матео, но без которого успех здешней акции ставился под вопрос, заменили на другого человека. Но и на это потребовалось много сил. Я настаивал на том, чтобы меня поставили в известность, по какому критерию отбираются люди для Калифорнии. Оказалось - естественно, это не имело отношения ко мне - критериев два: практическое знание рукопашного боя и умение пользоваться винтовкой. Следовательно, требовались снайперы и защитники баррикад, а не эксперты-подрывники. Ала и вправду характеризовали как "эксперта" в стрельбе из винтовки, пока он служил, а он три года командовал отрядом в Юго-Восточной Азии.

(Справка для читателя: Тернер имеет в виду так называемую "Вьетнамскую войну", после которой прошло к тому времени лет двадцать, ни которая сыграла очень важную роль в более поздних победах Организации, когда очередь дошла до столкновения с армейскими частями.)

Но он также был моим лучшим учеником. На него одного я тратил время, рассказывая о новейших видах оружия которое мы намеревались получить в результате нападений на здешние арсеналы. Он один, я уверен, сумеет справиться, например, с новыми лазерными дальномерами М-58 и обучить минометчиков, как ими пользоваться. И он также единственный тут, кому я преподавал курс базовой электроники, так что только он справится с управляемыми по радио детонаторами, очень важным элементом нашего плана, касающегося вывода из рабочего состояния здешней дорожной сети и поддержания ее в нерабочем состоянии.

Только когда я привел эти аргументы, представители ДПШ пошли на уступку и оставили Ала, Еще полчаса мы обсуждали список других активистов, прежде чем я отыскал того, кого можно послать в Калифорнию вместо Ала, - его отсутствие не повлияет на здешние акции и он удовлетворяет заданным критериям. У меня сложилось впечатление, что запланированное нами не отменяется и все еще

рассматривается как очень важное, однако главная часть летнего наступления на Систему будет на Западном побережье. Мы явно удваиваем численность наших вооруженных людей там, учитывая последние перемещения, однако делаем это так, чтобы большинство акций, запланированных в других регионах, тоже были осуществлены, пусть даже меньшими силами.

Итак, у нас всего сорок восемь часов, чтобы одолеть больше тысячи миль, к тому же, никто не знает, сколько нас ждет блокпостов. За мной приедут через два часа, и еще четыре часа у меня есть, чтобы подальше упрятать свои причиндалы в машине на случай осмотра. А пока я, пожалуй, немного подремлю.

1. ИЮЛЯ.

Уф! Ну и дела тут творятся! Мы приехали вчера около часа ночи, и я тотчас забыл о поездке. Остальные разъехались по ячейкам, и я временно остаюсь при Лос-Анджелеском Северо-Западном Полевом Штабе в местечке под названием Канога парк, что в двадцати милях; к северо-западу от Лос-Анджелеса. Очевидно, что Организация пустила тут более глубокие корни, чем где бы то ни было еще. В Лос-Анджелесе восемь полевых штабов, значит и подпольщиков примерно 500-700 человек.

Мне еще удалось поспать после приезда, а вот остальные как будто вовсе никогда не спят. Курьеры постоянно появляются и исчезают, совещания сменяют друг друга без перерывов. Только вечером мне посчастливилось ухватить одного человека и хоть как-то прояснить для себя ситуацию.

На утро следующего понедельника, то есть четвертое июля, назначено одновременно более шестисот акций на военных и гражданских объектах. Но так получилось, что одного из наших товарищей арестовали в среду, всего за несколько часов до нашего приезда. Похоже, это была чистой вода случайность.

Его остановили на улице для самой обычной проверки документов, и копы что-то заподозрили.

Поскольку этот человек не был членом Ордена, то от него не требовалось самоубийства в случае неизбежного ареста. В последние два дня все были сами не свои в ожидании, не скажет ли он чего под пыткой, так как он знал достаточно, чтобы Система - узнала о назначенных на понедельник акциях. Если узнает, то, даже не имея понятия о предполагаемых объектах, она повсюду усилит охрану - и степень риска взлетит до небес. У Революционного Штаба было два выхода: не дать заговорить арестованному или перепланировать все от начала до конца. Последнее практически невозможно: много всего было тщательно просчитано и синхронизировано, чтобы перенести акции на более ранний срок, их отменить нельзя, иначе придется ждать несколько месяцев - не говоря уж об огромном риске, если учесть количество задействованных людей, которым многое и давно известно.

Итак, вчера было решено пойти по первому пути. Но и это представляет собой большую проблему; мы не можем убить нашего товарища в Лос-Анджелесе не поставив под удар одного из наших наиболее ценных легалов, специального агента лос-анджелесского отделения ФБР. Место пребывания арестованного держалось в большой тайне. Если напасть на это место, то ФБР заподозрит всего полдюжины

людей, которые владеют информацией. Как правило, если арестовывали наших людей, то на месте проводили всего лишь поверхностный допрос - чтобы удостовериться в их связях с Организацией. Если такие связи были, то арестованных отправляли в Вашингтон для более тщательного допроса израильскими пыточными дел мастерами. И как раз этого мы никак не могли допустить.

В данном конкретном случае странно было одно - и это два дня держало Революционный Штаб в состоянии мучительной нерешительности - почему ФБР держало нашего товарища тут, вместо того чтобы отправить его в Вашингтон уже в четверг утром, если была установлена его связь с Организацией. Никто этого не знал, даже наш легал. Не исключено, что сработала обычная волокита. Но, возможно, на сей раз, в отличие от обычной практики, решили привезти пыточную команду из Вашингтона сюда.

Что бы там ни было, РШ решил подождать и посмотреть, как будут разворачиваться события. Если арестованного не будут готовить к перелету в Вашингтон или допрашивать его тут в течение ближайших тридцати шести часов, проблема решится сама собой. Какую бы информацию он ни дал Системе потом, она все равно будет получена слишком поздно, чтобы помешать запланированным на понедельник акциям. Однако если перелет или допрос будут неминуемы до второй половины дня в воскресенье, нам придется немедленно совершить налет на тайную тюрьму, даже рискуя потерять единственного легала в местном отделении ФБР, который снабжал нас бесценной информацией. Я же до сих пор не знаю, зачем приехал сюда, и что буду делать, и, боюсь, никто этого не знает. Мне приказано ждать.

Итак, полагаю, нам опять предстоит трудный экзамен, как это уже было в 1991 году. Мне лишь кажется невероятным, что Организация и вправду начнет всеобъемлющую акцию через два дня! Общее число людей, которых мы можем поставить под ружье во всей стране, не превышает полутора тысяч, несмотря на множество новых членов, принятых в Организацию за последние месяцы. Даже если посчитать всех, включая женщин и легалов, нас вряд ли больше пяти тысяч, и около трети сконцентрированы сейчас здесь, в Калифорнии. Нереально - как будто комар задумал убить слона!

Конечно же, в понедельник мы не сокрушим Систему. Да и если бы сокрушили, не знали бы, что делать дальше, ведь Организация еще слишком малочисленна для того, чтобы брать бразды правления в свои руки и перестраивать американское общество.

Нам нужна в сто раз большая инфраструктура, чем мы имеем сейчас, чтобы взяться за эту работу.

В понедельник мы будем заниматься тем, что поднимем конфликт на новый уровень и воспрепятствуем стратегическим планам Системы в борьбе с нами. У нас действительно нет выбора; если Организация хочет выжить и развиваться в сегодняшних тяжелейших условиях, мы должны держать марку - это необходимо с психологической точки зрения.

Опасность стояния на месте заключается в том, что Система опять добьется равновесия, и люди привыкнут к этому. Единственный способ поддерживать сегодняшний приток к нам новых членов - это держать определенную часть населения в психологическом дисбалансе, чтобы люди не были стопроцентно

убеждены, будто Система все еще сильна и может в любой момент стереть нас с лица земли, чтобы они знали: мы непобедимы и рано или поздно война коснется и их тоже. В противном случае ублюдки, которым грош цена, постараются отсидеться в тепленьком местечке. Американцы уже доказали, что они способны бесстыже наслаждаться земными благами даже в самых невозможных условиях - пока новые трудности достаточно постепенно входят в их жизнь, давая им привыкнуть. Вот самая большая опасность, которой чревато наше бездействие. Кроме того, политическая полиция понемногу завинчивает гайки. Несмотря на экстраординарные меры безопасности, она найдет способ заслать в Организацию шпионов и погубить нас - если мы дадим ей время. А нам становится все труднее ездить по стране, не попадаясь ей в лапы. Очень скоро начнет действовать новая внутренняя паспортная система, которую мы не дали внедрить год назад; а она вдвое хуже прежней. Не представляю, как мы будем тогда выживать. Впрочем, оглядываясь на прошедшие два года, я тоже удивляюсь, как нам удалось выжить. Сто раз мне приходило в голову, что мы не доживем до следующего месяца.

Причина отчасти в том, что мы никак не можем приписать себе в заслугу неэффективность Системы. Ее представители наделали массу ошибок и не сумели воспользоваться благоприятными обстоятельствами, когда могли легко сломать нас.

Создается впечатление, что только Евреи лезут из кожи вон, сражаясь с нами, а остальные лишь наблюдают. Спасибо "равным возможностям" - и всем Ни в ФБР и армии - за это! Система стала до того коррумпированной, продажной, что только Евреи чувствуют себя в ней, как дома, и никто не желает быть ей преданным.

Однако основная причина в том, как мы адаптировались к условиям. Всего за два года Организация научилась совершенно по-новому существовать. Сейчас мы делаем много такого, что совершенно необходимо для нашего выживания, но о чем мы почти совсем не думали два года назад. Взять к примеру нашу систему допроса новых членов Организации; без нее мы бы не продержались так долго, а ведь мы совсем не занимались этим, пока деваться стало некуда. Понятия не имею, что бы с нами случилось без изобретения доктора Кларка. Теперь у нас есть фальшивые документы. А когда мы только уходили в подполье, у нас не было даже четкого представления, как справиться с этой проблемой. Но миновали два года, и у нас есть специальные ячейки, которые только этим и занимаются. Там настоящие профессионалы, однако, им пришлось учиться в ускоренном темпе. И деньги - вот уж была проблема в свое время!

То, что приходилось считать центы, отвратительно действовало на психику; мы казались себе ничтожествами. Насколько мне известно, никто в Организации всерьез не задумывался о финансировании подпольщиков, пока наше положение не стало критическим. И мы научились изготавливать фальшивки. Нам очень повезло, что в Организации нашелся человек с соответствующими знаниями, однако пришлось еще подумать о распространении, чтобы напечатанные фальшивки входили в оборот.

Всего за несколько месяцев со всеми нами произошли очевидные перемены. Когда в кармане достаточно наличных денег (когда можно купить все, что нужно, и не надо грабить, как прежде), это очень облегчает жизнь. Мы стали гораздо мобильнее и защищеннее. До сих пор нам, в общем-то, сопутствовала удача, но и Революционный Штаб, вне всяких сомнений, отлично руководил нами. У нас было хорошее планирование, хорошая стратегия - но, кроме этого, мы доказали, что способны отвечать на вызов и решать проблемы. Мы сохраняли гибкость. Полагаю, история Организации доказывает, что нельзя составить детальный план революции и точно следовать ему. В будущем всегда много неожиданностей. Никогда нельзя быть

уверенным в том, как будет развиваться заданная ситуация. И всегда случается что-то совершенно неожиданное - то, что никак невозможно предвидеть. Чтобы не упустить удачу, революционер должен всегда быть наготове: приспособиться к новым обстоятельствам и извлечь пользу из новых возможностей. В этом отношении наш опыт обнадеживает, но я не могу не думать о следующей неделе. Не сомневаюсь, в понедельник мы вытрясем душу из ублюдков.

Тяжело придется экономической машине, если хотя бы половина наших задумок осуществится. Мы заставим Систему напрячь все силы, и пусть население испытает настоящий шок. А что потом? Что нас ждет в следующем месяце и в следующем за ним месяце? Мы все вкладываем в нашу акцию, но продержаться на этом уровне нам удастся не больше нескольких дней. Слишком мы натянули веревку. И всё же инстинкт подсказывает мне, что предстоящая акция задумана не из-за нашего безнадежного положения. В понедельник начнется не единственная, последняя, отчаянная попытка уничтожить Систему. По крайней мере, я на это надеюсь. Если мы выложимся до конца, а потом нам придется опять уйти в подполье после провала - психологически это будет так же убийственно для нас, как благотворно для Системы.

Значит, у Революционного Штаба есть что-то такое в рукаве, о чем мне неизвестно. Уверен, что концентрация наших сил в Калифорнии - ключ к загадке, но я все равно не могу ее разгадать.

глава XX

7 ИЮЛЯ 1993 ГОДА.

Похоже, я пробуду тут до утра, так что могу потратить часок и записать, как все было последние несколько дней. Здесь отлично. Я в пентхаузе, откуда виден почти весь Лос-Анджелес - вот почему мы используем его как командный пост. Но роскошь тут невероятная: атласные простыни, настоящие меховые покрывала на кроватях, позолоченные краны, ручки в ванной комнате, во всех комнатах бары с бурбоном, шотландским виски и водкой, на стенах огромные порнографические фотографии в рамках.

Пентхауз принадлежал некоему Джерри Сигельбауму, агенту местного Объединения Муниципальных Служащих и звезде здешних грязных фото. Похоже, он предпочитал нееврейских блондинок, хотя на одной из фотографий с ним - негритянка, а на другой - юноша.

Вот уж действительно народный представитель! Надеюсь, его скоро уберут из коридора, а то с понедельника не работает кондиционер и уже чувствуется вонь. Сегодня огромный город выглядит совсем иначе, чем когда я в последний раз видел его вечером. Главные улицы больше не сверкают огнями. И вообще все было бы погружено во тьму, если бы не сотни пожаров в разных частях города. Знаю, что на дорогах тысячи машин, но они ездят с выключенными фарами, чтобы не попасть под обстрел. Последние четыре дня сирены на полицейских машинах и машинах скорой помощи выли практически непрерывно, и на их фоне слышались выстрелы, взрывы и шум вертолетов. Сегодня остались только выстрелы, да и тех немного. Похоже, битва достигла решительной фазы. В понедельник, в два часа пополудни, больше пятидесяти наших боевых отрядов ударили одновременно по всему Лос-Анджелесу,

и еще сотни отрядов выступили по всему пространству от Канады до Мексики, от одного побережья до другого. Мне пока еще неизвестно, чего мы добились в других местах, потому что Система ввела тотальную цензуру в средствах массовой информации, которые не были взяты нами, а у меня не было возможности поговорить с людьми, которые поддерживают связь с Революционным Штабом. Но в Лос-Анджелесе у нас все на удивление хорошо получилось. После первого же взрыва была отключена подача воды и электричества во всем районе, нарушена работа аэропорта и основных автомагистралей. Мы вывели из строя телефонную станцию и взорвали все склады горючего. Порт представляет собой один большой пожар уже четыре дня кряду.

Мы захватили как Минимум пятнадцать полицейских участков. В основном брали оружие, выводили из строя коммуникационные линии и весь транспорт, не задействованный в патрулировании, и исчезали. Но наверняка наши товарищи все еще удерживают некоторые здания, принадлежащие полиции, и используют их как местные командные посты. Поначалу полицейские и пожарники бегали кругом, напоминая петухов с отрубленными головами, повсюду были сирены и вспыхивали лампы. Однако в понедельник вечером связи уже почти не было, зато пожаров и других происшествий стало так много, что полицейским и пожарным пришлось действовать выборочно. Во многих местах нашим отрядам удавалось практически без помех выполнить свою задачу. Сейчас, понятно, многие полицейские и пожарные машины, не получив бензина, не могут двинуться с места. А те, у которых бензин есть, предпочли залечь на дно.

Ключом к нейтрализации полиции - и всего остального - была наша работа в армии. Уже во второй половине дня в понедельник всем стало ясно, что в военном ведомстве происходит нечто необычное. Во-первых, помимо войск и танков, охраняющих электростанции, телепередатчики и так далее - как всегда - других военных соединений на нас не бросили. Во-вторых, было очевидно, что на самих армейских базах имели место вооруженные столкновения.

Нам были видны и слышны взрывы, из-за которых черный дым стелился над городом, однако нас никто не атаковал - по крайней мере, в лоб. Бомбили примерно дюжину арсеналов Калифорнийской Национальной Гвардии. Такой же дым шел с юга с гидроаэродрома в Эль-Торо. Позже мы видели несколько воздушных боев над Лос-Анджелесом и слышали, что Кэмп-Пендлтон, большая база военно-морских сил, расположенная в семидесяти милях к юго-востоку от города, была уничтожена тяжелыми бомбардировщиками с базы военно-воздушных сил в Эдвардсе. Короче говоря, случилось нечто невероятное. Но в понедельник же, правда, вечером, я неожиданно столкнулся с Генри, и он немножко просветил меня насчет положения в армии. Милый старина Генри - до чего же я обрадовался, увидев его снова!

Мы встретились в передающем центре, где я помогал нашим связистам налаживать работу после того, как мы его захватили. Этим, кстати, я и занимался все четыре дня: чинил передатчики, устанавливал частоту передач, придумывал замену необходимым запасным частям. Теперь у нас один частотный передатчик и два амплитудных, и оба работают от аварийного генератора. Во всех трех случаях мы отрезали студии от проводов и посадили наших людей в непосредственной близости к передатчикам.

Генри приехал на ревушем джипе. На нем была форма полковника американской армии, и его сопровождали три солдата с автоматами и противотанковыми гранатами. Он привез текст для передачи, предназначенной в первую очередь для армии. Как только я наладил оборудование и подключил

микрофоны, мы с Генри отошли в сторонку и поболтали, пока наш диктор читал послание, адресованное Белым солдатам и офицерам, которых призывали поддержать революцию, если они еще этого не сделали, и предостерегали насчет последствий, если они не пожелают внять призыву. Послание было отлично написано и, уверен, произвело большое впечатление на военных и гражданских слушателей.

Генри, как выяснилось, уже год занимался агитацией в воинских частях и набором новых членов в Организацию и с марта, когда его перевели на Западное побережье, сосредоточил свои усилия на этом регионе. Его история была долгой, и кое-что я узнал уже потом, но суть ее такова.

С тех пор как сформировалась Организация, мы работали в армии на двух уровнях. На более низком уровне работа велась полуподпольно - полуоткрыто до 1991 года и нелегально - после 1991 года. Она предполагала пропаганду среди срочнослужащих и сержантов, в основном, с глазу на глаз. Но, сказал Генри, мы также в полной секретности работали на более высоком уровне.

Стратегия Революционного Штаба оказалась успешной, и нам удалось привлечь на свою сторону несколько высокопоставленных военных, а в понедельник мы разыграли этот козырь. Вот почему против нас не была задействована армия, и военные подразделения стреляли и бомбили друг друга все четыре дня. Внутриармейский конфликт разгорелся между частями, которыми командовали симпатизировавшие нам офицеры, с одной стороны, и частями, лояльными Системе (их было намного больше), с другой. Еще один конфликт вскоре затмил первый - Черные VS Белые.

Военные части под командованием верных нам офицеров стали разоружать всех Черных военнослужащих, как только стало известно о начале нашей акции. Предлог, который они использовали, заключался в том, что негры будто бы подняли мятеж в других частях, поэтому они получили приказ свыше разоружить всех негров во избежание худшего. Как правило, Белые военнослужащие верили этому, или хотели верить, и им не приходилось повторять приказ дважды. Тех же, кого либеральные взгляды заставили усомниться в этом, расстреляли на месте. В других частях наши срочнослужащие попросту стреляли в каждого негра в форме, а потом уходили в части, которые были на нашей стороне. Негры, что вполне естественно, реагировали так, что рассказ о черном мятеже стал правдой. Даже в лояльных Системе частях были кровопролитные драки между Черными и Белыми.

Именно потому, что в этих частях Черных и Белых почти поровну, сражения были долгими и кровавыми. В результате, несмотря на то, что поначалу симпатизировавших нам военных было всего пять процентов от лояльных Системе подразделений, многие из них оказались парализованными внутренними разборками между Черными и Белыми. И теперь из-за этих разборок все больше Белых идет к нам. И наши передачи тоже этому очень помогли. Мы, конечно же, преувеличивали свои возможности и подсказывали Белым, которые хотели быть с нами, где нас искать. А чтобы наш призыв звучал еще убедительнее - да и напустить тумана на негров, связать их по рукам и ногам, - мы запустили фальшивку по одному из передатчиков и стали призывать негров к революции, подсказывать им, чтобы они убивали Белых офицеров и сержантов, прежде чем Белые разоружат их. Из военных нам могли противостоять только военно-воздушные силы - и база в Эль-Торо. Они-то и бомбили военные части, думая, что внизу мы. Судя по словам Генри, поработали они на славу, не хуже нас. Генри хмыкнул, рассказывая мне, что Организация не сумела завербовать достаточно национальных гвардейцев в Калифорнии, чтобы

рассчитывать на безопасность с этой стороны, поэтому незадолго до акции в качестве превентивной меры было совершено похищение командира местных гвардейцев, генерала Хауэлла. Когда представители Системы начали его искать, стало очевидно, что они испугались, как бы он не переметнулся на нашу сторону. И у них появились основания для этого после сообщения, что генерал Хауэлл эта спешно покинул свой дом в сопровождении трех неизвестных мужчин через час после полуночи, то есть за час до начала акции. Утвердившись в своих подозрениях, еще в понедельник они приказали лояльным частям разбомбить арсеналы Национальной Гвардии.

И что касается Кэмп-Пендлтон, то мы даже не мечтали приблизиться к нему, но власти сами помогли нам, впад в панику и приказав его бомбить. Там все еще кровавая бойня, но мы берем верх.

Не знаю, с какой базы пришла целая колонна танков, нейтрализовавшая сегодня штаб-квартиру Лос-Анджелесской полиции, но она была для нас божьим даром. Без нее у нас бы ничего не вышло.

С самого начала лос-анджелесские копы были единственной организованной силой, которая противостояла нам. Мелкие полицейские участки в регионе не представляли для нас проблемы. Некоторые мы уничтожили, в других царил тишина, потому что их обитатели решили переждать грянувшие события. А вот десять тысяч полицейских из ЛАПД были очень активными еще несколько часов назад, и борьба с ними далась нам нелегко. За четыре дня с нашей стороны погибли сто бойцов - а это 15-20% наших военных сил в этом регионе.

Не знаю, почему нам не удалось сделать с полицейскими то же, что так хорошо получилось с военными. Возможно, свою роль сыграл недостаток кадров, и работе с армией было отдано предпочтение перед работой с полицейскими. Как бы то ни было, но штаб-квартира полиции почти тотчас стала центром антиреволюционного сопротивления.

К лос-анджелесским копам присоединились некоторые шерифы со своими людьми и дорожная полиция, а штаб-квартиру они превратили в неприступный форт, который не боялся нашего оружия. Более того, нашим товарищам было смертельно опасно подходить к нему хотя бы на пару кварталов. У них было много горючего, больше тысячи машин, отличная связь и гораздо больше людей, чем у нас.

Используя вертолеты для разведки, они засекали наши расположения, занятые нами здания и устраивали против нас рейды, посылая до пятидесяти машин и двести-триста человек. Так как дороги с нашей помощью стали непроезжими, это очень осложняло их работу, однако небесные наблюдатели подсказывали им, где и какие их ждут препятствия.

Нам удавалось защитить жизненно важные объекты, включая радиоцентр, лишь благодаря хорошо замаскированным командам автоматчиков, оборонявшим все подъезды к зданию. К счастью, у копов нашлось лишь несколько бронированных автомобилей, потому что наши товарищи не могли им противостоять. Только сегодня они получили противотанковое оружие.

Если бы лос-анджелесские копы сумели связаться с армейскими частями, лояльными Системе, нам пришел бы конец. К счастью, дюжина М-60, которая перешла к нам, сначала побывала в штаб-квартире.

Им ничего не стоило одолеть блокпосты, которые полицейские поставили вокруг здания, и забросать здание взрывчаткой и гранатами, после чего автоматным огнем уничтожить сотни полицейских машин. Полицейские остались без связи и бензина, да и здание начало гореть сразу в десятках мест. Пришлось им покинуть здание, ну а мы стали поливать автомобильные стоянки и ближайшие улицы огнем из 81 - миллиметровых минометов, пока не выгнали их и оттуда. Сейчас там пусто, разве что все горит. Многие копы, по-видимому, разбежались по домам и переделались в гражданское.

Теперь, когда сопротивление сломлено, все в зависимости от того, насколько эффективно мы сумеем воспользоваться ситуацией, прежде чем до нас доберутся армейские части из других регионов. Не понимаю, почему их до сих пор нет. Пару часов назад мне было приказано сделать утром сообщение группе наших инженеров, перед которыми будет поставлена задача составить план частичного восстановления электросети, подачи воды, дорожного движения, а также подсчета и строгой охраны всех имеющихся запасов бензина и дизельного топлива. Это больше подходит для гражданского инженера, чем для меня.

И еще это кажется мне немного преждевременным, но приятно сознавать, что Революционный Штаб как будто уверен в будущем. Наверно, завтра мне будет больше известно о нашем положении.

10 ИЮЛЯ.

Отлично, отлично, отлично! Действительно, много чего произошло - много хорошего и много плохого, но хорошего пока больше. Армия и полиция как будто в основном под контролем - почти на всем Западном побережье, хотя до сих пор происходит много столкновений в районе Сан-Франциско и других местах. И до сих пор несколько вооруженных групп - копы и военные - рыскают по округе и причиняют некоторое беспокойство. Однако мы обеспечиваем безопасность на здешних базах и военных аэродромах и через день-два покончим с воюющими против нас людьми. Уже получен приказ стрелять без предупреждения во всякого вооруженного человека, если у него на руке нет нашей повязки. Отличный поворот событий, ведь еще несколько дней назад в нас стреляли без предупреждения. После многих лет, когда мы прятались, старались держаться в тени и обмирали от страха, заведя копа, замечательно чувствуешь себя оттого, что можно бить на виду - и иметь оружие.

Большую проблему представляет собой население. Люди в шоке. Собственно, их нельзя винить, и меня еще удивляет, как они все это время - более или менее - выдерживали трудности. В конце концов, они оставались без света и без воды целую неделю. А многие какое-то время и без еды.

Первые два дня - понедельник и вторник - люди вели себя так, как мы ожидали. Сотни тысяч бросились в свои автомобили - и в дорогу. Далеко уехать они, конечно же, не могли, потому что мы взорвали ряд ключевых развязок, зато пробки и заторы получились невообразимые, и таким образом передвижение по дорогам стало окончательно невозможным для полиции.

К середине вторника большая часть Белого населения вернулась в свои дома (по крайней мере, в свои районы), при этом почти все бросили свои машины на

дороге и шли обратно пешком. Таким образом, они убедились, во-первых, что уехать из Лос-Анджелеса на машине невозможно из-за непроезжих дорог; во-вторых, что невозможно купить бензин, так как не работали насосы из-за отсутствия электричества; в-третьих, что магазины и учреждения закрылись; в-четвертых, что происходит нечто, в самом деле, значительное. Они засели дома, постоянно слушали радио и боялись. В городе резко снизилось количество совершенных преступлений, и только в Черных районах уже днем в понедельник начались грабежи, драки и пожары, которые становились со временем интенсивнее и захватывали все большую территорию.

Кстати, утром во вторник довольно много грабежей произошло и в Белых районах, в основном, в магазинах. К этому времени некоторые не ели уже сорок восемь часов и шли на преступление от отчаяния, а не из-за любви к преступлениям.

Поскольку до вечера в четверг у нас не было уверенности, что полиция укрощена, мы не предпринимали никаких мер по наведению порядка. Чем больше на улицах голодных и отчаявшихся людей, которые разбивают витрины и крадут еду, ищут питьевую воду и батарейки для радиоприемников, а также вступают в драки с другими людьми, нуждающимися в том же самом, тем меньше у полиции времени для нас. Это было главным, когда мы в самом начале лишали город света, воды и транспорта.

Если бы полицейским надо было воевать только с нами, мы бы не победили. А так им было не под силу сражаться с нами и одновременно со всеобщим хаосом.

Ну а теперь нам надо браться за наведение порядка, и это будет собачья работа. Страх, паника совершенно лишили людей рассудка. Они ведут себя в высшей степени иррационально, и придется пожертвовать многими жизнями, прежде чем положение в городе будет контролироваться нами. Боюсь, голод и переутомление возьмут кое-что на себя, ведь у нас не хватит ни людей, ни техники, чтобы справиться с поставленной задачей. Сегодня я работал с командой, которая отвечает за топливо, и получил возможность собственными глазами увидеть городскую жизнь с ее проблемами.

Меня это потрясло. Мы ехали на большом бензовозе в сопровождении джипов от одной заправочной станции к другой в Пасадене и выкачивали остатки бензина к себе. В городе достаточно горючего для наших нужд, но горожанам придется еще долго ходить пешком. Несколько лет назад тут, в Пасадене, жили почти одни Белые, а теперь это - негритянский район. А в негритянских районах, едва завидев Черных возле заправочной станции, мы открывали огонь, чтобы держать их на расстоянии. В Белых районах нас окружали толпы голодных, молящих о еде, которую мы, естественно, не давали им. Чертовски здорово, что у них нет оружия, а то от нас мокрого места не осталось бы. Спасибо, сенатор Коэн!

Уфф! Больше нет времени - пора на собрание. Кажется, нам расскажут о положении в стране.

глава XXI

11 ИЮЛЯ 1993 ГОДА. Сумасшедший день! Наконец-то получили немного электроэнергии с северных гидроэлектростанций. Ее придется строго распределять,
<http://cagal.clan.su/>

и я весь день занимался тем, что делил город на секторы, а потом подбирал команды, которые будут включать и выключать ток. Потом, если все пойдет успешно, мы сможем подключать другие секторы. Вчера вечером я узнал, почему Вашингтон не рискнул прислать сюда армейские части из других регионов: потому что тут Ванденберг с ракетными установками!

В первые сорок восемь часов после начала акции на прошлой неделе Система была в такой панике, а военное положение до такой степени неустойчивым, что о передвижении войск нельзя было даже подумать. Хотя мы располагали немногими людьми и не могли бы захватить и удержать никакую другую территорию, кроме Западного побережья, нам удалось добиться огромных разрушений, беспорядка и смятения практически повсюду.

Наши товарищи в армейских частях по всей стране получили приказ делать все, чтобы парализовать свои части. Это включало взрывы, поджоги, разрушения, но самое главное - убийства. Если в воинских частях было большое количество не-Белых, наши товарищи убивали первых попавшихся им под руку негров, выкрикивая лозунги типа "Власть Белым!", чтобы спровоцировать на беспорядки других негров. Ну, а за этим следовало то, что очень успешно мы воплотили в жизнь тут: захват средств связи и внушение неграм, будто бы им необходимо повернуть оружие против Белых офицеров.

В некоторых частях с помощью захваченных средств связи передавались послания, которые создавали впечатление, будто они перешли на нашу сторону.

Но больше всего мы преуспели в создании хаоса среди населения. Электростанции, средства связи, дамбы, ключевые дорожные развязки, цистерны с горючим, нефтепроводы и все остальное, что можно было взорвать или сжечь, подверглось нападениям в понедельник утром, когда началась широкомасштабная акция по всей стране с целью ввергнуть население в панику и хотя бы временно связать Систему руки насущными проблемами. Узнал я также, что в понедельник утром было предпринято нападение и на "Иванстон Проджект", и мне тем более было приятно слышать о его полном успехе.

Итак, в результате к тому времени, когда Система опомнилась и убедилась в лояльности армейских частей, которые могла бы бросить против нас, мы уже разобрались с Ванденбергом и выставили свой ультиматум: как только мы заметим передвижение войск, сразу же выпускаем ядерные снаряды на Нью-Йорк и Тель-Авив. Вот почему в эти дни нас никто не трогал!

Теперь я понимаю стратегический план Революционного Штаба, из-за незнания которого долго не мог отогнать от себя неприятные мысли. С самого начала РШ осознавал, что с нашими силами нам не удастся нанести Системе широкомасштабный удар и достаточно продолжительное время удерживать свои позиции, чтобы свалить ее. Конечно, мы могли и дальше вести партизанскую войну с экономическим саботажем и психологическим давлением, но время в конечном итоге было на стороне Системы. Нам было необходимо совершить нечто по-настоящему значительное, чтобы увеличить свои ряды, а иначе полиция с ее растущей мощью полностью парализовала бы нашу деятельность.

И мы это совершили. У нас ожидается большой приток новых членов; только в Лос-Анджелесе под нашим контролем двенадцать миллионов людей. Каково вообще население в регионе - пока неясно из-за ненормального положения в северной части

Калифорнии. Сегодня под контролем Организации часть Калифорнии от мексиканской границы до стопятидесятимильной отметки к северо-западу от Лос-Анджелеса и от побережья внутрь суши миль на пятьдесят, а где-то и на сто. Сюда входят Сан-Диего, Лос-Анджелес и все ВВБ Ванденберга. Горы и пустыня служат отличной природной границей на востоке. В другой прибрежной полосе, которая доходит почти до Орегона и включает в себя Сан-Франциско и Сакраменто, кажется, верх взяли военные силы, настроенные против Системы, но, насколько я понимаю.

Организация еще не укрепилась там. Орегон и Вашингтон, похоже, все еще под контролем Системы, хотя слухи ходили всякие.

В других местах беспорядки, продолжаются нападений наших товарищей на те или иные объекты, однако пока еще Системе не грозит крах. Самой большой проблемой правительства как будто стало доверие или недоверие к своим вооруженным силам. В результате в некоторых регионах воинские части остаются на своих базах, хотя без них совершенно невозможно восстанавливать порядок. В самых неблагополучных районах с населением, бунтующим в первую очередь из-за отсутствия еды, правительство использует специальные воинские подразделения, состоящие полностью из не-Белых солдат. Несколько таких подразделений переброшено в пограничный с калифорнийским анклавом район. Самый близкий пункт дислокации - Барстоу - примерно в ста милях от нас. У нас есть Белые беженцы оттуда, которые приносят неутешительные вести: массовое насилие со стороны Черных военных, которые получили власть над Белым населением. Жутко слышать о подобном, однако, действия негров нам на пользу. И прекрасно, что мы вынудили Систему показать свое недоверие к Белому населению и свою зависимость от не-Белых элементов. Однако самое главное для нас то, что правительство не пытается ввести на нашу территорию войска. Пока ядерная угроза удерживает его от каких-либо действий, хотя вряд ли такое положение может сохраняться вечно. Новее же это дает нам шанс взять под контроль местное население.

В городе хаос! Пожаров становится все больше, беспорядки усиливаются. Нам не хватает людей, даже с учетом симпатизирующих нам военных, чтобы обеспечить порядок, пока мы восстанавливаем жизненно важные объекты и налаживаем снабжение продуктами.

В нашем распоряжении около сорока тысяч вооруженных людей, причем две трети из них в городе, а одна треть распределена по всей территории от Сан-Диего до Ванденберга. Ситуация не совсем однозначная, потому что членов Организации здесь в двадцать раз меньше - что не так плохо, как я считал прежде, но все-таки довольно плохо! Большинство этих людей не имеет отношения к Организации и даже не сознает, что получает приказы от нас. Пока они заняты день и ночь, у них нет времени на вопросы. Члены Организации прикомандированы к каждой воинской части, они есть среди солдат и офицеров, и Генри, с которым мы вчера опять ненадолго встретились, похоже, считает, что они у нас в руках. Будем надеяться!

У меня была возможность поболтать с солдатами, которые помогали нам брать под контроль горячее и проводить ремонтные работы. Как мне показалось, на них произвели впечатление три вещи: то, что правительство в Вашингтоне полностью утратило контроль над положением дел тут; то, что негры в армии и на гражданке опасны и ненадежны; то, что с оружием и едой они сейчас устроены куда лучше, чем гражданское население. Однако идейности от них ждать не приходится!

Некоторые более или менее на нашей стороне, другим Система так хорошо промыла мозги, что они все еще не пришли в себя, и третьи - ни то ни се. При нас они держатся, потому что нет никакой другой власти. Система даже не наладила радиосвязь, чтобы напомнить о присяге нашим военным - возможно, чтобы не показать остальной стране, какую победу мы тут одержали. Официальная версия Системы в настоящий момент - ситуация в принципе под контролем и "расистские гангстеры" в Калифорнии (то есть мы) скоро будут схвачены и ликвидированы. Но, поскольку мы день и ночь вещаем на их воинские части, побуждаем их к восстанию и расписываем здешнюю обстановку в более радостном цвете, чем она есть на самом деле, то Система проигрывает нам в пропаганде. Вместо того чтобы опровергать наши притязания, Система тушит нас, поступая очень недальновидно.

14 ИЮЛЯ.

Первая большая партия продовольствия прибыла в город сегодня - конвой из шестидесяти трейлеров, нагруженных свежей продукцией из долины Сан-Иоахим; Они разгрузились на тридцати пунктах раздачи еды, которые мы успели подготовить в Белых секторах, но это все равно, что наперстком наполнять океан. Нам нужно, по крайней мере, в пять раз больше продовольствия на каждый день, чтобы поддержать жизнь в Белом населении. На городских складах есть большие запасы непортящейся еды, хотя все магазины стоят пустые. Как только мы немножко организуемся и сможем проверить склады, тогда будем добавлять то, что там есть, к свежим продуктам. А пока на складах случаются неприглядные вещи, и нам пришлось расстрелять несколько человек, которые не понимали слова "нет". Еще хуже в негритянских районах и районах со смешанным населением. Два последних дня я занимался тем, что направлял спасательные команды в районы, где воинские части заканчивали чистки. Задача этих частей - добровольно или силой переселять негров в специально отведенные места до тех пор, пока не появится возможность выселить их совсем. Делается все очень просто. Выбранное заранее место должно иметь выезд на дорогу, ведущую на восток, и удобные для охраны выходы, возле которых занимают позицию танки и автоматчики. После того как выбрано место, начинается поиск в ближайшем окружении. Его ведут пехотинцы, перед которыми едут грузовики с радиоустановками, постоянно передающими: "Все негры должны немедленно собраться для получения продуктов и воды в начальной школе имени Мартина Лютера Кинга на 7-й улице. Негр, обнаруженный севернее 43-й улицы после часа ночи, будет расстрелян без предупреждения. Все негры должны немедленно..."

Поначалу некоторые негры пытались сопротивляться, не веря угрозам "хрюков".

(Справка для читателя: "хрюк" - одно из многих уничижительных прозвищ Белых, которыми пользовались негры в последние три десятилетия до Великой Революции. Его происхождение неизвестно.)

Очень скоро, однако, они поняли свою ошибку, и весть об этом быстро разносилась повсюду. Большинство негров двигалось в сторону определенных им местожительств, на квартал или два квартала опережая медлительную пехоту, которая наскоро осматривала каждое здание. Негры, которые оставались там, грубо выталкивали на улицу, а если они пытались сопротивляться, расстреливали на месте. Время от времени раздававшиеся звуки выстрелов отлично исполняли роль погонщиков.

До сих пор было не больше полудюжины случаев, когда негры, украв оружие, пытались забаррикадироваться в зданиях и стреляли в наших людей. Тогда пехота шла дальше и вызывала танк, который расстреливал занятое здание. Еще раз хочется добрым словом помянуть Систему, много лет назад разоружившую гражданское население.

Если бы у негров было больше оружия, мы бы с ними не справились, ведь их больше, чем нас. Мои спасательные команды идут сразу за пехотой. Наша задача - найти и сохранить все ценное: бензин и другие горючие материалы, консервированные продукты, лекарства, транспорт, оборудование и т.д. Негры подчистили почти всю еду в своих районах и бессмысленно переломали многое из того, что мы искали, но нам досталось много другого, в частности, как раз сегодня - сорок тонн сушеной рыбы на местной фабричке, выпускавшей корм для домашних животных. На вкус она не очень, зато мы обеспечены минимальным количеством протеина, необходимого на неделю для ста тысяч человек. А вчера нам попались тридцать тысяч галлонов хлорки для очистки воды. Еще в одной больнице и двух клиниках отыскивались лекарства, которые оставались нетронутыми, хотя бунтовавшие негры рыскали повсюду. Обнаружили мы и чудовищное свидетельство того, как негры решали продуктовую проблему, то есть каннибализма. Уже во вторник на прошлой неделе они построили баррикаду на одной из главных улиц, чтобы останавливать автомобили с несчастными Белыми, которых тащили в ближайший негритянский ресторан, разрубали, варили и съедали. Потом негры объединились в охотничьи отряды и стали совершать нападения на Белые районы. В подвале, одного из домов, где жили негры, мы обнаружили неопишимо жуткую картину, свидетельствовавшую об удачной охоте.

Мы с моей командой обратили внимание на суматоху возле одного из домов, когда закончили проверку соседнего разграбленного склада и вышли на улицу. Сбившиеся в кучу, солдаты возле входа выглядели растерянными. Один солдат едва успел выбежать из дома, как его вырвало. Потом другой солдат с мрачным выражением лица вышел на улицу, ведя за руку Белую девочку. Ей было на вид лет десять - худенькая, грязная и как будто невменяемая. Я вошел в дом, и меня сразу обдало жуткой вонью. Закрыв нос и рот платком, что плохо помогало, я зажег фонарик и стал спускаться в подвал, пропустив наверх еще двух солдат. Один из них нес на руках ребенка лет четырех, молча глядевшего куда-то перед собой, к счастью, живого, но слишком слабого, чтобы идти самостоятельно.

Подвал, освещенный двумя керосиновыми лампами, висевшими на мокрых трубах, был превращен в бойню Черными владельцами квартир. Пол был скользким от крови. В бочках гнили человеческие внутренности и отрезанные головы. Четыре маленьких ноги качались над моей головой на проволоке. На деревянном разделочном столе под керосиновой лампой я увидел то, чего мне не забыть никогда: разрубленное на куски, с недостающими частями тело девочки-подростка. Голубые невидящие глаза смотрели в потолок, золотистые волосы были в крови, видимо, пролившейся из раны на шее.

Не знаю, как я выбрался из дома на улицу, к свету. Никакими силами меня нельзя было заставить еще раз спуститься в кошмарный подвал, но я послал туда двух человек с фотоаппаратами из моей команды, чтобы они сделали побольше снимков. Эти снимки будут полезны для агитации в армии. От одного из солдат мне стало известно, что найдены останки как минимум тридцати детишек, исключительно Белых, и два живых ребенка были привязаны к трубе в углу. На заднем дворе был

устроен самодельный гриль, возле которого возвышалась большая куча маленьких косточек - тщательно обглоданных. Все это мы тоже сфотографировали. Я работал, в основном, в негритянских кварталах, но от наших товарищей слышал довольно много неприглядных историй о кварталах, где жили Белые и Чикано (Презрительная кличка латиноамериканцев). Правда, ни Белые, ни Чикано каннибализмом не занимались (в этом отношении негры особая раса), но что касается убийств из-за еды, их было немало. Когда негритянские банды захватывали районы Белых и вламывались в дома Белых, то вели себя со звериной жестокостью, особенно в кварталах побогаче, где дома стоят на довольно большом расстоянии друг от друга.

Положительным же было то, что в некоторых по преимуществу Белых районах, где жили в основном представители среднего и рабочего классов, Белые объединялись в отряды, чтобы защитить себя от Негров и Чиканос. Это внушает надежду, но удивляет, если учесть, как здешние идиоты голосовали на всех последних выборах. Неужели многолетнее Еврейское промывание мозгов оказалось бессильным перед Белыми массами?

Если честно, то боюсь, оно все же не прошло бесследно для многих. В районах, например, со смешанным населением Белые очень пострадали в последние десять дней, но даже пальцем не пошевелили, чтобы помочь себе. Без оружия, правда, самозащита зависит от количества защищающихся - и еще от воли к жизни. Хотя всего в нескольких смешанных районах Белых было меньше, у них уже нет осознания своей принадлежности к особой расе, нет чувства общности, которое все еще есть у Негров и Чиканос.

Важно и то, что многие убеждены, будто самозащита - это "расизм", и они больше боялись стать "расистами" (даже подумать так о себе), чем умереть. Даже когда Черные банды забирали их детей и на их глазах насиловали их женщин, они не оказывали значительного сопротивления. Вот что отвратительно!

Мне трудно жалеть Белых, которые даже не попытались защитить себя, и еще труднее понять, почему мы должны рисковать собой и даже умирать ради спасения слюнтяев от участи, которую они заслужили. И все-таки как раз в смешанных районах у нас больше всего проблем, и риска тоже!

Нам не хочется стрелять в толпу, если есть опасность попасть в Белых так же, как в не-Белых, и ублюдки сразу все поняли, а теперь этим пользуются. В некоторых кварталах нас встречает такое сопротивление, что почти невозможно добиться цели и отделить Белых от не-Белых. Еще одна почти неразрешимая проблема заключается в том, что в этом регионе много людей, которых неизвестно к кому причислять - к Белым или не-Белым. Процесс ассимиляции здесь зашел так далеко, что не знаешь, где провести черту, до того много смуглых и кудрявых особей любого роста и объема мельтешится кругом.

Тем не менее, черту проводить надо - и, не теряя времени! У нас нет возможности накормить всех, и если мы не хотим массовой смертности среди Белых, то должны как можно скорее переселить их в те зоны, где есть электричество, вода, еда и все остальное, необходимое для жизни. А всех других нам надо тем или иным способом изгнать с нашей территории. Чем дольше мы медлим, тем более неуправляемым будет население.

В сущности, мы неплохо справились с концентрацией негров в специально выделенных для них местах. Около восьмидесяти процентов находятся в четырех

небольших анклавах, и, насколько я понимаю, первый большой конвой сегодня вечером уже отправится на восток. Остальных мы так напугали, что они не смеют высунуть нос из дома. Нам не до них, и, насколько мне известно, мы еще не начинали массовых арестов или других акций против Евреев и других враждебных элементов. Сначала надо разобраться с Неграми!

глава XXII

19 ИЮЛЯ 1993 ГОДА. В последние пять дней я был свидетелем, скорее всего, самого массового переселения людей в истории: я имею в виду эвакуацию негров, метисов и "лодочников" из южной Калифорнии.

Мы отправляем их на восток больше, чем по миллиону в день, а им нет конца.

Однако сегодня на собрании я узнал, что завтра как будто последний день такой массовой эвакуации. Потом будем переправлять за пределы нашей территории. Всего по несколько тысяч за раз, тем временем продолжая обследовать нетронутые нами районы и заканчивая процесс разделения рас. На меня и моих людей возложена обязанность обеспечить транспортом тех, кто не может идти на собственных ногах. Поначалу нам приходилось использовать большие грузовики и трейлеры, способные перевезти пару сотен людей за один раз, а потом стали брать все, что оказывалось поблизости, для эвакуации Негров и Чиканос. составляя колонны из шести тысяч машин.

В первое время мы старались проследить, чтобы горючего во всех машинах было ровно столько, сколько надо на дорогу в один конец, до вражеской территории, но на это уходило слишком много времени, и мы стали исходить из того, что горючего должно хватить на поездку. Вчера нам стало не хватать грузовиков, поэтому сегодня мы весь день ездили на легковых автомобилях.

Свои триста человек я разбил на тридцать отрядов.

Каждый отряд подбирал для себя примерно по пятьдесят молодых добровольцев из негров (обещая их накормить), которые заявляли, что умеют заводить машину.

После этого наши отряды начали перегонять любые припаркованные машины от "фольксвагенов" до "кадиллаков", которые удавалось завести, и в которых была хотя бы четверть бака бензина, на места Погрузки. Там наши добровольные угонщики машин из негров сажали беременную негритянку или старого калеку за руль и набивали салон таким количеством хромых, больных, увечных не-Белых, сколько автомобиль мог увезти (иногда клали их друг на друга на крышу и на крылья), и отправляли в путь. А сами возвращались за следующей партией машин. Меня поразило, до чего грубо наши Черные добровольцы обращаются со своими соплеменниками. Некоторые старики, которые не могли постоять за себя, были на краю смерти от истощения и обезвоживания, тем не менее, добровольцы пинали их и битком набивали в машины, так что мне становилось не по себе, когда я видел это. Сегодня, не успев переполненный "кадиллак" двинуться с места, как древний негр, не удержавшись, упал с его крыши и так ударился головой о землю, что его череп раскололся, как яйцо, а негры разразились хохотом, словно ничего смешнее не видели в жизни.

У нас опасная работа. Мы ужесточили все правила безопасности, но рисковали сверх всякой меры.

Сотни раз негры могли перебить нас, потому что нас очень мало и нам часто приходится работать в окружении Черных, не имея надежного тыла на случай опасности.

У меня нет достаточно людей, чтобы исправно выполнять свою работу, к тому же нам приходится работать по восемнадцать часов практически без перерывов, пока мы не свалимся с ног. Хорошо, что завтра последний день, потому что у моих людей силы уже на исходе - а может быть, и удача тоже! Пока что мы потрудились на славу! Нам удалось перевезти около полумиллиона не-Белых, которые не могли идти сами. Теперь за каждого из них отвечает Система - а их надо накормить, одеть и куда-то поселить, да еще обеспечить им медицинскую помощь.

Вместе с семьей миллионами здоровых Негров и Чиканос, которых мы тоже выслали, они доставят немало хлопот властям!

Эта эвакуация - тоже одна из форм войны: демографическая. Мы изгоняем не-Белых с нашей территории на вражескую и тем самым достигаем еще двух, дальних целей - перегружаем уже подорванную экономику Системы и создаем невыносимые условия жизни для Белых на приграничных землях. Даже после того, как переселенцев расселят по стране, они на двадцать пять процентов увеличат не-Белое население вне Калифорнии. А "братство" в таких объемах будет трудно переварить даже самым идеологически обработанным Белым либералам. Примерно час назад по дороге на собрание я посмотрел с высоты на главную дорогу, по которой осуществляется эвакуация не-Белого населения из Лос-Анджелеса. Солнце уже зашло, однако еще не стемнело, и меня привело в ужас зрелище чудовищного потока, движущегося на восток. На сколько хватало глаз, растянулась мерзкая людская река. Позже мы включим освещение, и эвакуация будет продолжаться всю ночь. Утром, думаю, количество идущих самостоятельно сократится, и тогда опять возобновится движение транспорта. Уже в самом начале мы обнаружили, что, если перегонять людей днем, они мрут, как мухи.

Зрелище черной движущейся людской массы пробудило во мне всепоглощающее чувство радости оттого, что она движется прочь, вон с нашей территории. Но стоило мне надумать, что я мог бы оказаться на другом конце пути, и вся эта масса приближалась бы ко мне, и меня охватила дрожь. Будь у властей выбор, они повернули бы Ни обратно, загородив им дорогу при помощи автоматов. Но границу охраняют в основном не-Белые войска, которым не дашь приказ стрелять в не-Белых переселенцев. С тех пор, как мы начали эвакуацию Негров и Чиканос, власти так и не нашли способа остановить ее. Они попались в ловушку собственной пропаганды, объявляющей всех этих существ "равными", имеющими "человеческое достоинство" и т.д., вот и приходится соответственно обращаться с ними. Да, сэр, у нас полный порядок, зато в других местах становится Чернее с каждым днем!

Доказательством этого является поток Белых беженцев с востока в наши места. Десять дней назад их было около ста человек в день, а теперь стало несколько тысяч. Наши пограничники пропустили за все время около двадцати пяти тысяч Белых на нашу территорию.

Большинство из них бежит от Черных солдат и выселенных нами Негров и Чиканос, которые наводнили приграничную зону. Если им легче бежать на запад, а не на восток, пусть бегут на запад.

Однако около десяти процентов беженцев не из приграничной зоны. Это Белые добровольцы, которые сочли для себя необходимым присоединиться к нам. Некоторые добирались с самого Восточного побережья - целыми семьями и поодиночке, приняв решение, едва стало очевидно, что у нас здесь и в самом деле революция.

24 ИЮЛЯ.

Ну и дела! Кажется, я становлюсь на все руки мастером. Только что вернулся в штаб из поездки на большую электростанцию недалеко от Санта-Барбары. Там случались сбои, лишавшие нас электричества чуть ли не каждый день, вот мне и пришлось сначала выяснить причину этого, а потом устранить ее с помощью ремонтной бригады. Мне будет намного легче, когда мы наведем тут порядок, и те люди, которые занимались подобными делами, вернуться к своим обязанностям.

Однако не будем забегать вперед. Сначала порядок и еда. Порядка пока еще нет, зато еды как будто ввозится в город достаточно, чтобы люди не голодали. Теперь, после того как я побывал в Санта-Барбаре, у меня есть некоторое представление о том, как нам это удастся. За пределами Лос-Анджелеса я видел сотни отрядов, состоящих из Белых подростков, которые работали в садах, с песнями маршировали по дорогам, неся на плечах корзины с фруктами. Все они были загоревшими, счастливыми и здоровыми. Ничего похожего на голодный и беспокойный город!

Я попросил шофера остановиться, когда мы встретили отряд из примерно двадцати совсем юных девушек в грубых рабочих рукавицах, шортах и майках. За старшую у них была веснушчатая девчушка лет пятнадцати с косичками, которая радостно сообщила, что их отряд называется лос-анджелесская Продуктовая Бригада № 128, Они только что отработали пять часов на сборе фруктов и теперь шли на обеденный перерыв в свой палаточный лагерь. Что ж, подумал я тогда, это еще не бригада, но все же организационная работа среди гражданского населения идет куда успешнее, чем я полагал. Девчушка, естественно, была слишком юна для членства в Организации и, как скоро выяснилось, совершенно невежественна в вопросах политики. Одно она знала твердо - в городе плохо, - поэтому, когда милая дама с повязкой на рукаве заговорила с ней и с ее родителями в пункте раздачи еды и сказала, что подростков, которые добровольно отправляются на сельские работы, будут хорошо кормить и содержать в нормальных условиях, все согласились с тем, что надо ехать. Это было неделю назад, а вчера она была назначена старшей в группе девочек. Я спросил, что она думает о своей работе. И она ответила, что работа тяжелая, но она знает, как важно для нее и остальных девочек собрать побольше фруктов, чтобы их родители и друзья, остававшиеся в городе, не голодали. Взрослые, которые были в их лагере, объяснили им, какая на них лежит ответственность. Рассказывали ли им о необходимости революции? Нет, ей ничего об этом неизвестно, разве что рабочие из Чикано покинули ферму и теперь Белым приходится делать их работу. Но это, наверно, неплохо, как ей кажется. Кроме этого, всех девочек учили, как работать на ферме, да еще вечером, когда они

собирались вокруг костра, то разучивали рабочие песни и слушали лекции по гигиене.

Неплохое начало для двенадцати-пятнадцатилетних подростков. Для настоящего образования еще будет время. Лишь бы взрослые не подвели!

Жаловались девочки только на еду, хотя ее было много. Мы им давали лишь фрукты и овощи; не было ни мяса, ни молока, даже хлеба и того не было. Очевидно, у товарищей, которые организуют продуктовые бригады, тоже хватает проблем. В обмен на дюжину яблок мы отдали девочкам ящик консервированных сардин и несколько коробок с крекерами, которые были у нас в машине, и обе стороны расстались, довольные друг другом. В горах севернее Лос-Анджелеса мы увидели длинную колонну, строго охраняемую солдатами и членами Организации. Неторопливо обгоняя ее, я внимательно вглядывался в арестованных, стараясь понять, кто они такие. Очевидно, что они не принадлежали ни к Неграм, ни к Чиканос, но лишь немногие могли назвать себя Белыми. У многих был Еврейский тип лица, а у других черты лица или волосы выдавали их Негритянское происхождение. Потом колонна, растянувшаяся на несколько миль, свернула на малоприметную тропу рейнджеров, исчезающую в каменном каньоне.

В ней было не меньше пятидесяти тысяч мужчин и женщин, по крайней мере, в той ее части, мимо которой я проехал.

Вернувшись в штаб, я спросил о странной колонне.

Определенного ответа мне никто не дал, хотя все сходились на том, что это были Евреи и люди смешанного происхождения, но слишком светлые, чтобы их эвакуировать на восток. И я вспомнил то, что удивило меня несколько дней назад, - как отделяли очень светлых Негров - неотличимых от Белых, октеронов и квартеронов Азиатского и Африканского происхождения, от остальных, когда всех сгоняли в одно место перед отправкой на восток, теперь я, кажется, понял. С помощью явно выраженных не-Белых мы хотим усилить расистское давление на Белых вне Калифорнии, где нам совсем не нужны почти Белые помеси - кстати, всегда есть опасность, что они потом "назовутся" Белыми. Лучше разобраться с ними сейчас, пока они в наших руках. Скорее всего, поход в каньон к северу от Лос-Анджелеса был путешествием в один конец!

Очевидно, что у нас еще много работы. Мы очистили Негритянские районы, и районы Чиканос, и, конечно же, Еврейские кварталы, но остались районы, включая почти половину города, где власть не в наших руках и где царит настоящий хаос. Тамошние Евреи ведут пропаганду среди реакционно настроенных Белых и с каждым днем становятся все бесстыдней.

Кое-где вообще не прекращаются демонстрации и бунты, а Евреи используют листовки и другие средства, чтобы пожар разгорелся и в других местах. С пятницы снайперы убили уже четырех наших товарищей.

Надо что-то делать, и побыстрее!

25 ИЮЛЯ.

Сегодняшний день приятно не похож на другие: я только и делал, что интервьюировал добровольцев, которые пришли на нашу территорию после Четвертого июля, чтобы отобрать человек сто для отряда специального назначения, который будет вести постоянные инженерные и ремонтные работы, до сих пор находившиеся исключительно в моем ведении и ведении моей команды.

Я беседовал с людьми, уже прошедшими первичный отбор, получившими специальное образование и работавшими инженерами или менеджерами в промышленности. Передо мной прошли примерно триста мужчин, а еще с ними около сотни жен и дети, а это показатель реального вливания свежей крови в наш регион. Не знаю, сколько у нас сейчас таких людей, но знаю, что Организация в несколько раз увеличила свою численность в Калифорнии за последние три недели - а ведь мы принимаем совсем немногих в свои ряды. Большинство или вошло в рабочие бригады, в основном сельскохозяйственные, или, если говорить о мужчинах призывного возраста, получило форму и винтовки, добытые нами в арсенале Национальной Гвардии. Таким образом, мы постепенно увеличиваем надежность, если не профессионализм нашей армии. Многие из "новичков" почти или совсем не имеют представления о воинской службе, к тому же, пока у нас нет возможности дать им идеологическую подготовку, которую получают все новые члены Организации, и все-таки они, как правило, больше симпатизируют нам, чем солдаты. Поэтому мы стараемся как можно быстрее интегрировать их в регулярные воинские части.

Я расспрашивал людей, с которыми беседовал сегодня, об их житье-бытье и семейном положении, а не только о профессиональных знаниях и навыках.

Почти всех поселили в недавно освободившихся домах в бывшем Черном пригороде Лос-Анджелеса с южной стороны. Организация устроила там в маленьком особнячке штаб-квартиру, и в этом особнячке я сегодня работал. Мне почти не пришлось выслушивать жалобы, хотя все до одного упоминали о жуткой вони в домах, в которых их поселили. Некоторые дома до того провоняли, что в них нельзя было находиться. Однако люди с энтузиазмом взялись за работу и дезинфицировали, скребли, красили с таким упорством, что уже через пару дней перемены были налицо. Я устроил инспекционную поездку, и до чего же приятно было увидеть милых Белых детишек, тихо игравших там, где прежде властвовала орда юных вопящих негров. Примерно две дюжины родителей еще работали возле домов, приводя в порядок территорию. Они собрали небольшую кучу мусора: пивные банки, пачки от сигарет, пустые картонные коробки, разбитую мебель, испорченные приборы. Две женщины размечали довольно большой участок пустоши, огораживали его и копали землю под будущий общий огород. На окнах, прежде знавших лишь рваную бумагу, теперь висели яркие занавески - думаю, сшитые их собственными руками из покрашенных простыней. На подоконниках, где всегда стояли лишь пустые бутылки, теперь красовались горшки с цветами. Большинство из теперешних жителей домов приехали сюда едва ли не с пустыми руками, бросив все и рискнув своими жизнями ради того, чтобы быть с нами. Стыдно, что у нас нет возможности сделать для них больше, однако, это те люди, которые сами умеют о себе позаботиться.

Одного из первых добровольцев я отобрал сегодня утром, чтобы он нашел где-нибудь подходящий грузовик для перевозки мусора, а также для ежедневного снабжения нас едой из ближайшего центра, где распределяют продукты, а это примерно в шести милях от нас. Он должен отвечать за рабочее состояние грузовика и за бензин, который ему придется доставать самому, пока у нас не появится время для налаживания новой системы распределения топлива. Ему около шестидесяти

лет, и прежде он был владельцем фабрики по производству синтетических материалов в Индиане, но здесь он счастлив быть и мусорщиком!

К тому времени, когда положение в городе нормализуется, жителей в нашей части Калифорнии станет немного меньше половины по сравнению с тем, что было месяц назад. Для новоприбывших у нас более чем достаточно жилья, и мы, наверно, снесем часть жилых и нежилых домов в Лос-Анджелесе, посадим деревья и устроим тут парковую зону. Но это в будущем, а ближайшая цель - временно устроить прибывших к нам людей в местах, которые надежно отделены от тех, где еще остаются очаги напряженности.

Но даже то малое, чего мы уже достигли, наполняет меня гордостью и счастьем. Это же чудо - гулять по улицам, которые всего несколько недель назад были заполнены неграми, вечно болтавшимися на перекрестках и перед подъездами домов, и видеть только Белые лица - чистые, счастливые, улыбающиеся лица людей, уверенных в своем будущем! Мы готовы на любые жертвы, лишь бы победно завершить революцию и обеспечить достойное будущее и им, и девочкам из лос-анджелесской Продуктовой Бригады № 128, и миллионам других людей в нашей стране!

глава XXIII

1 АВГУСТА 1993 ГОДА. Сегодняшний день был Днем Вербки - мрачный, кровавый день, но неизбежный. Вечером же в первый раз за много недель мирно и спокойно во всей южной Калифорнии. Зато ночь наполнена ужасом, он исходит от десятков тысяч фонарных столбов и деревьев, на которых покачиваются жуткие трупы. На освещенных местах их видно повсюду. Даже светофоры на перекрестках не остались незадействованными, и на каждом углу, который я сегодня вечером проходил мимо по дороге в нашу штаб-квартиру, тоже было по трупу, по четыре на каждом перекрестке. На единственной эстакаде всего в миле отсюда висят тридцать трупов, и у каждого на груди плакат со словами: "Я предал мою расу". Два или три - в профессорских мантиях, и все, по-видимому, из университетского кампуса. В кварталах, где мы пока еще не восстановили электроснабжение, трупы менее заметны, но ощущение витающего в воздухе ужаса там даже сильнее, чем в освещенных местах. После собрания мне пришлось пройти два неосвещенных квартала между штаб-квартирой и моим домом, и как раз посередине мне привиделся человек, якобы стоявший напротив меня.

Он молчал, и его лицо скрывала тень от кроны большого дерева, нависавшей над тротуаром. Пока я приближался к нему, но он не сделал ни одного движения, хотя загоразивал мне дорогу.

Опасаясь нападения, я вынул пистолет из кобуры. Когда же я был уже на расстоянии десятка шагов, человек, который как будто смотрел в другую сторону, начал медленно поворачиваться. Что-то неопишимо страшное было в этом, и я застыл на месте, пока он продолжал медленно поворачиваться. Легкий ветерок зашумел в листьях над нашими головами, и неожиданно лунный луч, найдя лазейку между ветками, упал прямо на молчавшего человека передо мной. Первое, что мне бросилось в глаза, был плакат, на котором большими печатными буквами было написано: "Я осквернила мою расу". Над плакатом я увидел распухшее багровое лицо молодой женщины с выкатившимися глазами и открытым ртом. И, наконец, мне

удалось разглядеть натянутую тонкую веревку, исчезавшую в листве. Очевидно, веревка немного соскользнула вниз или ветка согнулась, отчего труп касался тротуара, и складывалось впечатление, будто он, как живой человек, стоит на своих ногах.

Меня передернуло, и я поспешил уйти. Сегодня вечером таких женских трупов в городе можно насчитать много тысяч, и у всех одинаковые плакаты на груди. Это Белые женщины, которые были замужем за Неграми, Евреями и другими не-Белыми мужчинами или просто жили с ними.

Мужчин с плакатами "Я осквернил свою расу", тоже хватает, но женщин в семь-восемь раз больше. С другой стороны, около девяноста процентов трупов с плакатами "Я предал свою расу" - мужские, так что в результате число тех и других примерно одинаковое.

Те, что с плакатами "Я предал свою расу", политики, адвокаты, бизнесмены, телевизионщики, репортеры, судьи, университетские преподаватели, школьные учителя, "общественные деятели", чиновники, священники и все прочие, кто из карьерных, статусных или каких-либо еще соображений помогал в осуществлении расовой программы Системы. Система заплатила им тридцать сребреников. Сегодня мы тоже им заплатили.

Все началось в три часа ночи. Вчера было особенно много беспорядков, спровоцированных Евреями, которые, вооружившись мегафонами, подстегивали толпу на наших товарищей и подстрекали ее забрасывать солдат камнями и бутылками. В толпе кричали: "Покончить с расизмом!" и "Вечное равенство!" и другие пропагандистские лозунги, которым этих людей научили Евреи. Мне припомнились массовые демонстрации времен Вьетнамской войны. Что-что, а это Евреи умеют.

Но к трем часам ночи толпе надоела эта оргия насилия и зла, и все разбрелись по своим постелям - все кроме особенно твердолобых, которые включили на всю мощь репродукторы с вражеским вещанием - от концертов рок - музыкантов до призывов к "братству".

Отряды наших солдат, которые заранее сверили часы, одновременно и неожиданно появились сразу в тысяче кварталов, в пятидесяти районах, и у каждого начальника отряда был длинный список с фамилиями и адресами. Музыка тотчас стихла, и вместо нее послышался шум проломленных дверей, когда в них ударили крепкими ботинками.

Это походило на Ружейные Рейды четырехлетней давности, но только теперь все было наоборот - и результат более драматичен для другой стороны. У тех, кого солдаты вытаскивали из домов на улицы, выбора не было. Если они не были Белыми (в эту категорию входили и Евреи, и все, кто хоть немного отличался от Белых по виду), то их спешно строили в колонны и отправляли - без возврата - в расположенный к северу от города каньон. Даже самое слабое сопротивление, попытка что-то возразить или отстать от колонны немедленно пресекались пулей.

Что же до Белых, то почти все из них были без промедления повешены. Один из двух видов заранее подготовленных плакатов вешался на грудь, руки связывались за спиной, один конец веревки закидывался на ближайший столб или удобную ветку, а другой затягивался на шею, после чего без лишних разговоров человека

отрывали от земли и оставляли исполнять пляску смерти в воздухе, а солдаты шли к следующему по списку.

Вешание и составление колонн смертников продолжалось около десяти часов без перерыва. Когда солдаты покончили с этой страшной работой и направились в свои казармы, дело уже было к вечеру и в Лос-Анджелесе наступил мир и покой. В тех кварталах, где еще вчера мы могли чувствовать себя в безопасности только в танках, жители трепетали в своих квартирах в страхе, что их могут увидеть за задернутыми шторами. Утром у наших войск не было организованного и сколько-нибудь значительного противника, а к вечеру ни у кого не осталось даже желания стать на противную сторону. Весь день я с моими людьми был в гуще событий, осуществляя материально-техническое обеспечение.

Когда у экзекуторов закончилась веревка, мы срезали несколько миль электрических проводов. На нас же лежала ответственность и за лестницы.

Мы доставляли прокламации из Революционного Штаба в городские кварталы, предостерегавшие жителей, что любой акт возмущения, саботажа, неподчинения приказу солдата будет караться немедленной смертью. Такое же предостережение было адресовано тем, кто попытается спрятать у себя Еврея или какого-нибудь не-Белого, дать ложную информацию или скрыть информацию от наших полицейских. Наконец, там сообщалось, что в каждом квартале есть особый пункт, куда в свой день и час должен приходиться каждый житель, чтобы пройти регистрацию и получить направление на работу.

Сегодня утром около девяти часов я чуть не подрался с командиром экзекуторов возле Городской Ратуши. Там вешали наиболее известных деятелей: знаменитых политиков, популярных голливудских актеров и актрис, нескольких телевизионщиков. Если бы их кончали возле дома, как всех остальных, то никто не видел бы этого, а нам хотелось сделать их примером для широкой аудитории. По этой же причине многие священники из наших списков были отвезены в три большие церкви, где операторы с телевидения снимали их казнь.

Неприятно было то, что многих из этих людей доставляли к Городской Ратуше скорее мертвыми, чем живыми. Над ними успевали поработать солдаты, пока везли их в грузовиках.

Одна знаменитая актриса, известная своими антирасистскими взглядами, участвовавшая в крупнобюджетных межрасовых "любовных" эпопеях, потеряла почти все волосы, глаз и несколько зубов (не говоря уж об одежде), прежде чем ей на шею надели веревку. Она была вся в синяках и крови. Мне бы и в голову не пришло, что это она, если бы я не спросил. Зачем же, удивился я, устраивать публичную казнь, если никто не узнает ее и не свяжет ее прежнее поведение с наказанием?

Мое внимание привлекло движение возле одного из подъехавших грузовиков. Очень толстый старик, в котором я тотчас узнал федерального судью, ответственного за некоторые чудовищные постановления последних лет - включая право на арест, дарованное Советами Гуманитарных Связей их делегатам, сопротивлялся попыткам солдат стащить с него пижаму и облачить его в судейскую мантию.

Один из солдат повалил его на землю, после чего четверо взялись его избивать, стараясь попасть прикладами по лицу, животу, мошонке. Он был без чувств, скорее всего, мертв, когда у него на шею завязали веревку и его безжизненное тело подняли чуть ли не до середины фонарного столба. Оператор с телевидения снимал всю сцену с самого начала, и ее сразу передавали в эфир.

Мне очень не понравилось это, к тому же подобных эпизодов оказалось много, и я отыскал офицера, командовавшего солдатами, чтобы выразить ему свое негодование. Я спросил его, почему он не следит за дисциплиной, и твердо заявил, что избиение арестованных приносит нам только вред.

Мы должны показывать публике, что сильны и бескомпромиссны, когда дело касается врагов нашей расы, но нам непозволительно вести себя так, словно мы банда угандийцев или пуэрториканцев.

(Справка для читателя: Уганда - политическое подразделение на Африканском континенте Старой Эры, когда континент был населен представителями негритянской расы. Пуэрто-Рико - тогдашнее же название острова Новая Каролина, в наше время населенного потомками Белых беженцев из зараженных радиацией ареалов южно-восточных Соединенных Штатов, но до расовых чисток в последние дни Великой Революции остров населяла раса особенно отвратительных метисов.)

Кроме всего прочего, мы должны показать себя дисциплинированными, если требуем соблюдения строгой дисциплины от гражданского населения. Нам ни в коем случае не следует давать волю чувствам, будь то усталость или ненависть, наоборот, всем своим поведением мы должны демонстрировать, что служим высокой цели. Капитан буквально взорвался и заорал, чтобы я не лез в его дела. А когда я возразил, что это мое дело, он побагровел от ярости и стал кричать, мол, не я, а он отвечает тут за все и не в его силах сделать больше в трудных условиях. Потом он совершенно справедливо заявил, что Организация в последний месяц заменила половину его людей на необученных новичков, вот и не стоит удивляться такой дисциплине. А он отлично знает психологию своих людей и не зря позволяет им кое-что, так как, избивая арестованных, они убеждают себя в том, что имеют дело с врагами, заслужившими повешение. Ну, как ему возразить? Однако я с удовлетворением отметил, что, оставив меня, он направился к солдатам, которые безжалостно избивали длинноволосого женственного юношу в нелепом "ультрасовременном" одеянии - популярного "рок"-певца, и приказал им остановиться.

Немного подумав, я на многое начал смотреть с точки зрения капитана. Естественно, нам необходимо как можно скорее подтянуть дисциплину, однако на сегодняшний момент в солдатской среде надежность важнее дисциплинированности. Сколько могли, мы оттягивали применение жестоких мер против гражданского населения, и правильно делали, ведь нам удалось разоружить довольно много ненадежных военнослужащих и заменить их людьми, которые пришли к нам с вражеской территории.

Точно так же нам нужно время, чтобы солдаты привыкли к новому порядку, а мы смогли внушить им самые необходимые идеологические максимы. Мы намеренно позволяли гражданским лицам больше вольностей, чтобы у солдат не возникало чувства вины из-за применения крайних мер, а не полумер, которые еще очень долго не решили бы наши проблемы. Еще одной причиной промедления, как я узнал сегодня, было то, что составление арестных списков требовало времени. В течение

нескольких лет наши здешние товарищи так же, как наши товарищи в других местах, составляли досье на лизоблюдов Системы, на Еврейских прислужников, на теоретиков равенства и других Белых преступных посягателей на права нашей расы, помимо адресов всех не-Белых обитателей преимущественно Белых районов. Позднее нам очень пригодились адреса, которые мы бережно сохраняли до последнего дня, и в них даже не пришлось вносить изменения. Зато досье потребовали существенной доработки. И первым делом их оказалось слишком много.

Например, на Белую семью завели досье, потому что сосед однажды видел негра на их вечеринке или потому что они повесили плакат "Даешь равенство!", постоянно распространявшийся Советом Гуманитарных Связей. Но если не было ничего другого, таких людей не вносили в арестные списки. Иначе нам пришлось бы повесить больше десяти процентов Белого населения - совершенно невыполнимая задача.

Но даже если бы мы были в состоянии повесить такое количество людей, в этом не было бы никакого смысла, потому что большинство, составляющее эти десять процентов, не хуже большинства, составляющего девяносто процентов. Им промыли мозги; они сказались слабыми и эгоистичными; в них не военной преданность своей расе - однако это присуще очень многим в наши дни. Люди есть люди, и мы должны принимать их такими, какие они есть - в первое время.

В самом деле, трудно спорить с историческим фактом, подтверждающим, что человек редко бывает исключительно хорошим или плохим. Повальное большинство нейтрально с точки зрения морали - не в состоянии отличить абсолютное добро от абсолютного зла - и ориентируется на мнение тех, кто в данный момент наверху.

Если во главе хорошие люди с человеколюбивыми взглядами, то это отражается и на обществе в целом, и на отдельных людях, которые, не имея собственных взглядов и моральных ценностей, с жаром поддержат высокие устремления социума. Но если во главе плохие люди, как это было много лет в Америке, большая часть населения с радостью вываливается в грязи и ничтоже сумняшеся проникнется любой самой отвратительной и разрушительной идеей, какую только ей будут внушать.

Вот и в наше время многие судьи, многие учителя, актеры, общественные деятели и т.д., в сущности, неплохие люди и даже не циники, хотя верно служат Евреям. Они считают себя "законопослушными гражданами", какими будут считать себя и в том случае, если им придется вести себя диаметрально противоположным образом, если во главе страны будут хорошие правители.

Таким образом, нет смысла убивать всех. С нравственной незрелостью надо бороться воспитанием, и уйдут сотни поколений, прежде чем раса станет иной.

На сегодняшний день нам достаточно убрать тех, кто сознательно выбрал зло - плюс несколько сотен тысяч наших морально искалеченных "законопослушных сограждан" по всей стране в качестве примера для остальных. Повесив несколько отъявленных негодяев, совершавших преступления против своей расы, мы попробуем спасти большую часть американцев и потом переориентировать им мозги. Собственно, мы не попытаемся, мы должны это сделать. Людям нужен психологический шок, чтобы они избавились от привычного образа мыслей.

Все это понятно, но должен признаться, сегодня кое-что произвело на меня неприятное впечатление.

Когда аресты только начались, люди еще не осознали, что происходит, и многие вели себя дерзко, даже оскорбительно. Незадолго до рассвета я стал свидетелем того, как солдаты вытащили из большого дома недалеко от университетского кампуса около дюжины молодых людей, которые вместе с их неарестованными товарищами выкрикивали оскорбления и даже плевались в наших солдат. Все арестованные, кроме одного, были Евреями, Неграми и разного сорта помесями, и двух, самых крикливых, тут же застрелили, а остальных построили и повели прочь. Последней была девятнадцатилетняя девушка, уже немножко потрепанная, но еще симпатичная. Выстрелы успокоили ее, и она перестала кричать "Расистские свиньи!" на солдат, но когда она увидела приготовления к повешению и поняла, что ее ждет, то впала в истерику. Ей сообщили, что это расплата за осквернение расы, так как она жила с Черным любовником, и девушка завопила: "Почему меня?" Когда у нее на шее завязали веревку" она заплакала: "Я не делала ничего такого, чего не делали все. Почему же вешают меня? Это нечестно! А Элен? Она тоже спала с ним". Услышав ее последние слова, прежде чем у повешенной навсегда оборвалось дыхание, одна из девушек в группе молчаливых свидетелей (скорее всего, Элен) в ужасе отпрянула. Естественно, никто не ответил на вопрос: "Почему меня?" Хотя ответ простой - ее фамилия была в нашем списке, а фамилии Элен не было. Ничего "честного" в таком деле ждать нечего - и нечестного тоже. Повешенная девушка получила по заслугам. Наверно, Элен заслужила того же - наверняка теперь она здорово мучается, боясь, как бы не обнаружился ее проступок, и ей не пришлось бы заплатить ту же цену, что и ее подруге. Этот незначительный эпизод преподал мне урок политического террора. Важными предпосылками его эффективности являются произвольность и непредсказуемость наказания. В положении Элен оказалось очень много народа, и со страху они теперь будут сидеть тише воды, ниже травы.

Печально в этом эпизоде то, что девушка выразила словами: "Я не делала ничего такого, чего не делали все". Конечно же, она преувеличила, и все же, не получи она дурного примера от других, наверно, и сама не совершила бы преступления против своей расы. Пришлось ей заплатить не только за свои, но и за чужие грехи. Теперь я лучше, нежели когда бы то ни было, осознаю, как важно то, что мы закладываем в наших людях новую мораль, внушаем новое представление о фундаментальных ценностях, чтобы ими никто не мог крутить, как несчастной девушкой - как большинством современных американцев.

Такое отсутствие здоровой или естественной морали мне пришлось вновь увидеть еще до полудня.

Мы вешали группу из примерно сорока брокеров, занимавшихся землей и крупной собственностью, перед Лос-Анджелесской Ассоциацией Равноправных Собственников. Все они принимали участие в специальной программе снижения налогов для смешанных пар, которые покупали жилье в районах, заселенных преимущественно Белыми. Один из риэлтеров, крепкий симпатичный парень лет тридцати пяти, блондин, со стрижкой "ежик", отчаянно оправдывался: "Черт подери, мне никогда не нравились такие программы. Меня самого передергивало от отвращения, когда я видел смешанные пары с их полукровками-детьми. Но инспектор из головной конторы сказал, что, если я не буду работать по этой программе, меня замучают придирами".

Сам того не понимая, он признался, что в его системе ценностей на первом месте был доход, а уж потом верность расе - и это верно, к сожалению, для очень многих, кого сегодня не повесили. Что ж, он сам сделал свой выбор и вряд ли заслуживает сочувствия.

Естественно, солдаты не спорили с ним. Когда подошел его черед, они повесили его с тем же беспристрастием, с каким и остальных, молча принявших свою судьбу. У них был приказ ни с кем не вступать в споры и никому ничего не объяснять, разве что объявить преступление, за которое человек расплачивается жизнью. На них не производили впечатления даже самые убедительные вопли о невинности, и они не медлили ни секунды, слыша заявления типа "здесь какая-то ошибка". Наверняка ошибки сегодня были - ошибки в фамилиях, в адресах, в обвинениях, однако с началом казней ни о чем подобном даже речи быть не могло. Мы намеренно создавали образ непреклонной власти в умах городских жителей.

И, кажется, у нас это получилось. Едва наши отряды вернулись сегодня в казармы, как мы начали получать донесения со всего города о, скажем так, неожиданной волне убийств и избиений. Трупы, как правило, с синяками и ссадинами стали находить в переулках, на аллеях, в подъездах домов. Довольно много покалеченных людей - всего несколько сотен - было подобрано на улицах нашими патрулями. Хотя среди жертв оказалось несколько негров, мы быстро определили, что повальное большинство - Евреи. Их по каким-то причинам пропустили наши отряды, зато жители были начеку.

Допросы избитых Евреев показали, что некоторые из них прятались в Нееврейских домах. Однако после того, как мы развесили свои прокламации, бывшие защитники выкинули их на улицу. Бдительные жители, вооружившись ножами и дубинками, позаботились об остальных, которых не оказалось в наших списках. Уверен, что без жестокого урока, преподанного в День Веревки, нам не удалось бы так быстро добиться помощи от населения. Казни способствовали немедленному решению, на чьей стороне быть.

Завтра товарищи из моей команды начнут создавать гражданские рабочие батальоны, которые будут снимать трупы и переносить их в выбранное мной место. Наверно, понадобится три-четыре дня, чтобы убрать все трупы - примерно пятьдесят пять - шестьдесят тысяч - и это будет очень неприятно в теперешнюю жару.

Однако какое облегчение сознавать, что, наконец-то выполнена негативная часть задачи! Отныне настоящий труд (в хорошем смысле) - преобразование, переучивание, перестройка общества.

глава XXIV

8 АВГУСТА 1993 ГОДА.

Последние четыре дня я исполнял роль начальника вновь организованного Департамента Народных Ресурсов, Коммунальных Услуг, Связи и Транспорта (НРКУСТ) в южной Калифорнии. Эта должность временная, и максимум через десять дней ее займет другой инженер, один из добровольцев, с которыми я работал последние две недели. Ему будут помогать местные жители, которые прежде работали на государственные или муниципальные агентства или частные компании, и я уверен, ему удастся избавить наш департамент от последних "клопов".

Теперь, когда больше половины местных работников, занимавших ключевые посты, вернулись к своим обязанностям, дела идут почти нормально. Мы восстановили энергосистему, водоснабжение, канализационную систему, сбор мусора, телефонную связь на всей нашей территории - хотя подача электричества

строго нормирована. Вновь работают пятьдесят бензозаправок, и те гражданские лица, чья работа дает право на привилегии, могут заправлять там свои автомобили.

НРКУСТ несет ответственность за всю территорию от Ванденберга до мексиканской границы, и мне пришлось немало поехать, чтобы определить нужды и ресурсы отдельных районов и все скоординировать.

Я по-настоящему доволен тем, что нам удалось сделать за столь короткое время. По важности НРКУСТ занимает третье место после Военного Департамента и Продовольственного Департамента и дает работу большему количеству людей, чем все остальные агентства, которые мы тут учредили.

Одним из самых интересных аспектов моей работы было взаимодействие с Продовольственным Департаментом. Они производят еду; мы транспортируем ее, складуем и распределяем. У нас возникло несколько проблем, в основном, потому, что некоторое количество продовольствия не поступало сразу на распределительные пункты, а шло в переработку. Следовательно, Продовольственному Департаменту пришлось подумать о хранении и транспортировке урожая с полей на завод, прежде чем мы брали на себя ответственность за переработанный продукт. Кроме того, ПД требовался специальный транспорт для перевозки рабочих на место работы и обратно. Пришлось мне детально ознакомиться с работой ПД, чтобы определить, кто за что отвечает. Меня поразило то, что я увидел. ПД мобилизовал шестьсот тысяч рабочих - примерно четверть всего рабочего населения, которое мы контролируем, - для производства продуктов питания. От десяти до пятнадцати процентов этих Белых рабочих и прежде держали фермы или ранчо. Треть составляли юные добровольцы от двенадцати до восемнадцати лет. Остальные - горожане, которые прежде работали не на жизненно важных объектах и были определены в рабочие бригады под надзором ПД. Многие из этой последней группы впервые занимались настоящим делом. Это означает, что важной функцией ПД является также социальная реабилитация, поэтому наш Департамент Образования работает в тесном сотрудничестве с ПД. Каждую неделю все рабочие должны прослушать десятичасовой лекционный цикл, таким образом, они меняют в лучшую сторону отношение к эффективности своего труда, но также становятся более ответственными и на занятиях.

Воспитательный процесс продолжается и в бригадах, которые составляются на основании того, как рабочий проявляет себя в труде и учении. И надо сказать, что из общей массы уже формируются первые группы лидеров, из которых будут отбираться кандидаты в члены Организации. Несколько раз во время моего знакомства с работой ПД мне приходилось беседовать на полях с рабочими. У разных групп, сформированных из прежних социальных паразитов и из теперешних лидеров, моральное состояние было, естественно, разным, однако его никак нельзя было назвать низким.

Уже никто не сомневался, что, несмотря на трудности, неизбежные для революционных преобразований, мы уверены в производстве достаточного количества продовольствия для продолжения борьбы - однако кто не работает, тот не ест. Самое глубокое впечатление на меня произвело то, что все лица, которые я видел на полях, были Белыми: никаких Чиканос, никаких Азиатов, никаких Негров, никаких помесей. Воздух становится чище, солнце - ярче, жизнь - веселее. Всего одно преобразование, совершенное нашей революцией, а какие потрясающие перемены! Рабочие тоже чувствовали перемены, были они идейно или не были на нашей стороне. Появилось новое ощущение солидарности, братства, не эгоистического единения для выполнения общей задачи.

Вести из других регионов очень обнадеживают, хотя Система еще не сдалась, существует она только за счет откровенных и жестоких репрессий. В стране объявлено военное положение, и у правительства одна надежда на наскоро вооруженных негритянских головорезов в армии, которые должны держать Белых в страхе. Половину своих регулярных войск из-за "неблагонадежности" Система держит в казармах.

Почти везде условия жизни изменились к худшему. Электричество выключают, на транспорт и связь трудно рассчитывать, то и дело что-то взрывается, еды не хватает, убийства, массированный саботаж на промышленных предприятиях расшатывают Систему и мешают ее спокойному существованию. Наши товарищи в ячейках, ответственных за исполнение акций, настоящие герои, но у них большие потери. Сейчас у них одна цель - давить на Систему и на население, еще, еще и еще взрывая, разрушая, убивая, лишь бы не дать передышки. От новых добровольцев, переходящих через границу во все большем количестве, мы имеем информацию о том, как хаос действует на население. Белые либералы и меньшинства истерически вопят, требуя от правительства "сделать что-нибудь"; консерваторы стонут, заламывают руки, пеняют на "безответственность"; а "обыкновенные американцы" все более и более недовольны всеми: нами, Системой, Неграми, всеми либеральными и консервативными ораторами. Все, чего они хотят, это возвращения к "нормальной жизни" - к привычному комфорту, и как можно скорее.

Пропагандисты, представляющие Систему, раздули, как могли, форсированную эвакуацию не-Белых, ликвидацию преступников против расы и других враждебных и дегенеративных элементов у нас тут. Однако желанный эффект достигнут не был, разве что среди либералов и меньшинств. Основное население сейчас слишком занято своими проблемами, чтобы лить слезы над "жертвами расизма". Самый большой улов - северная Калифорния. Там черт знает что творится. Генерал Хардинг испортил все, что мог. Нам это на руку - пусть помучаются из-за консерватора; ему, как всем остальным, мозги прочищали за закрытыми дверями, вот он и получил двойную дозу тупоумия, чтобы соответствовать своему положению.

(Справка для читателя: Тернер имеет в виду генерал-лейтенанта Арнольда Хардинга. командовавшего Военно-Воздушной Базой в Трэвисе, то есть на полпути между Сан-Франциско и Сакраменто. Роль Хардинга в Великой Революции хоть и была значительной, но играл он ее всего одиннадцать недель. В конце концов он был убит отрядом Организации. Это случилось 16 сентября 1993 года после нескольких неудачных попыток.)

Если положение в Сан-Франциско и Сакраменто не улучшится в ближайшем будущем, похоже, нас втянут в гражданскую войну с войсками Хардинга. Системе это понравится. До сих пор Хардинг только одно сделал правильно - порвал с Вашингтоном в первую же неделю после событий Четвертого июля, как только стало ясно, что Система не контролирует Калифорнию. По собственной инициативе он назначил независимое военное правительство в северной Калифорнии и заставил практически всех офицеров на своей территории (естественно, кроме наших легалов) поддержать его.

Революционный Штаб принял единственно возможное решение - позволить генералу Хардингу действовать, как ему заблагорассудится, и наши товарищи получили приказ не выступать против него. В результате мы существенно снизили наши потери, так как военным пришлось претерпеть много больше неприятностей в северной Калифорнии, чем в южной.

А все потому, что Хардинг не сумел предпринять достаточно жестких мер для утверждения своей власти и изоляции негритянских солдат.

И еще он потерпел полную неудачу, не сумев взять под контроль население - опять потому, что не сумел осознать необходимость радикальных мер.

Евреи и другие Большевицкие элементы в Сан-Франциско гонят на него волну, да и Чикано в Сакраменто вот уже месяц более или менее постоянно бунтуют против него.

Когда делегация наших товарищей, посланная Организацией, придала к Хардингу и предложила объединенное правление в северной Калифорнии, чтобы войска Хардинга осуществляли охрану границ, а Организация занималась внутренними проблемами, включая полицейские функции. Хардинг арестовал ее и отказался освободить. С тех пор он печатает идиотские прокламации, в которых высказывается за "восстановление Конституции", за уничтожение "коммунизма и порнографии" и за проведение выборов для "воссоздания республиканской формы правления, взлелеянной Отцами-Основателями", что бы это ни значило.

Наши радикальные меры на юге он обличает как "коммунистические". Его пугает то, что мы не устроили всеобщего референдума, прежде чем изгнать не-Белых с нашей территории, и не судим каждого отдельно взятого Еврея и преступника против расы, которых взяли скопом.

Неужели старый дурак не понимает, что американцы сами выбрали для себя то, что теперь имеют? Неужели не понимает, что Евреи захватили страну, не нарушая Конституцию? Неужели не понимает, что простые американцы уже попробовали поиграть в самоуправление и остались ни с чем?

Куда, по его мнению, приведут выборы с поколением, привыкшим выбирать по указке телевизора, если не обратно в Еврейский свинарник. И как, по его мнению, нам следовало решать здешние проблемы, если не радикальными мерами?

Неужели Хардинг не понимает, что хаос на его территории будет только усиливаться, пока он не определит категории людей, ответственных за него, и не разделается с ними категорически - что, принимая во внимание количество Евреев, Негров, Чиканос и других возмутителей спокойствия, физически невозможно иметь дело с каждым по отдельности?

Очевидно, нет, потому что этот дурак все еще взывает к "ответственным" Негритянским лидерам и Еврейским "патриотам", чтобы они помогли ему восстановить порядок. Подобно всем консерваторам, Хардинг не может сделать то, что должно быть сделано, потому что тогда наказанию подвергнутся "невиновные" наряду с "виновными", "хорошие" Негры и лояльные Евреи наряду со всеми остальными - как будто эти слова что-нибудь значат в сегодняшних условиях. Таким образом, боясь быть "несправедливым" по отношению к отдельным людям, он совершенно беспомощен, когда все летит к черту и жители на его территории мрут,

как мухи, от голода. Генералам нужно быть из более прочного материала. Положение на севере выгодно нам в одном – у нас не иссякает поток Белых беженцев. В последние две недели больше людей бежит от анархии в Сан-Франциско, чем от Системы из других частей страны.

И пока это продолжается, интересно изучать живые, дышащие примеры трех одновременно существующих типов правопорядка: консервативный режим на севере; либерально-еврейская демократия на востоке; совершенно новый мир, поднимающийся на руинах старого, у нас.

23 АВГУСТА.

Завтра отправляюсь в Вашингтон. Четыре дня пробыл в Ванденберге, изучая ядерные боеголовки. Я в группе товарищей, которые должны собственноручно доставить в Вашингтон четыре шестидесятикилотонные боеголовки для установки их в стратегически ключевых местах вокруг столицы. Примерно пятьдесят человек – членов Ордена – обучались вместе со мной, и у каждого из них такая же миссия – быть лидером отряда. Это значит, что всего двадцать боеголовок должно быть для начала доставлено в разные части страны, а позднее за ними последуют другие.

Все боеголовки одинаковые; они взяты со склада 240-мм оружейных снарядов, найденных нашими товарищами. Мы немного поработали с ними, чтобы они стали управляемы с помощью радиосигналов. Это наша страховка на случай, если мы потеряем реактивные снаряды здесь.

Предстоящая миссия – самая трудная из всех, что у меня были до сих пор. Ее не сравнишь даже с взрывом штаб-квартиры ФБР два года назад. Пять человек должны одолеть три с половиной тысячи миль вражеской территории и, не привлекая к себе внимания, доставить на место четыре атомные бомбы общим весом больше пятисот двадцати фунтов. После этого нам предстоит так же тайком доставить бомбы туда, где их спрячут, и будут надежно охранять, чтобы ни по какой несчастливой случайности их не обнаружили.

Помимо опасностей, при мысли о которых у меня сжимается все внутри, меня мучают смешанные чувства. С одной стороны, мне совсем не хочется покинуть Калифорнию. Я участвовал в создании здесь нового общества, что было в высшей степени радостным и стоящим делом, а ведь мы пока еще в самом начале пути. Каждый день появляются новые проекты, и я хочу воплощать их в жизнь. Мы закладываем фундамент нового общественного порядка, который будет служить нашей расе следующую тысячу лет.

Для меня бесценный дар – возможность жить и работать в священном, здоровом Белом мире. До чего же чудесными были прошедшие несколько недель. Меня приводит в уныние сама мысль о том, что надо покинуть Белый оазис и опять погрузиться в выгребную яму, где помеси, Негры, Евреи и больные, крученые – верченые либералы.

С другой стороны, я не видел Кэтрин больше трех месяцев, и мне кажется, что не три месяца, а целый год. Единственное, что не давало мне стопроцентно насладиться нашими свершениями тут, так это отсутствие Кэтрин, которая не могла разделить со мной мою радость. К тому же теперь, когда многое изменилось, она и

все остальные товарищи в Вашингтоне живут в куда более трудных и опасных условиях, чем мы тут, в Калифорнии. Стоит мне подумать об этом, и я чувствую себя виноватым. Однако самое сильное чувство, которое я испытываю теперь, - ответственность. Я горд и я боюсь, ведь я все еще член Ордена с испытательным сроком, а мне доверена такая трудная и важная задача.

Мне надо постараться и забыть обо всех остальных мыслях и чувствах, пока она не будет успешно выполнена. За последние четыре дня я узнал не только, из чего состоят и как действуют боеголовки, за которые мне придется нести ответственность, но также, почему эта миссия жизненно необходима. Нам был преподан урок стратегии, который оказался в высшей степени отрезвляющим.

Члены Революционного Штаба, чьи взоры устремлены на конечную цель окончательной победы над Системой, не позволяют себе иллюзий насчет наших достижений в Калифорнии и повсеместных трудностей, испытываемых Системой. Неумолимые факты таковы:

Во-первых, Система везде за пределами Калифорнии остается сильной, и количественная разница между силами Системы и нашими силами еще более удручающая, чем это было до Четвертого июля. Поэтому мы самым отчаянным образом опустошали остальную страну, чтобы довольно долго консолидироваться тут, лишая Систему стабильности.

Во-вторых, несмотря на контролируемые нами военные силы, Система в состоянии - как только справится с возникшими моральными проблемами - без особого труда зарыть нас в землю, используя обычное вооружение. Единственное, что по-настоящему удерживало Систему, это наша угроза использовать атомное оружие против Нью-Йорка и Тель-Авива. В-третьих, наша атомная угроза вполне может быть нейтрализована. Система в состоянии первой нанести удар с очень большой вероятностью выведения из строя наших "укрепленных" пусковых установок, прежде чем мы выпустим свои снаряды. Разведка Революционного Штаба установила, что как раз такой удар сейчас в стадии планирования. Система бездействует, пока не закончилась срочная реорганизация в армии, которая позволит ей быть суверенной в политической благонадежности Армии Соединенных Штатов Америки. Тогда наступит очередь массированного вторжения, которое покончит с нами за пару дней.

Хуже всего то, что у Системы есть альтернативный план уничтожения с помощью атомной бомбы всей южной Калифорнии. Этот план разработан на тот случай, если в течение ближайших двух недель Система не удостоверится в полной надежности наземных армейских частей.

Нам еще неизвестны точные сроки, однако появились сообщения, что более двадцати пяти тысяч самых богатых и влиятельных Евреев, взяв семьи, потихоньку снялись с места и покинули Нью-Йорк за последние десять дней, причем большинство прихватило с собой только самые необходимые вещи - возможно, на двух-трех недельный срок.

Таким образом, наша стратегия потерпела поражение. Если бы мы могли всегда держать врага на расстоянии - или хотя бы пару лет - с помощью нашей угрозы атомного удара, тогда нам удалось бы свалить его. Имея Калифорнию в качестве тренировочной и снабженческой базы с Белым населением более пяти миллионов, из которых можно набирать новых борцов, мы могли бы постоянно расширять

партизанскую войну на всей территории страны. А вот без Калифорнии у нас ничего не выйдет - и Системе это известно. Значит, мы должны - и немедленно - вывезти побольше атомного оружия из Калифорнии. Тогда мы сможем взорвать хотя бы один снаряд, чтобы убедить Систему в нашей жизнеспособности.

Если Система атакует Калифорнию после этого, нам придется обрушить на нее большую часть вывезенных снарядов, чтобы навсегда лишить Систему сил для организованного сопротивления. К несчастью, большинство Белого населения страны будет обречено на гибель, если у нас не будет другого выхода. Правда, тогда возникнет опасность иноземного вторжения в нашу страну. Мрачная перспектива.

глава XXV

4 СЕНТЯБРЯ 1993 года. В Вашингтоне я уже целую неделю, но только сейчас выкроил время записать, как все было. После нашего лихорадочного путешествия по стране мы провели несколько не менее лихорадочных дней, размещая две из наших бомб. И последняя ночь стала первой после моего ночного приезда, когда мне никуда не надо было бежать и я смог побыть наедине с Кэтрин до самого утра. А завтра опять надо заниматься бомбой. Сейчас же только дневник. Наше путешествие из Калифорнии в Вашингтон было словно дурацкое кино. Хотя все события еще свежи в моей памяти, мне с трудом верится, что они происходили на самом деле. Страна до того изменилась за последние девять недель, что мы как будто завели машину времени и попали в совершенно другую эпоху - в эпоху, когда все прежние правила, заученные нами назубок в течение жизни, перестали существовать, К счастью, не только мы, но и все остальные пребывают в полной растерянности.

Я удивился тому, с какой легкостью нам удалось пересечь границу нашего анклава. Вражеские войска концентрируются в нескольких местах вдоль главных магистралей, да дополнительные небольшие группы стоят на блокпостах на других дорогах. Эти группы совсем не занимаются патрулированием, и проскочить мимо них не составляет никакого труда - вот почему так много Белых беженцев сумели просочиться на нашу территорию после Четвертого июля. На военном грузовике мы ехали на север до Бейкерсфилда, потом еще двадцать миль на северо-восток, пока в полумиле от нас не оказался блокпост с неграми. Мы видели их, и они видели нас, однако даже не попытались воспрепятствовать нам, когда мы съехали с главной дороги на ухабистый тракт Службы Леей: И вот мы у подножия горной цепи. Примерно час прыгаем на крутой, но проезжей горной дороге, после чего опять спускаемся на шоссе - к счастью, оставив позади блокпост, но уже прилично углубившись во вражескую территорию. В горах мы не очень боялись ненужных встреч; нам было известно, что войска, лояльные Системе, концентрируются возле Чайна-Лейк, на другой стороне горной гряды, а мы собирались, не доезжая, повернуть на север на шоссе 395. В случае, если бы в обратном направлении, в сторону блокпоста возле Бейкерсфилда, ехал снабженческий грузовик, мы бы попросту сбросили его с узкой горной дороги, прежде чем солдаты догадались бы, что мы "враги". Мы пятеро держали наготове наши автоматы, и еще у нас были гранатометы, но нам не встретила ни одна машина.

Однако мы знали, что, несмотря на неестественное отсутствие транспорта в горах, интенсивное движение будет на шоссе 395, главной магистрали, соединяющей север с югом, к востоку от гор. Наша разведка смогла дать нам лишь общее представление о размещении войск в этом радиусе, и мы понятия не имели,

какие блокпосты и другие контрольные пункты ждут нас дальше. Однако нам было известно, что в приграничных районах войска Системы лишь на десять процентов состояли из Белых солдат. Система постепенно восстанавливала доверие к Белым частям, но пока еще не осмеливалась использовать их на границе, где они могли поддаться искушению и перейти к нам. К немногим Белым в этом регионе, хотя и убежденным сторонникам ассимиляции, негры относились подозрительно и с презрением, которое они заслужили.

От наших разведчиков поступили донесения о нескольких случаях, когда эти Белые ренегаты подвергались унижительным оскорблениям со стороны своих Черных сослуживцев.

Принимая это во внимание, мы решили, что у нас будет больше шансов прорваться сквозь заграждения, если мы притворимся не-Белыми. Пришлось подтемнить кожу на лице и руках, и прицепить карточку с соответствующим именем на солдатскую форму.

У нас была надежда сойти за метисов - по крайней мере, пока не встретим настоящих Чикано. Четыре дня я был "Езусом Гарсией". Наш шофер, "капрал Родригез", отлично играл свою роль, салютуя левой рукой, сжатой в кулак, и белозубо улыбаясь каждый раз, едва показывалась очередная праздная группа Черных солдат на дороге, и в двух случаях, когда нас остановили на блокпостах. Мы предусмотрительно настроили наш транзистор на мексиканскую волну и включали на полную мощь душещипательные песни Чикано, как только подъезжали поближе к солдатам.

Один раз, когда мам понадобилось заправить машину, у нас появилось недолгое искушение сделать это на военной заправке, однако, увидев длинную очередь из грузовиков и лениво бродивших кругом негров, мы решили не рисковать. Вместо этого мы остановились на заправочной станции с ресторанчиком в тени торы Уитни. Нам показалось, что там никого нет, поэтому двое из нас занялись бензином, а я с остальными отправился в ресторан посмотреть, нельзя ли там разжиться какой-никакой едой в дороге.

В ресторане за столиком, уставленным пустыми бутылками и стаканами, сидели четыре довольно пьяных солдата. Трое - негр и один - Белый.

- "Есть тут кто-нибудь взять деньги за бензин и еду?" - спросил я.

- Никого нет, приятель, бери, что хочешь. Уже три дня, как мы прогнали хозяев, - отозвался один из негров.

- А сначала неплохо повеселились с их дочуркой,- хохотнув, крикнул Белый и толкнул локтем своего Черного приятеля.

Наверно, я мрачно посмотрел на него или он обратил внимание на голубые глаза "капрала Родригеза", а может, краска стала сползать с наших лиц от пота, как бы то ни было, Белый солдат вдруг посерьезнел и зашептал что-то негру. Одновременно он откинулся назад и потянулся за автоматом, который лежал на соседнем столе.

Он не успел даже прикоснуться к автомату, как я скинул свою М-16 с плеча и выпустил очередь, повалившую всех четверых на пол. Три негра умерли сразу, а Белый ренегат, хоть и раненный в грудь, умудрился приподняться и даже сесть, прежде чем жалобно спросил; "Эй, парень, какого черта?"

"Капрал Родригез" покончил с ним. Он вытащил штык из ножен, схватил умирающего Белого за волосы и приподнял его с пола, приставив штык к горлу. "Полукровочное дерьмо! Отправляйся к своим Черным "братьям" И одним беспощадным ударом "Родригез" практически обезглавил парня. Когда мы проехали миль пять, на перекрестке, где мы собирались повернуть на восток, нас ждал джип Военной Полиции, в котором сидели два негра.

Третий негр регулировал движение транспорта, направляя все машины, которым надо было на север, дальше по главной дороге. Мы проигнорировали его сигналы и повернули направо, постаравшись по возможности не приближаться к джипу. Негр-контролер изо всех сил стал дуть в свисток, и все трое полицейских свирепо замахали на нас, однако "капрал Родригез лишь белозубо улыбнулся и отсалютовал им, крича: "Siesta frijole ! Hasta la vista!"- и еще какие-то испанские слова, которые пришли ему в голову. Одновременно он многозначительно показывал на главную дорогу и жал на акселератор. Обсыпав негров пылью и гравием, мы скрылись из виду.

Негр со свистком продолжал размахивать руками, пока мы делали поворот, и таким он остался в нашей памяти. Очевидно, и он, и его напарники не сочли нужным преследовать нас, тем не менее три наших товарища, прятаящиеся в кузове, довольно долго не снимали пальцы со спусковых крючков своих автоматов. После этого и до самых предместий Сан-Луиса нам больше не встречались военные патрули. Правда, мы старались не появляться на оживленных трассах и в больших городах, держась в основном незаметных дорог. В течение семидесяти пяти часов нас болтало и трясло в горах и пустынях Калифорнии, Невады, Юты и Колорадо, потом на равнинах Канзаса и холмах Миссури, где мы останавливались только чтобы подзаправиться и справить естественные надобности. Пока двое находились в кабине, а третий следил за дорогой из кузова, еще двое пытались поспать, правда, без особого успеха. Добравшись до восточного Миссури, мы по двум причинам изменили тактику. Во-первых, по радио сообщили о взрывах в Майами и Чарльстоне и об ультиматуме Организации, предъявленном Системе, Фактор времени стал еще важнее, чем прежде; мы больше не могли позволить себе проволочек, кружа по стране. Во-вторых, опасность того, что нас остановят между Сан-Луисом и Вашингтоном уже не была столь серьезной, если учесть, что творилось в стране. И это дало нам возможность избрать другую тактику. Во время поездки мы слушали Обычное радио и ловили военные сообщения, и, когда Мы были в семьдесят милях западнее Сан-Луиса, вечернюю сводку погоды прервал специальный выпуск. Накануне днем в Майами была без предупреждения взорвана атомная бомба, как сказал диктор, убившая, по предварительной оценке, шестьдесят тысяч человек и ставшая причиной колоссальных разрушений. Вторая бомба была взорвана неподалеку от Чарльстона (Южная Каролина) всего четыре часа назад, так что число убитых и ущерб пока не назывались.

И за то, и за другое ответственность взяла на себя Организация, сказал диктор, прежде чем прочитать текст ультиматума, который я записал на листке бумаги почти слово в слово, как слышал его по радио: "Президенту, Конгрессу Соединенных Штатов Америки и командующим всех родов войск мы, Революционный Штаб Организации, предъявляем следующие требования:

- Первое. Немедленно прекратить наращивание военной мощи в восточной части Калифорнии и прилетающих районах и отозвать все планы вторжения в свободную зону Калифорнии.

- Второе. Отозвать все планы ядерной атаки на свободную зону Калифорнии и на какую бы то ни было ее часть.

- Третье. Сообщить американскому народу, используя все средства массовой информации, эти требования и следующие предостережения:

Если хотя бы одно из трех требований не будет выполнено к двенадцати часам завтрашнего дня, то есть 27 августа, мы взорвем вторую бомбу в каком-нибудь населенном центре Соединенных Штатов Америки, как мы взорвали первую в Майами, штат Флорида, несколько минут назад. И будем взрывать по одной бомбе каждые двенадцать часов, пока не будут выполнены наши требования. Мы настоятельно предупреждаем, что если будут предприняты враждебные действия против свободной зоны Калифорнии, мы немедленно взорвем пятьсот ядерных снарядов, которые уже находятся рядом с жизненно важными объектами по всем Соединенным Штатам Америки. Более сорока снарядов находятся в Нью-Йорке. Кроме того, мы немедленно используем все находящееся в нашем распоряжении ядерное оружие, чтобы избавить Палестину от Еврейского присутствия. Наконец, мы предупреждаем, что в любом случае намерены освободить сначала все Соединенные Штаты Америки, а потом и всю планету. Достигнув этой цели, мы уничтожим всех врагов нашего народа, в первую очередь тех Белых, которые сознательно помогали нашим врагам. Нам известно и всегда будет известно о самых тайных из ваших планов и обо всех приказах, которые вы получите от ваших Еврейских хозяев. Откажитесь от предательских планов в отношении вашей расы или откажитесь от всякой надежды для себя, когда вы попадете в руки людей, которых вы предали".

(Справка для читателя: Версия Тернера предъявленного Организацией ультиматума в общем верная, разве что допущены незначительные ошибки в выражениях и нет одного предложения в предпоследнем параграфе. Полный и точный текст ультиматума читайте в девятой главе основополагающей "Истории Великой Революции" профессора Андерсона.)

Мы съехали на обочину, когда услышали специальный выпуск, и нам понадобилось несколько минут, чтобы привести в порядок мысли и решить, как быть дальше. Для нас было неожиданным такое быстрое развитие событий. Наверное, наши товарищи, которые повезли боеголовки в Майами и Чарльстон, выехали на день-два раньше нас или сжигали все дороги, чтобы так быстро добраться до места. Несмотря на непрерывную гонку, мы почувствовали себя лодырями. Мы знали, что уже ничего нельзя остановить, у нас разгоралась гражданская война, и через несколько дней судьба планеты будет решена. Теперь или Евреи, или Белая раса, и все знали, что война идет не на жизнь, а на смерть. Мне пока неизвестны все подробности нашей стратегии, приведшей к ультиматуму. Неизвестно, например, почему в качестве первых целей были выбраны Майами и Чарльстон - хотя до меня дошли слухи, будто богатые Евреи, покинувшие Нью-Йорк, временно обосновались в Чарльстоне, а Майами и прежде был перенаселен Евреями. Однако почему не Нью-Йорк с двумя с половиной мегажидами? Скорее всего, в Нью-Йорк еще не были доставлены бомбы, несмотря на сказанное в ультиматуме.

И мне непонятно, почему ультиматум принял ту форму, в какой он появился на свет: только кнут и никакого пряника. Наверное, целью было обратить врага в

паническое бегство - и цель была достигнута. Не исключено, что тайные переговоры Революционного Штаба и командующих армиями Системы определили такую форму. В любом случае был достигнут эффект раскола Системы. Евреи и все политики оказались на одной стороне, военные - на другой.

Еврейская сторона требует немедленного уничтожения Калифорнии атомной бомбой, невзирая на последствия. Проклятые гои замахнулись на Избранный Народ и должны быть истреблены. Военные, с другой стороны, за временное перемирие, пока не будут найдены и обезопасены "пятьсот (простительное преувеличение) ядерных снарядов". После специального выпуска единственной нашей мыслью было как можно быстрее довести наш смертельный груз до Вашингтона. Мы понимали, что сейчас люди не в себе, и решили этим воспользоваться, превратив наш грузовик в нечто "скоромощное", чтобы ехать по прямой до места назначения. Сирены у нас не было, однако имелись передние и задние мигающие красные огни, и преобразование мы довершили через несколько минут, остановившись возле сельского магазина и купив там несколько банок с краской, которой, используя трафарет, вырезанный из старых газет, вывели на бортах символы Красного Креста.

После этого нам хватило меньше двадцати минут, чтобы доехать до Вашингтона, несмотря на хаос на дорогах. Мы съезжали на обочину, чтобы объехать стоявший транспорт; сигналив, с включенными огнями выскакивали на противоположную полосу, скакали по полям и перелескам, чтобы не застрять на перекрестках, и полностью игнорировали дорожных контролеров, когда проскакивали мимо проверочных постов, которых насчитали больше десятка.

Наша первая бомба отправилась в Форт-Бельвуар. на большую военную базу к югу от Вашингтона, где меня больше года продержали взаперти. Нам пришлось ждать два чудовищных дня, прежде чем удалось установить контакт с нашим человеком внутри, организовать переправку бомбы и надежно спрятать ее.

"Родригез" перелез через стену с бомбой, привязанной к его спине. На другой день я получил от него радиосигнал, подтверждающий успешное завершение операции. Тем временем остальные прятали бомбу в округе Колумбия, где она уничтожит пару сотен тысяч негров, когда взорвется, не говоря о правительственных учреждениях и транспортной сети.

Только сегодня днем я получил окончательные указания насчет третьей бомбы. Она отправится в Силвер-Спринг на север от Вашингтона - в центр Еврейского поселения в Мэриленде. Четвертая бомба предназначена для Пентагона, однако из-за строгой системы охраны я никак не могу найти ей место.

Должен признаться, что, вернувшись в Вашингтон, я не мог полностью сосредоточиться на работе. Хотя Организация требовала от нас полной отдачи, мы с Кэтрин старались урвать немного времени, чтобы побыть вместе. Нам и в голову не приходило, как много мы значим друг для друга, пока лето не разлучило нас слишком скоро после моего освобождения из тюрьмы.

Весной мы целый месяц были вместе и стали так близки, как только возможно, а потом меня послали в Техас, в Колорадо и, наконец, в Калифорнию. После моего отъезда и Кэтрин, и остальным пришлось нелегко, особенно после Четвертого июля. На них давили с двух сторон. Организация безжалостно требовала от них все большей активности, тогда как с каждой неделей для них возрастала опасность быть арестованными политической полицией; Система прибегла к новым методам борьбы

с нами: массированные обыски во всех подряд домах квартала или района; астрономические выплаты донщикам; более жесткий контроль деятельности гражданского населения. В других регионах эти репрессивные меры принимались время от времени и совсем не принимались там, где Система оказалась не в состоянии поддерживать порядок - особенно после паники, начавшейся из-за взрывов в Майами и Чарльстоне. Однако в Вашингтоне все оставалось по-прежнему, если не стало хуже.

Сегодня вечером мы с Кэтрин убежали из дома на пару часов и отправились бродить по городу. Мы шли мимо солдат с автоматами, прятавшихся за мешками с песком рядом с правительственными зданиями; мимо черных руин, оставшихся от станции подземки, где сама Кэтрин две недели назад заложила динамит; через парк, в котором громкоговоритель, установленный высоко на фонарном столбе, выкрикивал обращения "ко всем благонадежным гражданам", чтобы они немедленно доносили политической полиции обо всех, даже самых незначительных проявлениях расизма со стороны их соседей и коллег; оказались на одном из мостов через Потомак, на котором не было машин, потому что в пятидесяти ярдах от противоположного берега он представлял собой не что иное, как груды железобетонных обломков. Организация взорвала его в июле, и до сих пор не было заметно никаких восстановительных работ.

На мосту было необычно тихо, разве что вдалеке выли полицейские сирены, да изредка шумел над головой полицейский вертолет. Мы разговаривали, обнимались и потихоньку осматривали все, что окружало нас, пока не зашло солнце. За последние несколько месяцев нам и нашим товарищам удалось сказать свое слово - и обыкновенным Белым людям по другую сторону моста, и Системе с ее многолюдными учреждениями. И тем не менее Система пока еще полна сил. Калифорнии совсем по-другому!

Кэтрин задала мне множество вопросов о жизни в свободной зоне, и я, как мог, ответил на них, но, боюсь, словами не выразить разницу между тем, как я чувствовал себя в Калифорнии и как чувствую себя здесь. Это что-то более духовное, чем разница в политическом и социальном положении. Пока мы стояли над обломками моста, прижавшись друг к другу, и ночь опускалась на город, несколько молодых негров ступили на мост со стороны города. Они начали шуметь в своей обычной манере, и двое помочились в реку. В конце концов, кто-то из них заметил нас, и все, как один, принялись кричать нам гадости и непристойно жестикулировать. И разница, которую я не мог выразить словами, стала еще очевиднее, по крайней мере, для меня.

глава XXVI

18 СЕНТЯБРЯ 1993 ГОДА. Так много всего случилось за последние две недели, так много потерь, что мне было трудно взяться за записи. Я жив и здоров, и все же бывают моменты, когда я завидую тем десяткам миллионов, которые погибли в последние дни. Моя душа умерла, и я всего лишь ходячий труп. Все, о чем я был в состоянии думать (и это вновь и вновь возникает в моей голове), - единственное и неодолимое - Кэтрин умерла! До сегодняшнего дня, пока я не был абсолютно уверен в ее участии, это мучило меня и ни на минуту не давало покоя. Зато теперь, когда все известно, я больше не мучаюсь, просто внутри меня пустота и ее невозможно ничем заполнить.

Я занят важным делом и знаю, что должен выкинуть из головы мысли о прошлом и сосредоточиться на работе. Но сегодня я позволю себе записать свои воспоминания и свои мысли. В хаосе последних дней миллионы сгинули, не оставив следа - навсегда забытые, навсегда безымянные, а я могу, по крайней мере, заполнить эти страницы моими воспоминаниями о Кэтрин и о Событиях, в которых участвовали она и другие товарищи, надеюсь, что мой дневник переживет меня. Надо отдать хотя бы этот долг нашим погибшим товарищам, нашим мученикам: мы не должны забыть их и их дела.

Седьмого сентября, в среду, мы закончили с установкой третьей бомбы. Вместе с еще двумя товарищами из нашего отряда я забрал ее в понедельник из тайника, где осталась последняя из четырех боеголовок, и повез в Мэриленд. У меня уже было подобрано место, где я хотел ее установить, однако на той неделе движение войск вокруг Вашингтона было до того плотным, что нам пришлось просидеть в Мэриленде почти три дня, прежде чем мы нашли возможность приблизиться к нашей цели.

Движение гражданского транспорта было довольно долго затруднено из-за блокпостов, запретных территорий, контрольно-пропускных пунктов и так далее, но на той неделе оно стало почти совсем невозможным. По дороге назад в нашу типографию мы видели много машин, которые ехали в противоположном направлении и были сверх меры нагружены домашним скарбом, привязанным к дверям, капоту и крыше. А примерно в полумиле от нашего дома я наскочил на блокпост, которого не было, когда я уезжал. Поперек дороги лежала свернутая в кольца колючая проволока, а за проволокой стоял танк.

Я повернул и попытался проехать по другой улице, но она тоже оказалась заблокированной. Тогда я крикнул солдату, что еду домой, и спросил, на какую улицу лучше свернуть. "Вы нигде не проедете, - ответил тот. - Это запретная зона. Все эвакуированы еще утром. Любой гражданский, замеченный там, должен быть застрелен на месте".

Я похолодел. Что с Кэтрин и остальными?

Очевидно, что военные власти без предупреждения расширили запретную зону вокруг Пентагона до трех миль. Наш дом находился в полумиле от прежнего периметра, и нам ни разу не пришло в голову, что может что-то измениться. Тем не менее изменилось, очевидно, чтобы не дать Организации шанса разместить ядерное оружие вблизи Пентагона. В общем-то я считал, что и прежнего периметра достаточно для защиты от наших 60-килотонных боеголовок, поскольку Пентагон уже давно обзавелся противовзрывными ставнями и поставил вокруг здания противовзрывные преломители. После возвращения из Калифорнии мне так и не удалось придумать, как протащить бомбу внутрь. Я поехал на запасной пункт связи нашей ячейки, устроенный на случай чрезвычайных обстоятельств в нескольких милях к югу от Александрии, но там никто не появлялся и не было никаких сообщений для меня. У меня не было возможности связаться с Вашингтонским Полевым Штабом, чтобы узнать насчет Катрин, Билла и Кэрл, потому что все наши приемники и передатчики остались дома. Однако отсутствие моих товарищей говорило о том, что они почти наверняка арестованы.

Уже было за полночь, но я опять помчался на север, туда, где находились эвакуированные. Я думал, что, может быть, отыщу кого-нибудь из наших соседей и узнаю, что случилось с моими товарищами. Дурацкая и опасная мысль, рожденная

отчаянием, и, наверное, мне повезло, что дорога оказалась заблокированной военным грузовым конвоем, из-за которого мне пришлось съехать на обочину и проспать до утра.

Когда я наконец добрался до лагеря беженцев, то быстро убедился в почти полном отсутствии шансов раздобыть информацию. На автомобильной парковке у пригородного супермаркета и прилегающем поле поднялось море армейских палаток. На границе лагеря встали ряды биотуалетов рядом с автомобилями, все еще забитыми домашним скарбом, и здесь же были толпы беженцев и солдаты. Почти три часа я ходил в толпе, но за это время не увидел ни одного знакомого лица. Кое-кого я пытался расспрашивать, однако безрезультатно. Запуганные люди отвечали уклончиво или вовсе не отвечали. Попавшие в беду, растерянные, они не хотели дополнительных трудностей, а вопросы об арестах, свидетелями которых они, возможно, стали, грозили еще худшими бедами.

Когда я проходил мимо палатки, показавшейся мне раза в два больше остальных, то услышал доносившиеся изнутри приглушенные и истерические рыдания, прерываемые громким мужским смехом и вульгарными шутками. У входа выстроилось с дюжину Черных солдат. Я остановился, не понимая, что там творится, как раз когда два усмехающихся негра, растолкав толпу перед палаткой, вошли внутрь, таща за собой испуганную плачущую Белую девочку лет четырнадцати. Очередь насильников вновь сдвинулась. Я подбежал к Белому офицеру с майорской нашивкой, который стоял ярдах в пятидесяти от палатки, и принялся с возмущением что-то говорить, но он, не дослушав до конца даже первую фразу, с виноватым выражением на лице отвернулся и торопливо зашагал прочь. Два Белых солдата, стоявшие поблизости, стыдливо потупили взоры и тоже исчезли между палаток. Никому не хотелось быть заподозренным в "расизме". Мне стоило немало труда не выхватить пистолет и не расстрелять всех, кто попадет под руку. Я поехал в Джорджтаун, где в старом магазине подарков должны быть товарищи из Организации. Магазин располагался неподалеку от новой границы Пентагона. Уже наступили сумерки, но все-таки и решил остановиться возле задней двери.

Не успел я выйти из Машины и подойти вплотную к дому, как вдруг на мгновение кругом стало светло, словно в солнечный полдень. Сначала меня почти ослепило, потом свет стал менее интенсивным, появились тени, да и сам свет за несколько секунд из белого сделался желтым, а потом красным. Я бросился на улицу, чтобы получше разглядеть небо. От того, что я увидел, у меня в жилах застыла кровь и волосы встали дыбом на голове: В северной части неба поднималась вверх огромная светящаяся рубиново-красная луковица с темными полосами, ярко-оранжевыми и желтыми пятнами, окрашивая все кругом в мрачный кроваво-красный цвет. Видение, достойное ада.

Пока я смотрел, гигантский огненный шар продолжал расти и подниматься, и появилась черная колонна, напоминавшая ножку громадной поганки. Над колонной извивались в чудовищной пляске ярко-синие языки пламени - молнии, но без грома, который нельзя было услышать на таком расстоянии. Наконец тишину нарушил глухой и все же всепоглощающий шум: такой шум, наверное, можно ожидать, если мощное землетрясение случится в большом городе и тысяча стоэтажных зданий одновременно обратится в руины.

Я понял, что присутствую при разрушении Балтимора, расположенного в тридцати пяти милях, но почему взрыв такой силы? Неужели это одна из наших 60-килотонных бомб? Но такого можно ждать разве что от мегатонной бомбы.

В правительственных сообщениях в тот вечер и на другой день говорилось, что ответственность за взрыв боеголовки стершей с лица земли Балтимор и убивший более миллиона человек, а также за разрушение взрывной волной около двух дюжин больших американских городов лежит на Организации. В них также говорилось, что правительство предприняло контратаку и уничтожило "змеиное гнездо расистов" в Калифорнии. Как выяснилось позже, оба заявления оказались фальшивкой, но лишь через два дня мне стало известно, что произошло на самом деле.

А тогда в нестерпимом отчаянии я и еще полдюжины товарищей, поздно ночью собравшихся перед телевизором в темном подвале магазина подарков, слушали злорадное сообщение об уничтожении свободной зоны в Калифорнии. Диктор был Евреем, и он дал волю своим чувствам; никогда прежде мне не приходилось слышать и видеть что-то подобное. После торжественного перечисления большинства разрушенных в тот день городов, с предварительной оценкой человеческих потерь (например: "...и в Детройте, где товарищи-расисты взорвали два снаряда, они принесли смерть 1,4 миллионм невинных американцев, мужчин, женщин, детей всех рас..."), он перешел к Нью-Йорку. В этот момент слезы вправду навернулись ему на глаза и у него дрогнул голос.

Между рыданиями он все же сообщил, что восемнадцать ядерных взрывов уничтожили Манхэттен вместе с окружающими его районами и пригородами в радиусе примерно двадцати миль и уже убили примерно четырнадцать миллионов человек, а еще пять миллионов умрут вскоре, в течение нескольких дней, от ожогов и лучевой болезни. Потом он перешел на иврит и затянул что-то непонятное, тягучее, в то время как слезы бежали по его лицу и он бил себя кулаками в грудь.

Через несколько мгновений он очнулся, и его лицо стало совсем другим. Страдальческое выражение сменилось сначала жгучей ненавистью к тем, кто разрушил его любимый Еврейский Нью-Йорк, а потом выражением злорадства, которое через некоторое время обрело торжествующее словесное воплощение: "Но мы отомстили нашим врагам, их больше нет. Так всегда было в истории - проходит время, и то одни, то другой народ поднимается против нашего народа, пытается нас изгнать или уничтожить, но мы всегда в конце концов одерживаем победу. Никто не может устоять против нас. Все - Египет, Персия, Рим, Испания, Россия, Германия - сами были побеждены, а мы каждый раз триумфально поднимались из руин. Мы всегда выживали и благоденствовали. Вот и теперь мы окончательно сокрушили тех, кто поднял на нас руку. Подобно Моисею, покаравшему Египет, мы покарали Организацию".

У него язык был влажным, а черные глаза, поблескивая, злобно горели, когда он возносил славу якобы ядерному уничтожению Калифорнии: "Драгоценное расовое превосходство не спасло их, когда мы послали сотни ядерных снарядов на расистскую цитадель, - заходился от радости диктор. - Белые вредители дохли, как мухи. Нам остается только надеяться, в последнее мгновение они поняли, что многие верные правительству солдаты, нажавшие кнопки и отправившие в путь смертельные снаряды, были Неграми, Чиканос или Евреями. Да, Белые с их преступной расовой гордыней стерты с лица земли в Калифорнии, и теперь настало время уничтожить всех расистов во всех концах нашей страны, чтобы в Америке вновь восторжествовали расовая гармония и братство. Мы должны убить их! Убить их! Убить! Убить!.."

После этого он вновь перешел на иврит, и его голос стал тверже, набрал силу. Потом он встал со своего места и буквально прильнул к камере (живое воплощение

ненависти), вопя что-то не понятное на чужом языке и брызжа слюной, стекавшей ему на подбородок.

Это экстраординарное действие, наверно, привело в замешательство кое-кого из менее эмоциональных собратьев диктора, потому что его выключили на полуслове и заменили неевреем, который продолжал подсчеты потерь до раннего утра.

Постепенно, в течение последующих сорока восьми часов, мы узнавали правду об ужасном четверге из более точных теленовостей и из собственных источников. Первая и самая важная весть пришла рано утром в пятницу как зашифрованное сообщение Революционного Штаба всем ячейкам Организации по всей стране: Калифорния не уничтожена! Уничтожен Ванденберг, и еще два больших снаряда попали в Лос-Анджелес, причинив большие разрушения и унеся много жизней, но не меньше девяноста процентов населения свободной зоны выжило, отчасти благодаря предупреждению, полученному буквально за пять минут до взрывов, которое позволило им укрыться в убежище. К сожалению, в других местах такого предупреждения не было, и смерть настигла - включая умерших от ожогов, всякого рода ранений и радиации за последние десять дней - примерно шестьдесят миллионов человек. Снаряды, которые их убили, не были нашими, если не считать Нью-Йорка, который был сначала подвергнут обстрелу из Ванденберга, а потом из Советского Союза, Балтимор, Детройт и другие разрушенные американские города - даже Лос-Анджелес - стали жертвами советских ракет. База в Ванденберге стала единственной американской целью, пораженной правительством Соединенных Штатов Америки.

Трагической цепи событий дало начало отчаянно болезненное решение Революционного Штаба. Полученные РШ в первую неделю месяца донесения подтверждали постепенное, но неуклонное ослабление военных, которые стремились избежать ядерного столкновения с нами, и усиление Евреев, требовавших немедленного удара по Калифорнии. Евреи боялись, как бы патовая ситуация, в которой оказались свободная зона и остальная Америка, не стала постоянной, что рано или поздно закончилось бы нашей победой.

Чтобы предотвратить это, они прибегли к своим обычным закулисным методам: стали спорить, угрожать, подкупать, давить на своих оппонентов, выбирая по очереди то одну, то другую жертву. Им уже удалось сместить нескольких высших военачальников и заменить их своими ставленниками, и РШ понял, что исчезает последний шанс избежать полномасштабного обмена ядерными ракетами с правительственными войсками. Итак, мы решились. Мы ударили первыми, но не по правительственным войскам. Все наши ракеты из Ванденберга (кроме полудюжины, направленной на Нью-Йорк) полетели в две стороны: на Израиль и Советский Союз. Как только они были выпущены, РШ сообщил об этом в Пентагон, используя открытую телефонную линию. Естественно, в Пентагоне тотчас подтвердили это сообщение с помощью радаров, и им ничего не оставалось, как массивной ракетной атакой поддержать наш удар по Советскому Союзу в попытке максимально ослабить его ядерный потенциал.

Ответ Советов был страшным, но не безупречным. Они использовали все, что у них осталось, однако этого оказалось недостаточно. Несколько самых больших американских городов, включая Вашингтон и Чикаго, отделались легким испугом, Своим жестом, за которым последовал ряд неизбежных Событий, Организация добилась четырех вещей. Во-первых, ударив по Нью-Йорку и Израилю, мы полностью вывели из строя два Еврейских нервных центра, и им потребуется время, чтобы восстановить цепочку и начать вновь действовать. Во-вторых, заставив их

принять решительные меры, мы опять основательно укрепили позиции военных в правительстве США. Что касается непосредственных практических целей, то страной сейчас управляют военные.

В-третьих, спровоцировав советскую контратаку, мы достигли куда большего в подрыве Системы в нашей стране и разрушении упорядоченной жизни масс, чем если бы ударили сами по американским объектам - к тому же, мы сохранили большую часть своих 60-килотонных боеголовок? Они еще послужат нам в будущем. В-четвертых, мы устранили важную угрозу, которая могла помешать нашим планам: угрозу вторжения Советов после того, как закончится наша война с Системой. Конечно, мы очень рисковали: во-первых, Калифорния могла быть уничтожена в результате советской контратаки; во-вторых, американским военным могла изменить выдержка, и они отправили бы ракету в Калифорнию, хотя, кроме Ванденберга, там нет ни одного ядерного объекта. В обоих случаях военное счастье, хоть и скромное, было на нашей стороне - хотя угроза со стороны американских военных никоим образом не исчерпана. Потеряли мы тоже немало: примерно восьмую часть членов Организации и почти пятую часть Белого населения страны - не говоря уж о миллионах наших братьев по расе в Советском Союзе. К счастью, самые большие потери пришлось набольшие города, жители которых были в основном не-Белой расы.

В общем, стратегическое положение Организации относительно с Системой значительно улучшилось, а ведь только это и имеет значение. Мы за столько потерь, сколько потребуется - лишь бы у Системы этих потерь было больше. В затяжной войне важно лишь одно: когда рассеется дым после последней битвы, тот батальон, который останется живым, должен быть нашим. Сегодня я наконец отыскал Билла и узнал, что случилось в типографии во время эвакуации жителей. У него тоже случилась беда, он тоже очень страдал, и его рассказ был коротким, но горьким.

Эвакуацию из расширенной территории Пентагона проводили без предварительного оповещения.

Седьмого сентября около одиннадцати часов утра на улицах неожиданно появились танки, и солдаты принялись стучать во все двери, давая жителям всего десять минут на сборы. Вели они себя с беспримерной грубостью по отношению к тем, кто двигался недостаточно быстро. Когда появились танки, Билл, Кэрл и Кэтрин печатали пропагандистские листовки на прессе, и им хватило времени только на то, чтобы спрятать улики под брезент, прежде чем солдаты ворвались к ним.

Поскольку у солдат не было времени на обыск, все сошло бы неплохо, но один из негров сделал непристойное замечание Кэтрин, пока она торопливо собирала свои вещи.

Кэтрин ничего не ответила негру, лишь холодно посмотрела на него, чем, очевидно, ранила его чувство "собственного достоинства". Он же принялся канючить: "Что это с тобой, крошка? Не любишь негров?" - что у негров отлично срабатывает с якобы виноватыми Белыми девушками, отчаянно боящимися быть обвиненными в - "расизме", стоит им отвергнуть нежелательные сексуальные притязания Черных самцов.

Когда Кэтрин попыталась выйти из дома, неся два тяжелых чемодана, любвеобильный негр загородил ей дорогу и попытался запустить руку под платье. Кэтрин отскочила от него и больно ударила его пониже живота, что немедленно

остудило его пыл, но, увы, он успел нащупать кобуру. Он крикнул своим, и две стороны начали стрелять одновременно. Кэтрин и Кэрол стреляли из пистолетов, Билл - из самозарядного обрезка.

Все четыре негра были смертельно ранены, но и они успели ранить троих Белых. Когда один из негров перед смертью выполз на улицу, Биллу, который был ранен легче женщин, хватило времени лишь на то, чтобы убедиться в смерти Кэтрин, прежде чем он и Кэрол бежали через задний ход. Они спрятались на чердаке соседнего дома, и их не нашли. Кэрол быстро теряла силы из-за ран, да и Билл тоже был не в лучшем состоянии. Дождавшись следующей ночи, Билл с трудом выполз из их укрытия, чтобы добыть воды, еды и медикаментов в опустевших домах.

Кэрол умерла на четвертый день, и прошло еще пять дней, прежде чем у Билла появились силы покинуть чердак и попытаться отыскать своих. Я знаю, что Билл не стал бы врать, и мне осталось одно утешение - Кэтрин не попала живой в руки врагов. Теперь я должен полностью посвятить себя нашему делу и доказать, что Кэтрин умерла не напрасно.

глава XXVII

28 ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА. Только что вернулся, проводя больше месяца в том, что осталось от Балтимора.

Я и еще четверо товарищей привезли кое-какое портативное оборудование для измерения уровня радиации в Сидвер-Спринг, где связались с товарищами из Мэриленда и отправились дальше на север, в Балтимор. Поскольку магистрали были совершенно непроезжими, нам пришлось больше половины страны одолеть пешком, и лишь последнюю дюжину миль мы проехали на грузовике.

Несмотря на то, что после обстрела ракетами миновало больше двух недель, в Балтиморе, когда мы добрались до него, царил неопиcуемый хаос. Мы даже не пытались посмотреть на выжженный центр города, но и в пригородах, и в деревнях на десять миль к западу сгорела половина домов. Даже деревенские дороги были заставлены сгоревшими машинами, а почти все люди, которых мы встречали, передвигались пешком.

Повсюду шныряли мародеры, обыскивавшие разрушенные склады, с рюкзаками бродившие по полям, таскавшие на себе награбленные или спасенные товары - в основном еду, но также одежду, строительные материалы и все прочее - туда и обратно, как армия муравьев.

И везде трупы! Это была еще одна причина, почему стоило держаться подальше от дорог. Даже там, где сравнительно мало народа погибло от взрыва и радиации, трупы тысячами лежали на дорогах. Это были по большей части беженцы. Ближе к городу на трупах было много ожогов; эти люди не могли пройти больше мили, прежде чем умереть. Дальше лежали трупы людей, меньше пострадавших непосредственно от огня. Чем дальше от города, тем больше было мертвых людей, погибших от радиации через несколько дней, а то и недель. И все гнили там, где падали, за исключением нескольких районов, в которых военные восстановили нечто, похожее на порядок. В это время среди выживших в Балтиморе было всего около сорока членов Организации. В течение первой недели после обстрела они

продолжали саботировать, стрелять и участвовать в других видах партизанской войны против полиции и военных, а потом постепенно обнаружили, что правила игры переменились.

Они обнаружили, что больше нет необходимости действовать тайно, как прежде. Войска Системы, конечно же, отстреливались, когда на них нападали, однако не преследовали нападавших. За исключением нескольких мест, полиция больше не пыталась предпринимать систематические поиски людей и машин, не стало и рейдов по домам. Отношение к Организации установилось примерно такое: "Не трогайте нас, и мы не будем трогать вас".

Гражданское население тоже как будто предпочитало нейтральную позицию. Организацию боялись, но не ненавидели. Люди не знали, вправду ли мы виноваты в разрушении города, как утверждали средства массовой информации Системы. Однако они одинаково винили Систему за то, что она допустила такое, и нас за то, что мы такое совершили.

Холокост, через который прошли тамошние жители, окончательно убедил их в одном: Система больше не в состоянии гарантировать им безопасность. У них не осталось даже следа доверия к старому порядку; теперь они хотели только одного - выжить - и были готовы поддержать любого, кто помог бы им в этом.

Убедившись в переменах, наши товарищи начали вербовать новых членов Организации среди балтиморцев, переживших ядерное нападение, и делали это почти открыто и до того успешно, что Революционный Штаб поддержал провозглашение свободной зоны к западу от города. Одиннадцать наших товарищей, прибывших из Вашингтона для помощи, с энтузиазмом взялись за дело, и через несколько дней мы обозначили границу территории, на которой располагались две тысячи жилых домов и других зданий с населением почти в двенадцать тысяч человек. Моей главной задачей было определить радиационную зараженность почвы, домов, растительности и воды, чтобы мы могли не бояться опасного уровня радиации в результате атомного нападения.

Около трехсот местных жителей составили довольно эффективно действующую милицию, и мы снабдили их оружием. На этом этапе было бы рискованно вооружать больше народа, потому что у нас не было возможности хоть как-то идеологически воспитать местных жителей, и они до сих пор требуют тщательного присмотра или скажем, руководства. Все же нам удалось набрать лучших мужчин в этом регионе, ведь у нас есть такой опыт. Не удивлюсь, если половина наших милиционеров скоро станет членами Организации, а некоторые, возможно, - членами Ордена

Да, и уверен, - что, в общем и целом мы можем положиться на новичков. В нашей стране еще много настоящих людей, несмотря на быстро распространяющуюся коррупцию. В конце концов, она стала результатом внедрения чуждой идеологии и чуждого набора ценностей в народ, который был дезориентирован неестественным и духовно нездоровым образом жизни. Ад, через который людям пришлось пройти, по крайней мере, выбил из них часть дури и сделал их чуть более восприимчивыми, чем прежде, к правильному мировоззрению. Нашей первоочередной задачей было выявить и ликвидировать чуждые элементы и преступников против расы. Поразительно, сколько в последние десять лет перебралось в нашу страну смуглых и курчавых восточных людей. Кажется, в Мэриленде они захватили все рестораны и киоски с хот-догами. Нам пришлось убить как минимум дюжину иранцев только в

нашем небольшом пригородном местечке, и вдвое больше сбежали, как только учуяли, к чему идет дело.

Потом мы организовали рабочие бригады для разных видов необходимой работы, в частности, чтобы убрать сотни трупов беженцев. Большинство этих несчастных Белые, и я слышал, как один из наших товарищей назвал происшедшее "убийством невинных".

Не уверен, что это правильно в отношении недавнего холокоста. Конечно, мне жаль, что погибли миллионы Белых у нас и в России - и всех, кому еще суждено умереть до того, как все кончится - в войне за избавление от Еврейского ярма. Но невинные ли они?

Думаю, нет. Наверняка, это определение не подходит большинству взрослых людей.

В конце концов, разве человек не отвечает за то, что он являет собой - хотя бы в общественном плане? Если бы Белые народы всего мира не пошли за Евреями, не приняли Еврейские идеи, Еврейский Дух, этой войны не случилось бы. Вряд ли мы можем считать, что были безупречными. И не можем сказать, что у нас не было выбора, что мы не могли не попасть в Еврейскую западню. И не можем не признать, что нас предостерегали.

Умные, честные, смелые люди много раз предостерегали нас насчет последствий нашего недомыслия. И даже потом, когда мы уже встали на Еврейский путь удовольствий, у нас оставались шансы спасти себя - хотя бы пятьдесят два года назад, когда Немцы и Евреи сошлись в борьбе за владычество над Центральной и Восточной Европой.

Мы встали на сторону Евреев в этой борьбе, в первую очередь, потому, что выбрали продажных людей себе в лидеры. А выбрали мы продажных людей, потому что выбрали неправильные жизненные ценности. Наши лидеры обещали нам что-то, не требуя ничего от нас; они потворствовали нашим слабостям и порокам; они хорошо смотрелись и умели приятно улыбаться, но не имели характера, стержня. Мы не задумывались о по-настоящему важных вещах в нашей жизни и отдали бразды правления преступной Системе, чтобы она устраивала нашу жизнь по своему усмотрению, пока у нас было достаточно хлеба и зрелищ. Разве глупость, невежество, лень, жадность, безответственность и нравственная незрелость менее заслуживают порицания, чем предумышленное преступление? И разве наш грех неделанья не говорит так же плохо о нас, как Еврейский грех деланья о Евреях? В бухгалтерской книге Создателя так и записано. Природа не принимает никаких оправданий, если нет полезного действия. Ни один народ, не заботящийся о своем выживании, когда средства для этого выживания у него под рукой, не может считаться "невинным" так же, как наказание, которому он подвергается, не может считаться несправедливым, каким бы оно ни было суровым.

Сразу после нашего успеха в Калифорнии этим летом, благодаря моему общению с населением, я с абсолютной точностью уяснил для себя, почему американский народ не заслуживает определения "невинный". Реакция людей на гражданскую войну базировалась почти исключительно на том, как эта война отражалась на их частной жизни. Первые пару дней - прежде чем большинство поняло, что мы можем победить - Белые граждане, даже расово сознательные, были

настроены враждебно; мы камня на камне не оставили от их привычной жизни и сделали их погоню за удовольствиями совершенно невозможной.

Потом, когда они научились бояться нас, то стали слишком уж нам угождать. Но на самом деле их не интересовало, кто прав и кто неправ; они не могли сосредоточиться на духовном поиске и осознании добра и зла. Они как будто говорили: "Скажите нам, во что мы должны верить, и мы поверим". Им попросту хотелось как можно скорее вернуться к безопасному и комфортабельному существованию. И они не были циниками; они не были пресытившимися извращенцами, а были обыкновенными людьми.

Суть в том, что обыкновенные люди виноваты ничуть не менее не совсем обыкновенных людей, да и столпов общества тоже. Возьмем для примера политическую полицию. Большинство полицейских - Белые - сами по себе неплохие люди, но они служат плохим хозяевам и понимают, что делают; они стараются оправдаться перед самими собой, для чего некоторые пользуются патриотическими отговорками (мол, "они защищают наш свободный и демократический образ жизни"), другие - религиозными или идеологическим ("отстаивают христианские идеалы равенства и справедливости"), Можно назвать их лицемерами - можно сказать, что они по своей воле не задумывались ни о чем таком, что могло бы поставить под вопрос пустые отговорки, которыми они оправдывали себя; но разве все остальные, терпевшие Систему, не лицемеры, вне зависимости от того, поддерживали они ее активно или нет? Разве не виноваты все, кто бездумно повторяет отговорки, не желая вдуматься в их смысл и противоречия, используя их для оправдания или не используя?

Не могу представить ту часть Белого сообщества, от деревенщин из Мэриленда и их родственников, чьи радиоактивные трупы мы несколько дней назад сбрасывали бульдозерами в огромную яму, до университетских профессоров Лос-Анджелеса, повешенных на фонарных столбах в июле, которая заявила бы, что не заслужила наказания. Не так уж много месяцев прошло с тех пор, когда почти все, кто сегодня бродит по дорогам и клянет судьбу, говорили совсем по-другому. Не так уж мало наших товарищей было чудовищ - но избито в прошлом (и двое, как мне известно, были убиты, когда они попали в руки здешней деревенщины) - "добрых парней", которые, хотя и не были либералами или шаббиз гоями, не нуждались в "радикалах", стремившихся "ниспровергнуть зло". С их стороны это выло абсолютное невежество.

Однако невежество такого рода не более простительно, Чем Телячий либерализм псевдо интеллектуалов, которые много лет самодовольно рекламировали Еврейскую идеологию; или эгоизма и трусости великого американского среднего класса, который ехал по накатанной, пока не пострадал его карман. Да нет, разговор о "невинных" не имеет смысла. Мы должны все вместе задуматься над ситуацией, то есть всей расой. Мы должны понять, что наша раса похожа на больного раком, которому придется претерпеть радикальную операцию, чтобы спасти свою жизнь. Нет смысла спрашивать, была ли вырезанная ткань "невинной" или не была? Это не более разумно, чем разделять Евреев на "хороших" и "плохих" - или, как все еще настаивают наши тупоголовые "добрые парни", разделять негров на "хороших" и "плохих". Правда в том, что мы все - каждый в отдельности - ответственны за мораль и поведение нашей расы в целом. И невозможно уклониться от этой ответственности, если дистанция оказывается долгой, ни представителям нашей расы, ни представителям других рас, и каждый из нас в любой час должен быть готов. В наши дни многим уже пришлось ответить.

Но и враг тоже платит. Он все еще более или менее сохраняет здесь свою власть, но в Северной Америке ему уже вот-вот не станет места. Хотя правительство глушит зарубежные новостные программы, нелегально мы получаем сообщения от наших заморских ячеек, а также ловим европейские новости. После того как мы в прошлом месяце послали снаряды в Тель-Авив и еще в полдюжины городов, сотни тысяч арабов перешли через границу оккупированной Палестины. Большинство было гражданским населением, вооруженным ножами и дубинками, и Еврейские пограничники убивали их тысячами, пока у них не кончились боеприпасы. И тогда ненависть Арабов, не находившая выхода сорок пять лет, смела их - Арабы шли по минным полям, на Еврейский автоматный огонь, в радиоактивный хаос горящих городов, лелея одну-единственную мысль: уничтожить людей, которые украли их землю, убили их отцов, унижали два поколения их сородичей. Через неделю они перерезали горло последним Евреям, выжившим в последнем кибуце и в руинах Тель-Авива.

Новости из Советского Союза очень скудны, однако и из них ясно, что Русские разделались с Евреями примерно таким же образом. Еще в первые дни Русские, выжившие в руинах Москвы и Ленинграда, хватали Евреев и бросали их в горящие дома или на горящие кучи строительного мусора. Антиеврейские бунты разразились в Лондоне, Париже, Брюсселе, Роттердаме, Буэнос-Айресе, Йоганнесбурге и Сиднее.

Правительства Франции и Нидерландов, окончательно прогнившие под Еврейским влиянием, пали, и население начало сводить с Евреями счеты в городах и деревнях обеих стран. Такое, как известно, не раз случалось в средние века - каждый раз, когда люди больше не могли терпеть Евреев и их трюки. К несчастью, они никогда не доводили дело до конца, не доведут и на этот раз.

Уверен, что у Евреев уже есть план, как вернуть утраченное, когда люди успокоятся и все забудут. У людей короткая память!

А вот мы не забудем! И этого хватит, чтобы подобное больше не повторилось. Неважно, сколько нам потребуется времени, и неважно, до какого предела мы дойдем, мы будем требовать окончательного расчета между нашими двумя расами. Если Организация выживет в этом противостоянии, то Евреи нет - нигде. Мы пройдем всю землю, сели понадобится, чтобы на ней не осталось ни одного порождения Сатаны. Организационные принципы, которые мы использовали в Мэриленде, немного отличаются от тех, что были взяты нами на вооружение в Калифорнии, потому что тут сложилась другая ситуация. В отличие от южной Калифорнии, здесь нет природных, географических барьеров, нет и кольца правительственных войск, в Калифорнии отделявшего нас от всей остальной страны. Естественно, мы сделали, что смогли. Первым делом определили периметр нашего анклава, проведя его в местах, свободных от возведенных людьми построек - хотя примерно на протяжении полумили такая "дыра" занимает всего сто ярдов по правую сторону от магистрали, по другую сторону которой стоят правительственные войска. Кое-где на открытых пространствах мы протянули колючую проволоку и поставили мины, а также сожгли дома и очистили территорию вне анклава, чтобы там не могли укрыться снайперы или воинские соединения.

Однако если жители нашего анклава захотят убежать, нашей милиции будет не под силу остановить их, разве что одного-другого. Если мы все же хотим удержать их, то это зависит от трех вещей, гораздо более важных, чем страх быть застреленными. Во-первых, мы дали этим людям порядок и гораздо лучше поддерживаем его на своей территории, чем правительство - на своей. Пройдя через

хаос, все ждут сильной власти и дисциплины, кроме наиболее идеологически обработанных, которые хотят жить по принципу "не лезьте ко мне".

Во-вторых, мы уже неплохо потрудились, налаживая снабжение продовольствием и водой жителей анклава, у нас есть большой накопитель воды, который мы по мере надобности наполняем из существующих колодцев; еще у нас есть два практически не тронутых склада с продовольствием и почти полный амбар с зерном; четыре работающие фермы (включая одну молочную), которые в состоянии накормить половину населения. Сегодня мы пополняем запасы еды, совершая налеты на склады вне анклава, однако к тому времени, когда все будут работать, чтобы не пропал ни один клочок пахотной земли, необходимость в этом отпадет. Последнее, и не менее важное, заключено в том, что все жители анклава - Белые без всяких примесей (мы проверяли всех, кто вызывал сомнения), тогда как вне анклава кого только не увидишь: почти беспримесных Белых, Полукровок, Цыган, Чиканос, Пуэрториканцев, Евреев, Негров, Азиатов, Арабов, Персов и всех прочих, кто только есть на земле. Настоящий космополитский гуляш, какой сегодня можно наблюдать в любом американском городе. Любой, кто ощущает потребность в "братстве", в Еврейском образе жизни, может покинуть наш анклав. Но сомневаюсь, что это нужно многим.

2 НОЯБРЯ.

Сегодня вечером у нас было длинное собрание, на котором нас инструктировали насчет последних национальных достижений и новых приоритетов в местной программе действий.

За последние шесть недель произошло на редкость мало изменений в стране; правительство почти ничего не сумело сделать, чтобы восстановить порядок в разоренных районах или компенсировать урон, нанесенный транспортной сети, энергетической системе, системе определений и другим важным системам национальной экономики. В общем люди остались без поддержки, пока Система разбиралась с собственными проблемами, из которых не самой последней было вновь возникшее недоверие к военным силам. Отсутствие перемен само по себе весьма замечательно, ведь это означает, что Система не восстановила и тот контроль над страной, который был у нее до восьмого сентября. Правительство оказалось не в состоянии совладать с хаосом, который теперь царит во многих регионах. Естественно, наши ячейки делали все возможное, чтобы продлить нестабильное положение в стране.

А Революционный Штаб, судя по всему, ждал, что будет дальше, прежде чем решать, какой будет новая фаза стратегического курса Организации. Наконец, решение принято, и теперь надо во многих местах делать то, что мы целый месяц делали в Мэриленде. Теперь наша борьба будет не столько Партизанской, сколько открытой и полуоткрытой организацией жизни. Это замечательная новость: она означает новое наступление на Систему - наступление, которое предпринимается, так как мы уверены, что успех в борьбе теперь принадлежит нам! Но прежняя фаза не завершилась, и самая большая опасность широкомасштабных военных действий грозит Калифорнии. Правительственные войска группируются в Южной Калифорнии, и нападение на свободную зону кажется неминуемым. Если Система преуспеев в Калифорнии, то такому же нападению подвергнется Балтимор и другие анклавы, которые мы сумеем создать в будущем, несмотря на наши угрозы ядерного

возмездия. Мне кажется, проблема в клике консервативных генералов, собравшихся в Пентагоне, которые считают нас в первую очередь угрозой для себя, а уж потом для страны. У них нет любви к Евреям, и им не то чтобы нравится сегодняшнее положение вещей, когда они de facto стали правителями страны. Наверное, они предпочли бы узаконить военное положение, а потом постепенно восстанавливать порядок с новым Status quo, которое будет исходить из их реакционных и недалёковидных взглядов. Мы же, естественно, ложка дёгтя в бочке мёда, и им не терпится прикончить нас. Особенно опасными их делает то, что они не боятся наших ядерных возможностей, в отличие от своих предшественников.

Им известно, что мы в состоянии разрушить ещё много городов и убить очень много людей, но они не верят в то, что мы это сделаем.

В частном порядке я около часа беседовал с майором Уильямсом из Вашингтонского Полевого Штаба о нападении на Пентагон. Другие важные командные центры армии или перестали существовать после восьмого сентября, или слились с Пентагоном, который высшее начальство рассматривает как неприступный. И они, черт их подери, правы. Мы изучили каждую возможность, какая только приходила нам в голову, и все наши наметки оказывались неубедительными - кроме одной. Пентагон надо взрывать с воздуха.

В мощном оборонительном кольце вокруг Пентагона есть и противоздушные орудия, но мы решили, что маленький самолетик, летящий низко над землей, сможет одолеть трехмильную полосу, имея на борту одну из наших 60-килотонных боеголовок.

Одно уж точно за нас: никогда прежде мы не предпринимали ничего подобного, поэтому можем надеяться, что застанем противоздушную команду врасплох.

Хотя военные охраняют все гражданские аэродромы, случилось так, что старенький самолет, о которого распыляли средства борьбы с вредителями, оказался в амбаре всего в нескольких милях от нас. Мне тотчас поручили к следующему понедельнику подготовить подробный план воздушной атаки на Пентагон. Тогда же будет принято окончательное решение и назначен день операции.

глава XXVIII

9 НОЯБРЯ 1993 ГОДА.

Еще три часа до рассвета, и все готово к "пуску". Я могу воспользоваться оставшимся временем, чтобы написать несколько страниц - несколько последних страниц в моем дневнике. Для меня полет к Пентагону будет путешествием в один конец. Боеголовка лежит на сидении переднего кресла старенького "Стирмана" и сдетонирует от удара или когда я щелкну выключателем.

Очень надеюсь, что мне удастся пролететь на самой малой высоте прямо над центральной частью Пентагона. Если не удастся, то я, по крайней мере, попытаюсь пролететь как можно ближе, прежде чем меня убьют. Больше четырех лет я не сидел за штурвалом, но у меня было время освоиться в "Стирмане" и узнать его особенности: особых проблем с пилотированием я не предвижу. Амбар-ангар находится всего в восьми милях от Пентагона. Мы тщательно прогреем мотор в

амбаре, и когда дверь откроется, я полечу на максимальной скорости в сторону Пентагона на высоте примерно в пятьдесят футов, К тому времени, когда я достигну оборонительного рубежа, скорость будет уже около ста пятидесяти миль в час, и мне понадобится еще семьдесят секунд, чтобы достичь цели. Две трети военных, собранных вокруг Пентагона, Ни, и это существенно увеличивает мои шансы. Небо всё ещё будет в тяжелых тучах, и света хватит только для ориентировки по знакомым объектам. Самолет мы покрасили так, чтобы он стал почти невидимым в предполагаемых погодных условиях, к тому же я собираюсь лететь слишком низко для радаров. Суммируя все, я считаю, что у меня великолепные шансы.

Жаль, мне не придется стать свидетелем окончательной победы нашей революции, но я счастлив, что именно мне доверена столь важная миссия. В эти последние часы моей физической жизни меня успокаивает мысль, что из триллионов мужчин и женщин моей расы, когда-либо являвшихся на эту землю, я смогу сыграть роль, оказавшуюся по силам совсем немногим людям, которые участвовали в определении судьбы всего человечества. То, что мне предстоит сегодня, войдет в анналы истории моей расы как нечто более значительное, чем все завоевания Цезаря и Наполеона - если я справлюсь!

Я должен справиться, иначе нашу революцию ждут суровые испытания. Революционному Штабу стало известно, что Система собирается начать вторжение в Калифорнию не позже, чем через сорок восемь часов. После того как Пентагон отдаст приказ, нам не удастся помешать вторжению. Так что, если у меня не получится, у нас не будет времени предпринять что-нибудь еще. В понедельник вечером, когда мы приняли окончательное решение насчет моей операции, я прошел через ритуал Единения. На самом деле ритуал продолжался все последние тридцать часов и не закончится еще три часа; только когда наступит мгновение моей смерти, я стану полноправным членом Ордена. Полагаю, для многих это прозвучало бы довольно мрачно, но не для меня. После суда в марте я знал, что меня ждет, и благодарен, ведь мой испытательный срок сокращен до пяти месяцев - отчасти из-за наступившего кризиса, отчасти из-за признания моей работы после марта, заслуживающей высшей похвалы. Церемония, имевшая место в понедельник, оказалась более трогательной и прекрасной, чем я Представлял. Больше двухсот членов Ордена собрались в подвале магазина подарков в Джорджтауне, откуда убрали все перегородки и составленные ящики, чтобы мы все могли поместиться. Тридцати новым членам Ордена был установлен испытательный срок, и восемнадцать, включая меня, прошли через ритуал Единения. Однако меня выделили особо из-за моего уникального статуса.

Когда майор Уильямс назвал меня, я сделал шаг вперед, а потом повернулся лицом к безмолвному морю фигур в плащах. До чего же это было непохоже на малочисленное собрание всего два года назад, когда всего семь человек собрались ради моего посвящения в члены Ордена? С поразительной быстротой Орден разрастается, несмотря на его жестокие законы.

Я отлично понимал, какие черты характера и какая жертвенность требуются от каждого человека, стоявшего передо мной, и меня распирало от гордости. Это не были мягкотелые консервативные бизнесмены, собравшиеся ради масонской мумбы-юмбы; это не были крикливые, пропитанные пивом мужланы, выпускавшие немного пара по поводу "проклятых Ни"; это не были благочестивые испуганные прихожане, молившие о поучении и защите антропоморфное божество. ЭТО БЫЛИ НАСТОЯЩИЕ МУЖЧИНЫ, БЕЛЫЕ МУЖЧИНЫ, с которыми я был един по духу и осознанию себя и мира так же, как по крови.

Пока факелы освещали грубые серые плащи неподвижной толпы людей, я думал: "Это лучшие люди моей расы, которые только есть в одном поколении, и они равны лучшим представителям любого другого поколения. В них соединились огненная страсть и ледяная дисциплина, глубокая образованность и постоянная готовность к действию, сильное чувство собственного достоинства и полное подчинение себя общей цели. От них зависит будущее. Они - авангард грядущей Новой Эры, они - пионеры, которые выведут нашу расу из ее сегодняшнего униженного состояния и укажут ей путь к неведомым вершинам. И я - один из них." И тогда я сказал короткую речь:

"Братья! Два года назад, когда я в первый раз вошел в ваши ряды, я посвятил свою жизнь нашему Ордену и той цели, ради которой он существует. Но тогда я дрогнул и не до конца исполнил свои обязательства перед вами. Теперь я готов исполнить свои обязательства до конца. Я предлагаю вам свою жизнь. Вы принимаете ее? "

И они громко ответили, как один: "Брат! Мы принимаем твою жизнь. В ответ мы предлагаем тебе вечную память. Твой подвиг не будет напрасен и не будет забыт до конца времен. Мы клянемся тебе в этом своими жизнями". Я знаю, насколько человеку дано что-нибудь знать, что Орден не обманет меня, как я не обману Орден. Жизнь Ордена больше, чем сумма жизней его членов. Когда говорит весь Орден, как было в понедельник, то это глубже, древнее и мудрее, чем, если бы говорили всё по отдельности - и это не может умереть. К этой жизни Ордена я собираюсь приобщиться.

Конечно, мне хотелось бы иметь детей от Кэтрин, чтобы обрести бессмертие другого рода, но чего не случилось, того не случилось. Я доволен. Уже десять минут, как прогревают мотор, и Билл подает мне знак, что пора идти. Остальная команда спряталась от взрыва в яме под амбаром. Мой дневник я отдам Биллу, а он спрячет его вместе с книгами.

ЭПИЛОГ

Дневник Эрла Тернера заканчивается так же просто, как начинается.

Его последняя миссия была, естественно, успешной, о чем нам каждый год напоминает девятое ноября - наш традиционный День Мучеников.

После того как был разрушен главный военный центр Системы, войска, сосредоточенные вокруг той части Калифорнии, что контролировалась Организацией, продолжали ждать приказа, который так и не поступил к ним. Моральное разложение, растущее дезертирство, усугубляющаяся недисциплинированность Черных солдат и, наконец, неспособность Системы наладить снабжение своих войск в Калифорнии закончились Постепенным уменьшением угрозы вторжения. В конце концов, Системе пришлось заняться перегруппировкой войск в других местах, где начались беспорядки.

А потом, как со страхом предвидели Евреи, поток активистов Организации повернул на сто восемьдесят градусов по сравнению с тем, что было в последние месяцы и недели перед Четвертым июля 1993 года. Из десятков тренировочных лагерей в свободной зоне сначала сотни, а потом тысячи идейно подготовленных

партизан проскальзывали через кольцо правительственных войск и отправлялись на восток.

С этими партизанскими силами Организация, оценив пример балтиморских товарищей, быстро обустроила десятки новых анклавов, в основном, в разоренных ядерным оружием регионах, где власть Системы была ослаблена.

Изначально самым важным из них был детройтский анклав. Несколько недель после ядерного нападения восьмого сентября в Детройте царила кровавая анархия. Постепенно нечто похожее на порядок было восстановлено, правда, Система делила власть с лидерами нескольких Черных банд. Несмотря на то, что там было несколько более или менее изолированных Белых цитаделей, которые держали рыщущие толпы Черных грабителей и насильников на расстоянии, большая часть дезорганизованных и деморализованных Белых жителей в Детройте и за его пределами не могла дать эффективного отпора неграм и, как в других местах с многочисленным Черным населением, подвергалась чудовищному террору. В середине декабря Организация взяла инициативу в свои руки. Одновременно было предпринято несколько молниеносных атак на военные укрепления Системы в Детройте, которые принесли Организации легкую победу. Тогда же Организация установила в Детройте те образцы поведения, которым вскоре стали следовать повсюду. Всем плененным Белым частям, сложившим оружие, было предложено сражаться на стороне Организации против Системы. Тех, кто, не медля, согласился, отвели в сторону для предварительного допроса, а потом отправили в лагеря для идеологической обработки и специального инструктажа. Остальные были расстреляны на месте, без дальнейших церемоний.

С той же безжалостностью Организация отнеслась к Белому населению. Когда товарищи из Организации явились в Белые цитадели в пригородах Детройта, первое, за что они взялись, была ликвидация большинства местных лидеров во имя установления неоспоримой власти Организации. Не было ни времени, ни сил для урезонивания тех близоруких Белых, которые стояли на том, что они не "расисты" и не "революционеры" и не нуждаются в помощи "посторонних агитаторов" в решении своих проблем, или тех, которые были консерваторами или попросту местными "патриотами". Белые в Детройте и других новых анклавах были организованы больше по описанному Эрлом Тернером балтиморскому, нежели калифорнийскому, образцу, разве что еще торопливей и небрежней. В большинстве районов не было возможности для упорядоченной и широкомасштабной операции по отделению не-Белых, как это было в Калифорнии, и кровавая расовая война тянулась месяцами, принимая жуткие формы для тех Белых, которые оказывались вне жестко управляемых Организацией исключительно Белых анклавов.

Зимой 1993-1994 годов сложилось критическое положение с продовольствием. Негры занялись каннибализмом, в точности как в Калифорнии, тогда как сотни тысяч истощенных Белых, которые прежде игнорировали призыв Организации подняться на борьбу с Системой, стали появляться у границ свободных зон, моля накормить их. У Организации были возможности накормить лишь то Белое население, которое уже было под ее контролем, да и то, установив самый жесткий рацион, поэтому приходилось поворачивать толпы вновь прибывших обратно.

Оставляли только детей, женщин детородного возраста и крепких мужчин, выражавших желание сражаться в рядах Организации, но их подвергали куда более жестокой проверке, чем это было в Калифорнии, когда разделяли Белых и не-Белых. Теперь считалось недостаточным быть Белым; чтобы получить право на еду, надо было быть носителем особенно ценных генов. В Детройте впервые (но позднее

принято всеми) крепкого Белого мужчину, который хотел войти в анклав Организации, один раз кормили чем-нибудь горячим, после чего давали ему штык или другое холодное оружие. Пометив ему лоб несмываемой краской, мужчину отправляли обратно, чтобы он добыл себе право на постоянное пребывание в анклаве, принеся голову убитого им негра или любого другого не-Белого врага. Это позволяло надеяться, что драгоценная еда не будет растрачена попусту на тех, кто не хочет или не может присоединиться к военным силам Организации, однако, для слабых телом и духом Белых людей это означало смерть.

Десятки миллионов погибли только в первой половине 1994 года, а самой низкой отметки в пятьдесят миллионов Белое население страны в целом достигло в августе того же года. Однако к тому времени почти половина оставшихся в живых Белых находилась в анклавах Организации, а там производство и распределение еды росло и постепенно стало достаточным для предотвращения голодной смертности. Несмотря на то, что центральное смешанное правительство еще существовало, военные и полицейские силы Системы практически были раздроблены и представляли собой независимые местные части, основным занятием которых была добыча еды, выпивки, бензина и женщин. И Организация и Система избегали широкомасштабных действий, друг против друга. Организация ограничивалась короткими, но мощными атаками на места концентрации войск и другие важные Объекты, а Система защищала себя и свои источники снабжения, в некоторых районах пытаясь также сдержать дальнейшее распространение анклавов Организации. Тем не менее, эти анклавы расширились и увеличивались числом в течение всех пяти Черных Лет, предшествовавших Новой Эре. Одно, время в Северной Америке было почти две тысячи отдельных анклавов, контролируемых Организацией. Но вне этих зон порядка и безопасности все страшнее становились анархия и дикость, потому что единственной реальной властью там были мародерствующие банды, охотившиеся друг за другом и за неорганизованным и беззащитным населением.

Многие банды состояли из Негров, Пуэрториканцев, Чиканос и полукровок. Однако все больше появлялось Белых банд, сформированных по расовому признаку без всякого участия Организации. По мере того как продолжалась война на уничтожение, миллионы мякотелых, городских, идеологически обработанных Белых постепенно обретали мужество. Остальные умерли.

Естественно, успешно действовавшая Организация не обходилась без неудач. Одной из самых значительных стала ужасная Питсбургская Резня в июне 1994 года. В мае того же года Организация освободила там анклав, изгнав тамошние военные силы, верные Системе, однако недостаточно быстро идентифицировала и ликвидировала местных Евреев. Некоторое количество Евреев объединилось с Белыми консерваторами и либералами, и у них было время разработать план свержения власти Организации. В результате войска Системы с помощью "пятой колонны", действовавшей внутри анклава, вновь захватили Питсбург. Впавшие в ярость Евреи и Негры устроили там массовое побоище, похожее на худшие акции большевистской Революции, спровоцированной Евреями в России семьдесятю пятью годами раньше. К тому времени, как закончился кровавый пир, почти все Белые или были убиты, или бежали. Уцелевшие члены Питсбургского Полевого Штаба Организации, чья нерешительность в отношении Евреев привела к катастрофе, были взяты под стражу и застрелены специальным дисциплинарным отрядом, который подчиняется только Революционному Штабу.

После девятого ноября 1993 года Организация всего один раз была вынуждена применить ядерное оружие на Северо-Американском континенте, и это случилось

годом позже в Торонто. В 1993 и 1994 годах сотни тысяч Евреев бежали из Соединенных Штатов в этот канадский город, сделав из него почти второй Нью-Йорк и используя его как командный пункт в войне, бушевавшей на юге. Поскольку теперь война шла между Евреями и Организацией, то граница между Соединенными Штатами и Канадой не имела особого значения в более поздние фазы Великой Революции, и в середине 1994 года к северу от границы было ненамного меньше хаоса, чем к югу.

Во время Черных Лет ни Организация, ни Система не могли надеяться на решающее превосходство друг над другом, во всяком случае, пока обе стороны владели ядерным оружием. В первое время, когда военные силы Системы намного превосходили военные силы Организации, только ядерная угроза со стороны Организации, имевшей в своем распоряжении больше ста боеголовок, спрятанных в многонаселенных районах контролируемых Системой, не один раз удерживала Систему от вторжения в свободные зоны, подвластные Организации. Позднее, когда разрастание Организации и ослабление военных сил Системы из-за дезертирств нарушили баланс сил в пользу Организации Система все еще продолжала контролировать ряд военных частей, имевших ядерное оружие и, грозя использовать это оружие, вынудила Организацию даже не покушаться на несколько цитаделей Системы.. Однако и элитные, имевшие ядерное оружие войска не были не тронуты дезертирством, которое ослабляло Систему, и они могли лишь задержать на время то, что было неизбежно. Тридцатого января 1999 года было подписано важное Омахское Перемирие, и последние генералы Системы капитулировали под натиском Организации, обещавшей им и их семьям спокойную жизнь и мирную смерть. Обещание было сдержано, и для генералов была устроена специальная резервация на острове не очень далеко от калифорнийского побережья.

Потом, естественно, наступило тяжелое время, когда началась охота за остатками не-Белых банд и их истребление, за чем последовало окончательное очищение выжившего Белого населения от нежелательных в расовом смысле элементов. От освобождения Северной Америки до начала Новой Эры на всей планете прошло совсем немного времени, меньше одиннадцати месяцев. Профессор Андерсон записал и детально проанализировал события этого критического периода в своей "Истории Великой Революции". Здесь же достаточно заметить, что, когда были уничтожены главные центры всемирного Еврейства, когда была предотвращена ядерная угроза со стороны Советского Союза, исчезли препятствия на победном пути Организации. Уже с 1993 года у Организации были активные ячейки в Западной Европе, и они росли с поразительной быстротой те шесть лет, что предшествовали победе в Северной Америке. В Европе либерализм получил свое так же, как в Америке, и почти везде старый порядок напоминал сгнившую раковину, лишь внешне производившую крепкое впечатление. Гибельный экономический кризис в Европе, последовавший за кончиной Системы в Северной Америке, очень помог в моральной подготовке европейского населения к окончательной победе Организации. Окончательная победа пришла в повсеместном европейском подъеме летом и осенью 1999 года, который как очистительный ураган промчался по континенту, за несколько месяцев убрав с лица земли тысячелетнюю чуждую идеологию и вековое моральное и физическое разложение. В больших европейских городах на улицах было по колено крови, когда предатели расы, потомки нечистых браков, орды гастарбайтеров встретили уготованную им общую судьбу.

А потом великая заря Новой Эры поднялась над Западным миром.

Единственным сильным центром на земле, не подчинившимся Организации, остался Китай. Организация решила на несколько лет отложить решение китайского

вопроса, однако Китайцы сами спровоцировали Организацию на немедленную и радикальную акцию. Естественно, сразу после ядерного удара восьмого сентября 1993 года Китайцы заняли азиатские районы Советского Союза, однако до осени 1999 года они оставались восточнее Урала, укрепляя огромную, новую, завоеванную территорию.

Когда же осенью 1999 года один за другим народы Европы были освобождены Организацией, Китайцы решили наложить руку на европейскую часть России.

Организация всеми своими силами противостояла этому захвату, используя ядерное оружие, чтобы вывести из строя довольно примитивное ядерное оружие Китайцев, и стратегические бомбардировщики, чтобы уничтожить новые скопления китайских войск к западу от Урала. К несчастью, эта акция не задержала Желтую волну, хлынувшую на север и запад из Китая.

Организации требовалось время для реорганизации и переориентации европейского населения, попавшего под ее власть, прежде чем она могла надеяться обычным образом справиться с огромным количеством китайских пехотинцев, хлынувшим через Урал в Европу; всех ее войск в то время едва хватало для наведения порядка на освобожденных, но беспокойных территориях восточной и южной Европы.

Поэтому Организация прибегла одновременно и широкомасштабно к химическому, биологическому и радиологическому оружию, чтобы справиться с проблемой. За четыре года примерно шестнадцать квадратных миль земной поверхности от Уральских гор до Тихого океана, от Северного Ледовитого океана до Индийского океана были эффективно стерилизованы. Таким образом, возникла Великая Восточная пустыня.

Только в последние десять лет некоторые районы Великой Восточной пустыни были объявлены безопасными для жизни. И даже если так, то "безопасны" они лишь в том смысле, что яды, пропитавшие эту землю сто лет назад, больше не таят в себе непосредственной опасности. Но всем известно, что орды мутантов, кочующие по пустыне, опасность ничуть не меньшая, и потребуются еще сто лет, чтобы исчез последний из них, и Белое население вновь утвердило свое присутствие на огромной территории.

Это случилось в 1999 году или, согласно хронологии Новой Эры, через сто десять лет после рождения Великого, когда мечта о Белом мире наконец-то стала реальностью. Благодаря бесчисленным тысячам смелых мужчин и женщин, членам Организации, пожертвовавшим своими жизнями в предшествующие годы, эта мечта оставалась живой, пока ее реализацию уже никак нельзя было отрицать.

Среди этих бесчисленных тысяч и Эрл Тернер сыграл важную роль. Он заслужил для себя бессмертие в тот сумрачный ноябрьский день сто шесть лет назад, когда честно исполнил свой долг перед расой, перед Организацией, перед священным Орденом, который принял его в свои ряды. Своим подвигом он, несомненно, содействовал исполнению мечты о новой жизни и процветании своей расы, о том, что Организация добьется всемирной политической и военной власти, о том, что Орден будет мудро и благотворно править землей во веки веков.

Последние годы жизни Пирс провел в Западной Вирджинии. Он по-прежнему руководил "National Alliance", издавал журналы ("National Vanguard magazine", "Free Speech" и "Resistance") и книги в своей издательской фирме "National Vanguard Books, Inc.", управлял своей звукозаписывающей компанией "Resistance Records", а так же вел еженедельное радио-шоу "Речи Американского Диссидента" (American Dissident Voices).

Некоторые из этих откровенных речей Вы можете прочесть в переводе на сайте <http://cagal.clan.su/>.

Кроме того, сайт <http://cagal.clan.su/> предлагает Вашему вниманию:

3-е издание **"Книги кагала"** Я.Брафмана (Всемирный еврейский вопрос)/под редакцией А.Брафмана - С.-Петербург, 1888.

Это двухтомник. Первый том - собственно сама книга на 372-х страницах. Второй том - это перевод более 1000 кагальных документов на 479-ти страницах.